

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет

М.Л. Багайников

**ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ:
ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

Иркутск
Издательство БГУ
2016

УДК 332.1(470+571)
ББК 65.049(2Рос)
Б14

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Издается при финансовой поддержке государственного задания № 2014/52 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части проекта № 1841 «Активизация ресурсного потенциала Прибайкальского региона как фактора его устойчивого развития» (номер госрегистрации в ФГАНУ ЦИТиС 01201458900).

Рецензенты д-р экон. наук, проф. В.Ю. Рогов
канд. экон. наук, доц. С.А. Малютина

Багайников М.Л.
Б14 Геоэкономические регионы России: факторы становления / М.Л. Багайников. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. – 148 с.

ISBN 978-5-7253-2930-8

Рассмотрены актуальные вопросы регионального развития в условиях изменения геоэкономического атласа мира, а также теоретические и методологические основы формирования геоэкономических регионов России на примере Байкальского региона.

Для студентов бакалавриата и магистратуры, а также тех, кто интересуется вопросами развития экономики регионов Сибири.

УДК 332.1(470+571)
ББК 65.049(2Рос)

ISBN 978-5-7253-2930-8

© Багайников М.Л., 2016
© Издательство БГУ, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Теоретические основы формирования геоэкономических регионов	6
1.1. Некоторые закономерности формирования региональных общественных гео-структур: национальный и международный аспекты.....	6
1.2. Возникновение и генезис геоэкономической концепции регионального развития.....	28
1.3. Геоэкономика и формирование внутренних регионов.....	41
2. Геоэкономический подход к управлению регионами как фактор их устойчивого развития	53
2.1. Геоэкономическая модель устойчивого развития региона	53
2.2. Геоэкономический регион как программно-проектный регион современной России	66
2.3. Институциональная инфраструктура устойчивого развития геоэкономического региона	73
3. Методологические основы формирования и функционирования внутренних геоэкономических регионов России.....	83
3.1. Влияние геокультуры, геополитики и геоэкологии на процессы формирования внутренних геоэкономических регионов	83
3.2. Геоэкономические регионы современной России. Байкальский регион как концепт геоэкономического региона инфраструктурного типа.....	92
3.3. Основы формирования институтов развития внутренних геоэкономических регионов инфраструктурного типа	103
3.4. Концептуальные подходы к формированию Байкальского геоэкономического региона	116
3.5. Направления капитализации ресурсного потенциала Байкальского геоэкономического региона	123
Заключение	131
Список использованной литературы	133

ВВЕДЕНИЕ

Усиление глобального хозяйственного взаимодействия существенно изменило условия функционирования национальной экономики и, в соответствии с тенденцией развития глобальной среды, сделало ее более открытой, а систему хозяйственных связей гораздо более разнообразной. В результате национальные экономические системы вынуждены приспосабливаться к условиям, изменившимся под воздействием глобализационных факторов, коренным образом меняющих состояние хозяйственной деятельности и являющихся новым качеством процесса интернационализации. Однако обратной стороной данного процесса стало нарастание угроз экономической безопасности, что особенно актуально для государств, не имеющих опыта существования в условиях открытой экономики, в силу исторических событий, не прошедших процесс поэтапной конвергенции экономических систем разных формаций. В новых условиях более значимую роль стали играть регионы (внутренние и международные), институализация которых стала ответной реакцией на глобализацию.

Проблема становления региональных социально-экономических, хозяйственных систем как субъектов мирового хозяйства, обладающих определенной хозяйственной автономией, обусловлена трансформационными процессами, протекающими в мировой хозяйственной системе. Это предъявляет новые требования ко всем участникам хозяйственного процесса, включая регионы и их экономические системы. Фактором, актуализирующим проблему геоэкономической идентификации внутренних регионов, выступает усиление глобального хозяйственного взаимодействия, требующее эффективного вовлечения в мировые воспроизводственные процессы. Эффективная интеграция в существующую мирохозяйственную систему возможна при условии обеспечения эффективного использования имеющихся ресурсов и упорядоченности внутренней организации национального хозяйства, в том числе в пространственном аспекте. При этом ключевое значение в решении задач геопространственной идентификации регионов имеет геоэкономика и свойственный ей методологический инструментарий.

Утверждение геоэкономической концепции развития экономики происходило по мере признания факта целостности мирового хозяйства, в период становления капитализма, – предтечи глобалистики. Первоначально геоэкономике отводилась лишь вспомогательная роль, но постепенно она выделилась в самостоятельную область экономических знаний, поскольку геоэкономические подходы нашли довольно широкое применение в формировании национальных экономических стратегий, стратегий развития международных региональных интеграционных структур, а также территориальных образований внутри стран.

Изучая вопросы внутренней регионализации России, следует, на наш взгляд, обратить внимание на аспекты, раскрывающие особенности формирования существующих в настоящее время регионов в их ретроспективе (истории становления региональных хозяйственных комплексов, степени их интегрированности в народнохозяйственный комплекс страны, геокультурных особенностей и т. п.). Если говорить о регионах как об административно-территориальных единицах в рамках установленных административных границ, то вопрос неиз-

бежно переходит в политическую плоскость, слабо коррелируя с экономическим, хозяйственным контекстом.

К числу недостаточно разработанных вопросов теории региональной экономики относится формирование системы социальных, экономических, культурных связей регионов в контексте геоэкономической формулы мироустройства. В настоящее время регионы в качестве специфических корпораций (квазикорпораций), отталкиваясь от сложившейся в стране государственной региональной политики, зачастую самостоятельно выстраивают систему экономических взаимоотношений (в том числе международных). При этом регионам, как квазикорпорациям, свойственно использование методов и подходов корпоративного управления, ввиду открытости его экономической системы и глубокой диверсификации экономической деятельности.

Геоэкономический подход к формированию стратегии развития национального и регионального хозяйства в условиях усиления глобального взаимодействия учитывает влияние множества факторов: экономических, этнокультурных, экологических, географических и социальных. Важную роль при этом играют природно-ресурсный потенциал территории страны и ее природно-климатические условия.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ

1.1. Некоторые закономерности формирования региональных общественных гео-структур: национальный и международный аспекты

Зарождение и существование государств, представлявших собой на первом этапе совокупность консолидированных территориальных общественных образований (племен и племенных союзов), сопровождалось формированием как внутренних, так и внешних региональных структур, альянсов, решавших конкретные задачи: военные, политические, экономические, демографические. То есть основным мотивом формирования разного рода региональных образований стал преследуемый отдельными субъектами или государствами личный или общественный интерес. Процессу регионализации способствовал достаточно большой набор факторов, важнейшим из которых являлся территориальный, точнее, пространственный фактор, включающий в себя ландшафтный, исторический, хозяйственный, культурный и другие аспекты. Объединяет же их причастность к определенной территории, земле.

Как известно, значение слова «гео» (от гр. *ge* – земля) свидетельствует о наличии отношения конкретного понятия к земле, территории. Отсюда возникает вопрос о месте, которое занимают факторы, связанные с конкретной географической площадкой в процессе формирования региональных общественных структур. Для обобщения совокупности факторов, относящихся к географическим явлениям и имеющих с ними тесные взаимосвязи, нами предложено использовать категорию «*гео-фактор*». Гео-факторы, на наш взгляд, это сложное многоаспектное понятие, включающее в себя набор признаков, принципов и факторов, оказывающих влияние на процессы регионализации на внутреннем (субрегиональном), макрорегиональном и мезорегиональном уровнях, имеющее тесные связи с конкретным географическим пространством, территорией. Под влиянием гео-факторов появились как незначительные по своему масштабу внутренние региональные образования национального уровня, так и обширные международные геостратегические регионы, чьи акторы часто не имеют географической общности. Гео-факторы формирования территориальных (пространственных) структур (регионов), на наш взгляд, имеют специфические особенности и условия, способствующие социально-экономической и политической интеграции территориальных общественно-экономических субъектов в ассоциативные, интеграционные региональные структуры. «Префикс "гео" в контексте современных геополитических проблем, – отмечает Г.Н. Нурышев, – уже увязывается не только с географическим пространством, но и с иными пространственными категориями» [125, с. 305].

Несомненный интерес вызывает категория «пространственный», применительно к территориальным общественным структурам. Э.Б. Алаев, определяет их как категорию, характеризующуюся территориальной протяженностью, взаимосвязанностью структурных элементов, обладающих динамичностью и синхронностью наблюдаемых на данной территории процессов. Географиче-

ское пространство вкупе с географическим полем (ареалом, в пределах которого проявляется воздействие данного географического объекта), образуют географическое пространство [6].

«Обретая географическую (в том числе и экономико-географическую) предметную определенность, – отмечает А.Г. Дружинин, – "пространство" трансформируется в "геопространство"» [44, с. 13]. Отсюда делается вывод о наличии двуединого звучания категории «геопространство»: с одной стороны, «это некая реальная территория (точнее, совокупность взаимосвязанных территорий), т. е. трехмерный «наполненный» различного рода природными, техногенными и социогенными элементами объект, территориальная социально-экономическая система», с другой стороны, «совокупность особого рода пространственно очерченных (делимитированных и детерминированных) экономических, социальных, политических и иных отношений» [44, с. 13].

Ввиду непрекращающегося процесса трансформации глобальной общественной системы, в том числе экономической, особого внимания заслуживает вопрос идентификации категорий «регион» и «регионализация» в контексте решения задач устойчивого развития территорий, в стремительно меняющихся условиях. Смена точки зрения по отношению к регионам и трансформация методологических подходов к оценке уровня их развития, связана с кардинальным изменением роли региона в функционировании мирового хозяйства, что, как уже было отмечено, связано с активизирующимися процессами глобализации. В.А. Абрамов и Т.Н. Кучинская, на наш взгляд, справедливо замечают, что «регионализация развивается как процесс, параллельный глобализации, но противопоставленный ее негативным тенденциям, направленный на обеспечение безопасности (экономической, политической, социокультурной) конкретного региона. Регионализация здесь выступает механизмом защиты государства, национальных интересов от негативных тенденций глобализации» [1, с. 196]. По словам Е.А. Лиманского, «тенденция к регионализации стала заметной уже начиная со второй половины XX в., когда подавляющее число государств испытывало структурные изменения, выражающиеся прежде всего в ограничении государственного контроля и регулирования». После окончания «холодной войны» процессы регионализации только усилились и стали оказывать существенное влияние на состояние международных отношений [99, с. 135].

Схожим образом высказался Г.Н. Нурышев, отметив то, что регионализация есть ответ на вызовы глобализации: «явление регионализма стало заключаться в создании региональных структур с целью координации национальных интересов геополитических субъектов в сфере политики, экономики, военного дела» [123, с. 236]. Также следует отметить изменение вектора развития глобализации, произошедшее в XXI в. под влиянием целой группы факторов, к числу которых можно отнести и фактор регионализации. Так, например, регионализация коснулась и главного инициатора глобализации – США, когда внешняя экономическая политика этого государства стала отчетливо развиваться в русле «континентализации».

Стимулами активизации процессов регионализации выступают не только факторы внешней, но и внутренней природы, когда целевым ориентиром определяется задача переформатирования сложившейся внутренней экономической и политической структуры. Так, например, регионализация может рассматриваться как «процесс, который направлен на создание взаимосвязанной политико-экономической системы, обеспечивающей особый статус региональных образований в политической системе государства, участие регионов в реализации государственной власти, их относительную экономическую и фискальную самостоятельность» [149, с. 94].

В связи с вышеперечисленным, особую актуальность приобрели вопросы, связанные с глобальным позиционированием территорий (стран и отдельных регионов) в контексте развития процессов глобализации и интернационализации. А.Г. Дружинин в этой связи отметил следующее: «процессы глобализации привели к дальнейшему усложнению объекта экономико-географических исследований, придали категории "геопространственное позиционирование" особую эвристическую ценность, позволяя ставить вопрос о "глобальном геопространственном позиционировании" как необходимом атрибуте (способе бытия) ТСЭС»¹ [44, с. 22].

В этой связи заслуживает внимания высказывание С.В. Синицкого, которое звучит следующим образом: «...Глобалистика вызвала к жизни новое понимание региона как некой совокупности территориально и экономически объединенных национальных экономических систем» [158, с. 71]. Однако в этом случае неизбежно возникает неоднозначность в определениях понятия «регион» с национальных и глобалистских позиций. Такая неоднозначность, тем не менее лишь подтверждает тезис о разной взаимообусловленности регионализации и глобализации. Поэтому «как возможный вариант такого разграничения можно предложить определять регион в его внутригосударственном значении как "национальный регион" (НР), а для идентификации региона как наднационального межтерриториального субъекта применять термин "мировой экономический регион" (МЭР)» [158, с. 71].

Параллельно протекающие интеграционные и дезинтеграционные процессы, усиление глобального взаимодействия, активизировали процессы регионализации, как на международном, так и на национальном уровне. А.А. Сергунин, положительно оценивая развитие процессов регионализации, применительно к России, отмечает, что «регионализация способствует дальнейшему открытию России для связей с внешним миром – участию в международном разделении труда, дискуссиях о создании новых моделей региональной и глобальной безопасности» [157, с. 86]. Как противовес этой точке зрения, можно отметить наличие латентных рисков, связанных с размыванием «национальных государств, которые все больше будут становиться ненужным промежуточным звеном в новой политической системе» [99, с. 137].

На современном этапе развития общества, по словам В.Г. Введенского и А.Ю. Горохова, регионализация может рассматриваться как «естественный ре-

¹ ТСЭС – территориальная социально-экономическая система.

зультат глобального кризиса суверенной нации государства, чьи полномочия переходят регионам и транснациональным корпорациям» [146, с. 65]. В то же время Р.С. Смищенко констатирует, что «российская регионализация 1990-х гг. носила стихийный характер, что стало возможным в силу политического кризиса самого федерального центра и быстрого развития и усиления региональных элит. Кроме того, этнические различия остались одним из ключевых факторов культурно-территориальной дифференциации» [159, с. 281].

Таким образом, имеет место необходимость краткого обзора существующих трактовок категории «регион». Это связано с наличием их значительной вариации в зависимости от того, с каких позиций рассматривается этот феномен: естественно-научных или общественно-научных. Каждая из них решает свои специфические задачи и выделяет наиболее важные, принципиальные характеристики. Как любое сложное социально-экономическое, общественно-политическое и пространственно-географическое явление, термин «регион» не имеет единого, полностью его раскрывающего определения, что подразумевает наличие достаточно большого числа трактовок, раскрывающих суть данного феномена. Например, выделяют экономическую, культурологическую, геополитическую, политологическую, философскую, административно-правовую и другие трактовки этого понятия [97, с. 60].

Н.И. Чернобровкина отмечает, что, с одной стороны, «концепция "региональности" связана с процессами децентрализации государственной власти и различными формами регионализации, включающими районирование внутри национальных государств, с другой стороны, объясняется феноменом "формирования транснациональных регионов"» [185, с. 162]. По мнению А.М. Носонова, регион представляет собой конкретную территорию, «для которой характерны определенный комплекс природных феноменов, население и созданное им хозяйство. <...> Взятые же в совокупности, они представляли собой определенное региональное (пространственное) единство» [122, с. 3]. Данное определение имеет четкую привязку к географическим константам, что ограничивает его использование в анализе региональных структур, не имеющих общей географической платформы.

Как уже было отмечено, спектр трактовок понятия «регион» сегодня весьма широк и включает в себя самые разнообразные определения, начиная с таких, чье содержание полностью соответствует понятию «субъект Федерации», заканчивая определениями, согласно которым регион существует после осознания его элементами необходимости наличия общественных интересов. Так, В.Г. Игнатов и В.И. Бутов характеризуют регион как территорию, обладающую следующими чертами: «комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т. е. наличием политико-административных органов управления», а главное находящиеся в административных границах Российской Федерации. То есть приведенная выше характеристика мало чем отличается от формального определения понятия субъект Федерации [57, с. 18].

Также регион рассматривают как определенную общность, возникающую «на базе некоторой социоприродной самодостаточности, т. е. совокупности

природных, социально-экологических и производственных качеств, обеспечивающих в совокупности общественную жизнедеятельность в рамках конкретной территориальной организации» [52, с. 96]. При этом процесс регионализации рассматривается как «процесс интеграции локальных сообществ, при котором происходит формирование регионов, сопровождающееся перестройкой их отношений с государством, внутри которого они оформляются, и изменениями отношений с соседними государствами» [52, с. 96]. «Регионализация как парадигма и новый тип научного мышления, – отмечают В.А. Абрамов и Т.Н. Кучинская, – оперирует базовыми понятиями региона, объясняющими сущность взаимодействия и взаимосвязи локального, регионального и глобального социального развития» [1, с. 197].

Часто понятие «регион» рассматривают исключительно в национальных масштабах, характеризуя его как составную часть страны, не выходя за рамки политических границ и вне контекста образования и функционирования трансграничных, наднациональных территориальных структур. Так, М.В. Панасюк использует определение, употребляемое по отношению к региону, в его внутринациональном контексте, а именно понятие «регион» рассматривается как синоним понятия «район» для обозначения каких-либо территорий со сходными таксономическими характеристиками; регион есть субъект Российской Федерации; регион – это часть территории страны, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и других условий; регион – это воспроизводственная структура; регион – это проблемная часть географической среды или геопространства и др. [130, с. 8–9].

Взгляды на регион существенным образом изменились в результате трансформации архитектуры мировой экономики, когда была осознана важная роль, которую играют регионы в функционировании мирового хозяйства, во всем многообразии их количественных и качественных характеристик. Глобализация, сопровождаемая регионализацией (как компенсационный механизм, используемый субъектами мирового хозяйства), изменила подходы к трактовке понятия «регион», выведя ее за рамки чисто географического явления в иные плоскости. «Можно считать общепризнанным, что глобализация, способствующая интенсификации коммуникаций, имеет следствием усиление регионализации. Регионы, формирующиеся стихийно или целенаправленно, пытаются получить (и получают) дополнительные конкурентные преимущества», – замечают Г.М. Федоров и В.С. Корнев. Продолжая мысль, вышеназванные авторы отмечают следующее: «применительно к регионализации в условиях глобализации можно сформулировать три гипотезы, подтвержденные и теоретическими рассуждениями, и аналитической практикой, так что их можно считать аксиомами»:

- глобализация усиливает регионализацию;
- регионализация ведет к поляризации;
- как следствие двух первых аксиом: глобализация усиливает поляризацию [175, с. 103].

По мнению А.Г. Дружинина, основополагающими чертами социально-экономического региона (района) являются: его внутренняя целостность, особая взаимосвязанность компонентов; имманентность региону некой «собственной» территории; сложная структура, при которой любой регион расчленяется на субрегионы, одновременно являясь частью более крупного территориального образования [44].

Являясь территориальной целостностью, регион не может рассматриваться в отрыве от вмещающего его социально-экономического контекста, т. е. это есть «результат упорядочивания множества объектов, итог особого рода взаимодействия, предопределяющего не только бытие и важнейшие свойства той или иной конкретной территориальной социально-экономической системы, но и специфику (условия, способы, результаты) ее "включения" в территориальную организацию общества в целом» [44, с. 11].

Изучая проблему изменения подходов к характеристике и идентификации регионов в современных условиях, О.Г. Леонова отмечает, что понятие «"регион" может применяться по отношению к внутригосударственной административной единице, представляющей собой субрегион внутри государства; группам государств, представляющих собой международные макрорегионы; отдельным государствам, которые в соответствии с данной логикой, можно определить как мезорегион» [98, с. 61].

Однако при этом вышеназванным автором не выделены и не идентифицированы регионы, не имеющие общей географической платформы, однако являющиеся гомогенными по целому ряду других признаков, например, этно-религиозному, цивилизационному, культурному, мировоззренческому, идеологическому и т. п.

Что касается типологии регионов, то в настоящее время существует достаточно устойчивая их классификация, в основе которой лежат самые разные признаки. Например, по содержанию регионы можно разделить на комплексные, однородные, специализированные; по динамике функционирования на регионы, ориентированные на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные цели; по уровню территориальности – на макро-, мезо-, микрорегионы [88, с. 62–63].

По словам М.Л. Лагутиной, «смысл термина "регион" претерпел существенную трансформацию, что выразилось в переходе его от территориального измерения к пространственному», т. е. имеет место уход от признания монопольного положения принципа географического единства при образовании регионов [89, с. 16]. С этой точки зрения регион как общественный феномен приобретает новые черты и свойства и получает весьма специфическую конфигурацию, поскольку «понятие "пространство", которое в данном прочтении не имеет ярко выраженных территориальных констант и может вбирать в себя новые характеристики региона, не привязанные к географической карте» [89, с. 17].

Схожей точки зрения придерживается А. Воскресенский, предложивший использовать по отношению к региону следующую характеристику: «регион – это определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть

отграничен признаком наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию» [26, с. 132].

Безусловный интерес вызывает механизм взаимодействия региона как сложной социально-экономической системы (геопространственного образования) с другими территориальными таксонами (по А.Г. Дружинину). Так, например, территориальная хозяйственная система взаимодействует с субъектами разной иерархической принадлежности, к числу которых можно отнести:

- равномасштабные территориальные системы;
- территориальные системы высшего иерархического уровня;
- отдельные элементы (ядерные, линейно-сетевые) территориальных систем высшего (вмещающего данный регион) уровня;
- природные, хозяйственные, этнокультурные, институциональные и иные территориальные системы;
- природные, хозяйственные, этнокультурные, институциональные и иные территориальные подсистемы «внутри» территориальной системы;
- территориальные системы субуровня и их отдельные элементы;
- периферийные элементы «внутри» территориальной системы [44].

В настоящее время существует множество позиций относительно классификации регионов. Так, Н.В. Калединым предложена группировка, согласно которой регионы можно разбить на четыре больших класса:

- регионы международного (макрорегионального) уровня;
- субрегионы;
- регионы внутрисубрегионального уровня;
- регионы странового уровня [59, с. 34].

Под международным уровнем автор понимает региональные объединения и международные организации «экономического, политического и интегрального (комплексного) характера с ярко выраженными управленческими функциями» [59, с. 34–35]. Субрегиональный уровень интеграции формируется в фаворате развития международных региональных объединений, способствуя созданию «новых геополитических субрегионов». На постсоветском пространстве такими субрегионами являются – Прибалтийский и Евразийский. Кроме того, выделяются историко-культурные субрегионы бывшего СССР: «Европрибалтийский (Эстония, Латвия, Литва), Балтийско-Черноморский (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), Центрально-Азиатский (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и Закавказский (Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, Грузия)» [59, с. 42].

Внутрисубрегиональный уровень политико-экономической интеграции «открывает возможности выделения в субрегионах более мелких региональных общностей – специфических групп стран» [59, с. 42]. Внутрискановой уровень регионализации, при которой «в различных формах (этнополитической, электоральной, геополитической и др.) реализуется политико-геогра-

фическая регионализация внутреннего пространства на основе ранее сложившихся историко-культурных областей», присущ подавляющему большинству стран мира [59, с. 42].

Сегодня особенно четко прослеживается тенденция образования на глобальной карте наднациональных, трансграничных регионов. Это дает основания говорить о появлении новой пространственной, систематизированной формации – глобальных регионов, представляющих «собой структурированное пространство, основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (экономический, исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т. д.)» [90, с. 17]. Территориально (географически) субъекты глобальных регионов могут находиться друг от друга на значительном расстоянии, однако наличие общих пространств (культурных, цивилизационных, информационных и т. д.), наднациональная природа и наличие транснациональных сетей, позволяет говорить о регионах как о достаточно однородной структуре [90]. Таким образом, географическая общность территории в процессе регионализации постепенно уходит на второй план, уступая место другим обобщающим характеристикам, что, по словам М.А. Троицкого, стало результатом изменения конфигурации международных отношений «в рамках которых основное взаимодействие протекает между различными региональными группировками, а не между отдельными крупными державами или коалициями государств, географически отдаленных друг от друга» [170, с. 36–37].

Особую специфику имеют процессы регионализации на постсоветском пространстве, субъекты которого вынуждены по окончании периода распада СССР и национальной самоидентификации выстраивать коалиционные связи, одновременно находясь в зоне гравитации различных глобальных и региональных «центров силы», поддаваясь или противостоя их влиянию. «С точки зрения природы и механизмов (движущих сил) процессы регионализации (как международной, так и внутренней) реализуются в форме двух взаимосвязанных тенденций – дезинтеграционной (распад или его угроза для государств и их объединений, сопровождающиеся появлением новых стран, субрегионов, регионов) и интеграционной (формирование региональных общностей в результате объединения территориально-политических субъектов)» [59, с. 32–33].

Политическая и экономическая дезинтеграция привела «к деформации пространства новой России, уменьшению ее компактности, разрыву части южных и восточных осей развития, потере зоны влияния, опасности перехода периферийной зоны к другим геополитическим центрам» [73, с. 96]. Однако сейчас можно наблюдать смену вектора развития, а именно процессы дезинтеграции постепенно сменяются интеграцией (чаще всего реинтеграцией), что особенно отчетливо наблюдается в хозяйственной сфере.

Приметой времени стал постепенный отход от территориальности при рассмотрении и анализе региона и региональных структур. Это означает постепенный отказ от их непосредственной привязки к географической карте и переход

к пространственному принципу регионального строительства. То есть теперь «географическое единство не является определяющим признаком» [24, с. 21].

Схожая тенденция прослеживается и в механизмах функционирования внутренних национальных регионов, все больше впитывающих в себя атрибуты пространственные, не имеющие прямой увязки с географией как таковой, но связанные с определенными географическими явлениями.

Тем не менее одним из важнейших гео-факторов, способствовавших зарождению и формированию региональных интеграционных структур, остается географический фактор, обуславливающий наличие значимого, уникального географического и исторического объекта, формирующего общность пространства. Большое значение имеют также экономический (хозяйственный), или гео-экономический фактор, производный от преследуемых регионом экономических интересов, а также геокультурный фактор, связанный с наличием объединяющей этнорелигиозной идентичности и общего культурного кода. «Совокупность региональных (и других) экономических интересов, – отмечает А.А. Козлов, – без сомнения, представляет собой достаточно противоречивую систему. Всегда можно выделить базовый, ключевой экономический интерес как общества в целом, так и любых его ячеек, в том числе и территориальных» [69, с. 11]. Культурный (этнокультурный, религиозный) фактор, также способствует появлению пространственных общественных образований, субъекты которых признают свою причастность к определенному этнорелигиозному, культурному и цивилизационному полю.

Особое внимание следует уделить оценке влияния географического и исторического факторов на формирование регионов как общественно-экономических и политических, территориальных феноменов. Географические особенности, такие как климат и ландшафт и т. п. оказывают серьезное влияние на хозяйственное устройство территории, детерминируют динамику ее социального, экономического и технологического развития и создают условия для появления территориальных общественных образований – регионов (как внутренних, национальных, так и международных). Основным драйвером, задающим интенсивность и направление регионализации, выступает именно «глобальная регионализация», т. е. регионализация пространства глобального мира, которая «на практике представляет собой трехуровневую структуру – совокупность суб-, мезо- и макрорегионов, а понятие "регион" выступает как базовый элемент этой трехуровневой системы глобального мира» [98, с. 60]. То есть процессы регионализации протекают «не только на субуровне (внутри государств), но и на макроуровне, т. е. на уровне планетарном» [98, с. 60].

Еще одной стороной процесса регионализации, охватившего практически все уровни социосферы, стала трансграничная регионализация, возникновение которой «во многом обусловлено процессами экономической глобализации, требующей укрупнения рынков и новых подходов к пространственной организации экономики. Но во многом трансграничный регионализм – это реакция на недостаточную способность государств и международных организаций решать глобальные вопросы» [176, с. 104]. Н.А. Цыганок отмечает, что «именно пригранич-

ный (трансграничный) регион в таких условиях приобретает особое значение в приоритетах государства, поскольку становится тем полем политического и экономического взаимодействия, где государства способны эффективно реализовать свои потребности в различных международных инвестициях» [183, с. 293]. По мнению М.Ю. Шинковского, трансграничный регион представляет собой «особый вид приграничного региона, представляющий собой обширную территорию, обладающую определенным культурно-историческим единством (общность культурной и политической истории, сходство культурных ландшафтов, экономическое взаимодействие) и в то же время концентрирующую максимально возможное число переходных зон (культурных, политических, социально-экономических)» [192, с. 67]. Трансграничные регионы приобретают все большее распространение благодаря гибкой системе выстраиваемых связей, а также разнообразию способов пространственной конфигурации конкретного региона. Именно такая форма регионального устройства, наш взгляд, будет наиболее востребована, как со стороны государства, так со стороны регионов.

Развитие процессов трансграничной регионализации имеет особое значение для России, что связано с географической обширностью территории, а также культурным, этническим и религиозным разнообразием проживающего здесь населения. «В Российской Федерации сегодня можно говорить об уже оформившейся геоэкономической и геополитической зоне трансграничного сотрудничества в западной части страны», – отмечает Н.А. Цыганок, в основе которой «лежат многолетние исторические региональные связи» [183, с. 293]. Еще одним побудительным мотивом развития трансграничного регионального сотрудничества и формирования трансграничных регионов в нашей стране стало, по словам А.А. Зыкова, «разрушение хозяйственных связей и ослабление политического контроля Москвы над регионами», в результате чего «приграничные субъекты РФ стали получать импульсы экономического и культурного развития от соседних государств» [56, с. 60]. Это привело к возникновению благоприятных условий «для развития нового для России формата взаимодействия – трансграничного сотрудничества, которое предполагает участие разноразмерных политических акторов в международном диалоге и интеграционных процессах» [56, с. 60].

Интерес вызывает также то, каким образом выражается процесс регионализации, т. е. в чем состоит ее суть, и какие цели она преследует. Усиление процессов регионализации выражается «в интегративности, локализме, самодостаточности, самобытности и исключительности региональных проявлений» [85, с. 27]. Другими словами, усиление глобального взаимодействия, сопровождаемое упрощением трансграничного движения капитала, максимально возможной открытостью экономических систем и т. п., уравнивается активизацией процессов регионализации и усилением пространственной автаркичности региональных социально-экономических систем. При этом роль государства все больше сводится к роли субъекта, гарантирующего устойчивость региональных систем. Отсюда, отмечают В.А. Абрамов и Т.Н. Кучинская, «...государствоцентрическая парадигма определяется по-новому: под углом со-

временных угроз и опасностей, в рамках процесса регионализации» [1, с. 196]. «Так, в мире новые крупные регионы становятся более активными игроками на глобальном рынке: они способны продуцировать более масштабные проекты; их столицы претендуют на более высокий статус в мировой региональной иерархии; схемы развития транспортных путей, системы расселения становятся более простыми и понятными» [173, с. 112].

Регионализации в самых разных ее формах и масштабах не является чем-то абсолютно новым, продуцированным современностью. Регионализация, в том числе наднациональная, трансграничная, внутринациональная всегда имела место в истории человечества, о чем говорит великое множество заслуживающих доверие исторических свидетельств.

В исторической ретроспективе формирование регионов международного масштаба, т. е. порядка более высокого, нежели внутренние территориальные образования, складывалось прежде всего под влиянием географических (наличие пригодных для жизни пространств, природных ресурсов), природно-климатических и хозяйственных факторов. Например, Великое переселение народов IV–VII вв. н. э. стало следствием резкого изменения климата на большей части Евразии, в результате чего произошло кардинальное переформатирование сложившейся до того геополитической мозаики, а запущенные процессы формирования новых моделей политического и экономического взаимодействия, стали необратимыми. Постепенно исчезали, либо значительным образом трансформировались существовавшие ранее центры политического, культурного и экономического могущества – геостратегические регионы и государства, на основе которых формировались новые структуры, лучше приспособленные к изменившимся условиям. Применительно к Европе, этот процесс повлек за собой, с одной стороны, исчезновение Римской Империи – регионального гегемона и в целом закат античной цивилизации, с другой стороны, ознаменовал начало новой эпохи – Средневековья и активизацию процессов этногенеза, приведших к формированию новых стран и региональных центров международного уровня. Как следствие изменились хозяйственный уклад, торговля и логистика, культура и культурные связи, религия, политическая система и т. п.

Ядро геостратегического центра Европы совершило постепенный дрейф из Средиземноморья на север. В результате средиземноморский регион утратил свое центральное геостратегическое значение, переместившись на периферию глобальной мир-системы (по Ф. Броделю), несмотря на сохранившуюся значимость его как культурно-религиозного центра и наличие важного транспортно-коммуникационного пути (Средиземного моря). Эпоха Великих географических открытий и налаживание транскеанских торгово-экономических связей с колониями окончательно закрепили за Средиземноморьем статус периферии.

Сегодня Средиземноморский регион по уровню социально-экономического развития и экономической значимости заметно отстает от мировых регионов-лидеров (например, Северная Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) и др.), а его целостность нарушена имеющими место этническими и религиозными противоречиями. С.М. Хенкин отмечает, что «Южная Европа, Северная Африка,

арабский Ближний Восток отстают по темпам научно-технического прогресса, развития процессов интеграции, уровню инвестиций от многих других регионов мира. Существенно и то, что ушло в прошлое прежнее острое противостояние в этом регионе Востока и Запада» [181, с. 31].

После установления политического статус-кво и по большей части завершения процессов этногенеза и формирования национальной идентичности, на всем континенте на длительное время утвердился феодализм, который был признан современниками как наиболее прогрессивная и успешная, соответствующая духу времени, формация. Ее венцом стала феодальная урбанизация, в результате которой на международной арене все более заметную роль играют отдельные города, выполняя государственные функции.

Так, геостратегическим центром средневековой Европы стала территория, омываемая водами Северного и Балтийского морей, а находившиеся на ней города имели между собой тесные торговые связи. Этот союз торговых городов Северной Европы известен как Ганзейский торговый союз или просто Ганза. М.А. Шебанова пишет, что «по своему охвату немецкая Ганза носила транснациональный характер и выполняла функцию торгового посредничества между различными странами Европы, открывая там свои филиалы и представительства и пытаясь минимизировать межгосударственные барьеры на пути движения капиталов в интересах своих членов» [189, с. 173]. В Ганзе существовали четко установленные правила торговли (что дает основание говорить о ней как о своеобразной предтече современного ВТО), более того, в ряде случаев для их соблюдения Ганза активно использовала методы силового принуждения, вплоть до проведения весьма масштабных военных операций. Однако немаловажным условием зарождения и успешного существования Ганзейского союза в начальных этапах стало наличие водных путей: Балтийского моря и рек, входящих в его акваторию. Без упомянутого гео-фактора формирование этой общественно-территориальной и хозяйственной структуры было бы невозможным. Таким образом, что для Средиземноморского региона античной эпохи, что для средневековой Ганзы, важнейшим фактором существования их как геостратегических регионов стал фактор наличия коммуникационной среды (моря), определившей ход и направление развития общественно-политической и хозяйственной системы региона.

В мировой истории не только море становилось необходимой средой для развития коммуникаций с последующей культурной и хозяйственной интеграцией, военной и экономической экспансией и гегемонией, свойственной государствам «морского могущества» (талассократии) (по Р. Коллинзу). Целый ряд стран и региональных международных структур развивались на основе «сухопутного могущества» (теллурукратии), когда интеграционный потенциал находил свою реализацию через сухопутные (континентальные) коммуникационные маршруты. Ярким примером того может служить древний торговый маршрут известный как «Великий шелковый путь», соединивший в эпоху своего расцвета Китайскую и Римскую империи, и оказал мощное воздействие на развитие территорий, по которым он проходил. В разное время вдоль него создавались и исчезали государ-

ства и даже цивилизации. Этот маршрут продолжал свое существование и после крушения Римской и Парфянской империй, а также превращения империи Хань в конгломерат враждующих между собой государств. Существование торгового пути стимулировало формирование новых региональных держав, благодаря ему поддерживались тесные международные торгово-экономические, социальные и культурные связи и, как следствие, обеспечивалась циркуляция в ойкумене, научных знаний, ресурсов, технологий и идеологий.

Как видно, наличие развитых коммуникационных маршрутов, неважно водных или сухопутных, способствует зарождению локальных региональных структур, а на уровне более высокого порядка – созданию международных геостратегических макрорегионов. В этом случае можно отметить наложение разных групп факторов друг на друга, их сочетание: факторы, генетически относящиеся к географическим, сочетаются с культурно-религиозными, экономическими и социальными. Все это, как свидетельствует история, способствует зарождению и развитию регионов, как относительно обособленных территориальных (пространственных) структур.

Несмотря на снижение значимости географических факторов в процессах формирования геоэкономических регионов, их влияние остается по-прежнему высоким, особенно на транснациональном уровне. Это объясняется невозможностью полного игнорирования указанного фактора, о чем свидетельствуют формирующиеся в настоящее время международные региональные структуры, базирующиеся по большей части на заключении региональных торговых соглашений. В современных условиях все более значимыми становятся такие факторы регионализации, как идеологические, экономические, мировоззренческие, культурные, информационные и др. Так, А.Е. Лихачев и А.Н. Спартак характеризуют региональные торговые системы как «закономерный результат приспособления реальной торговой политики к потребностям глобализации и ТНК, как наиболее активных участников процесса глобализации», и их дальнейшую эволюцию «в направлении формирования межгосударственных экономических пространств – фактически общих рынков, в наибольшей степени отвечающих интересам ТНК и обеспечивающим эффективное функционирование глобальных цепочек приращения стоимости» [101, с. 20–21]. Очевидно, что торговля сегодня, как и в прежние времена, выступает мощным побудительным мотивом регионализации, т. е. создания региональных альянсов и групп, как инструментов, существенно облегчающих движение экономических ресурсов.

Вместе с тем факторы, не являющиеся географическими, в условиях отсутствия развитой системы обмена информацией, сами по себе не имеют значительного потенциала для формирования устойчивых региональных структур. То есть можно утверждать о примате географических явлений (ландшафта, климата, биосферы) в развитии стран и регионов, обеспечивающих общество необходимыми условиями для развития. При этом границы регионов, равно как и их ядра, могут не только перемещаться в географическом пространстве, следуя за перемещающимися «центрами силы», но и исчезать, оказавшись без необходимого набора обеспечивающих их существование элементов.

Увязка вопроса формирования регионов в глобальном масштабе и особенностей их хозяйственного развития только лишь с влиянием природно-климатического и географического факторов было бы односторонним, не учитывающим всей многогранности и многоаспектности этой проблемы. Так, Л.Н. Гумилев отмечает, что, согласно мнению историка климата Э. Ле Руа Ладюри, «стремление свести подъемы и упадки хозяйства в разных странах Европы к периодам повышенного или пониженного увлажнения, похолодания или потепления основано на игнорировании экономики и социальных кризисов, роль которых не подлежит сомнению» [34, с. 65].

Не только ландшафт и климат определяют особенности социального и хозяйственного развития стран и регионов, но и целый комплекс иных, генетически восходящих к культуре, религии, этническим поведенческим стереотипам и т. п. факторов. Л.Н. Гумелев справедливо заметил, что «связь этнической культуры с географией несомненна, но ею нельзя исчерпывать всю сложность взаимоотношений многообразных явлений природы с зигзагами истории этносов. И более того, тезис, согласно которому любой признак, положенный в основу классификации этносов, является адаптационным к конкретной среде, отражает только одну сторону процесса этногенеза» [34, с. 135].

Геостратегические регионы современного мира не имеют достаточно четкого определения, поэтому для их идентификации применяются самые разные подходы и критерии. В условиях беспрецедентного за всю историю человечества, уровня развития информационной и транспортной инфраструктуры, процесс регионализации постепенно претерпел значительные изменения. Так, например, К. Омаэ в 1984 г. вычленил крупный, имеющий глобальный масштаб, геоэкономический регион (треугольник), включающий Западную Европу, Японию и Соединенные Штаты [204]. Основным объединяющим его признаком стала разделяемая странами-участниками идеологическая общность взглядов на внутреннее устройство и механизмы взаимодействия между элементами глобальной политической и экономической системы. При этом предполагается, что ТНК (транснациональные корпорации) должны получить ведущие роли в глобальной экономической системе, а по уровню влияния не уступать национальным правительствам стран, не входящих в треугольник. Вместе с тем значительная часть исследователей проблем регионализации констатируют «неэффективность существующих триадических систем, а именно "экономической триады" западных стран – США – ЕС – Япония и "институциональной триады" международных экономических организаций – МВФ – Всемирный банк – ВТО, в отношении угроз и вызовов, возникающих в период турбулентности, сопровождающей формирование международного порядка после окончания "холодной войны"» [137, с. 31]. В связи с этим до сих пор не прекращается поиск наиболее оптимального формата построения региональных структур глобального, локального транснационального и внутреннего национального масштабов.

Также существует точка зрения, согласно которой глобальное пространство можно условно представить как общность, состоящую из двух трансгеопространственных ареалов – «Новый Север» и «Глубокий Юг». Геоэконо-

мика первого ареала «основана на обладании значительным символическим капиталом, доминированием в принятии властных решений в системе регулирования финансовых операций, оказании высококвалифицированных интеллектуальных и информационных услуг»; геоэкономика «Глубокого Юга» представляет собой мировой андеграунд, трансгеографическое пространство которого интегрирует «останки несостоявшихся либо обанкротившихся различных форм государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации, криминальная "трофейная" геоэкономика которого основана на хищническом разграблении ресурсов, наркоторговле, поставках оружия в "горячие точки"» [14, с. 11].

Политические границы государств часто не совпадают с условными границами зон «жизненных и национальных интересов». В зависимости от экономического и военно-политического могущества, зоны национальных интересов государств могут, как выходить за пределы национальных границ, так и не достигать их, что означает неспособность контролировать суверенную территорию. Последнее является частым явлением в странах так называемого «третьего мира». Ф. Бродель охарактеризовал такой тип государств как периферию со свойственной для нее архаичностью, эксплуатируемую более высокоразвитыми государствами или конгломератом государств.

Изменение глобальной среды, по мнению А.И. Неклессы, имеет «три кластера перемен, три слоя социального текста»: во-первых, «это новая композиция международных отношений», когда «традиционные» национальные государства перераспределяют свои полномочия по трем направлениям: глобальному, конфедеративному, субсидиарному; во-вторых, «изменение логики актуальных мировых связей», влекущее за собой изменение способов анализа мирового атласа геоэкономических и геополитических зон; в-третьих, «имеет место генезис новой среды и ее обитателей, в том числе корпораций государств», хорошо приспособленных к условиям противоречивости тенденций мирового социума – интеграции и диверсификации [115, с. 15].

В рамках сложившейся системы глобальной и локальной регионализации имеют место специфические особенности, отличающие региональные структуры друг от друга. Так, например, процессы региональной интеграции, протекающие в Восточной Азии, имеют уникальные черты, отличающие их от аналогичных процессов, имеющих место в других частях мира. Так, например, Г.М. Костюнина делает следующее замечание: «...в отличие от практики Европы и Северной Америки, где интеграционные процессы начинались с торговой либерализации, в Восточной Азии отправной точкой стало финансовое сотрудничество в рамках Чиангмайской инициативы» [75, с. 34].

Не меньший интерес вызывает изучение роли и места гео-фактора в процессах внутренней регионализации, протекающих на страновом уровне. Внутренняя регионализация – процесс многоаспектный, применительно к конкретным странам, имеющий большое число специфических особенностей. В одних странах региональная структура гомогенна, а различия между отдельными территориями малосущественны, в других странах наблюдается

значительная дифференциация регионов (социально-экономическая, этнокультурная, конфессиональная и т. п.), что требует использования принципиально иных подходов и инструментов для проведения регионализации и реализации региональной политики.

Основными предпосылками для активизации процессов регионализации на внутреннем, национальном уровне, также выступают процессы глобализации, порождающие необходимость адаптации экономических субъектов к меняющимся условиям. То есть этот процесс носит объективный характер и полностью соответствует духу времени, поскольку естественной реакцией региональных социэкономических систем становится стремление к автаркии и повышению внутренней устойчивости. Эта проблема особенно актуальна для России, преодолевающей пространственную дезинтеграцию, сопряженную с дезинтеграцией народнохозяйственной, и в таком положении оказавшейся в условиях беспрецедентной открытости экономики. Как отмечает Н.С. Зимина, «сегодня в России самодостаточные "внутренние регионы" полностью не сформированы. Происходит постепенное их становление. Это объясняется тем, что в условиях российской действительности они не отвечают всем требованиям регионообразующих факторов» [52, с. 97]. Более того, наблюдается выраженная диспропорциональность социально-экономического развития регионов страны, требующая от государства проведения специальной региональной политики. Практические подходы к ее осуществлению крайне непоследовательны и мечутся между политикой тотального регионального выравнивания и политикой выраженной территориальной дифференциации, предполагающей создание специальных институтов ускоренного регионального развития (особых экономических зон, территорий опережающего развития и т. п.).

Существующие подходы к региональному развитию варьируют от признания необходимости выравнивания уровня социально-экономического развития, до выделения «территорий опережающего развития», т. е. сжатия экономического пространства, и все это за достаточно короткий период времени, уместающийся примерно в одно десятилетие [71]. Отсюда уже почти два десятилетия не утихает полемика, по поводу пересмотра границ существующих административно-территориальных образований. Причиной тому служит несовершенство территориального деления, не соответствующего принципам оптимальности социально-экономического развития и негативно сказывающегося на эффективности управления регионами [153].

Однако диспропорциональность регионального развития свойственна не только России и имеет место в целом ряде других, в том числе экономически развитых странах. Например, в Италии наблюдается четкая дифференциация уровня развития между, с одной стороны, южной частью страны и островами, которые обозначают термином «медзоджорно» (с итал. – *полдень*), и, с другой стороны, экономически развитым Севером. В связи с чем по отношению к данным территориям используется селективная региональная политика, направленная на выравнивание социально-экономического развития.

Высокой степенью экономической поляризации территории страны характеризуется Испания. И.Л. Прохоренко отмечает, что «...на одном полюсе находилась сохраняющая феодальные пережитки аграрная "сеньориальная" Испания центра и юго-востока, на другом – передовая Испания капиталистической "периферии". Своего рода центром притяжения неоднородного экономического пространства страны выступал столичный Мадрид, противостоящий всей остальной Испании». В итоге, «по отношению подушевого ВВП к общеиспанскому уровню регионы Испании можно разделить на успешные или развитые, среднеразвитые и менее развитые» [138, с. 57, 59]. Так, к экономически успешным регионам относят «Мадрид и его окрестности, промышленно развитые и имеющие высокий инновационный потенциал – Наварра, Каталония и страна Басков. К относительно успешным регионам относят Арагон, Ла-Риоха, Балеарские острова. К среднеразвитым регионам относятся Астурия, Валенсия, Галисия, Канарские острова, Кастилия-Леон, а к слаборазвитым – Андалусия, Кастилия-Ла-Манча, Мурсия» [138].

Интерес вызывает проводимая государством политика регионального развития КНР, имеющая свои специфические национальные черты. Ядром проводимой политики является содействие поэтапному включению регионов страны в систему мирохозяйственных связей, что в целом соответствует тенденции активизации процессов глобального взаимодействия. На первом этапе объектами особого государственного внимания стали восточные провинции страны (Хайнань, Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу, Шаньдун, Хэбэй), по отношению к которым действовал более либеральный налоговый, таможенный и финансовый режимы, режим привлечения иностранных инвестиций, а также осуществлялись крупные государственные инвестиции в инфраструктурные проекты. Таким образом, этим регионам отводилась роль локомотива для экономического развития остальной территории страны [138, с. 107]. Второй этап региональной политики, реализуемый в настоящее время, заключается в смягчении межрегиональной дифференциации, а также поддержке отстающих регионов Центрального, Северо-Восточного и Западного Китая. В этих регионах, как и в регионах Восточного Китая, ставка делается на государственные инвестиции в инфраструктуру, на введение режима максимального благоприятствования для привлечения прямых иностранных инвестиций, а также на особую налоговую политику [138].

Проведение дифференцированной, избирательной региональной социально-экономической политики присуще большинству развитых стран мира (США, странам ЕС, Японии и др.), а также развивающимся странам, таким как страны Латинской Америки, страны региона Магриб, страны Юго-Восточной Азии и др.

Процессы внутренней регионализации, протекающие в разных странах мира, преследуют одни и те же цели, имеют схожие предпосылки, а также используют стандартный набор инструментов управления региональным развитием. По уровню своего развития не стала исключением и Россия, которую отличает в первую очередь колоссальная территория и высокая степень дифференциации региональных общественно-территориальных структур. Так, например, Е.А. Лиманский пишет, что «"локомотивами" российской и европейской регио-

нализации являются сходные типы регионов: это регионы с сильным ресурсным и промышленным потенциалом, а также приграничные регионы, которые в силу своей периферийности по отношению к центру вынуждены втягиваться в процессы приграничного сотрудничества» [99, с. 136].

Гео-факторы, влияющие на процессы внутренней регионализации и повышающие конкурентоспособность региона, можно разбить на две большие группы:

- факторы «первой природы», к которым относят наличие природных ресурсов, ландшафт, климат, удобное географическое положение;

- факторы «второй природы», включающие в себя инфраструктуру, институты, человеческий капитал, т. е. все то что связано с деятельностью государства.

Однако Н.В. Зубаревич справедливо замечает, что факторы «первой природы», относящиеся к географическим явлениям, постепенно отходят на второй план, уступая место факторам «второй природы», т. е. «факторы «первой природы» доминировали на стадии индустриального развития, а по мере перехода к постиндустриальной экономике резко возрастает роль факторов «второй природы». Именно они играют ключевую роль в модернизации экономики, в то время как опора развития регионов на ресурсные преимущества ее замедляет» [55, с. 9].

Обосновывая необходимость развития в России принципов регионализма, Н.В. Зубаревич, отмечает, что «...в России на протяжении почти всей ее истории воспроизводилась жесткая сверхцентрализованная система управления, которая казалась оптимальной для сохранения территориальной целостности огромной страны. Но сейчас все более очевидно, что сверхцентрализация становится институциональным барьером развития» [55, с. 10]. Действительно вектор проводимой политики государственного управления регионами переориентировался в сторону политической и экономической либерализации. Это дает возможность регионам (особенно периферийным, приграничным) выстраивать трансграничные экономические связи с сопредельными государствами, тем самым более эффективно интегрироваться в систему мирохозяйственных связей.

Изучая вопросы внутренней регионализации в России, нельзя обойти стороной вопросы истории формирования существующих сегодня регионов, сквозь призму их социально-экономического развития. Если говорить о регионах, как об административно-территориальных единицах, в рамках установленных административных границ, то вопрос неизменно переходит в политическую плоскость, слабо коррелируя с хозяйственным контекстом. Т.В. Ускова отмечает, что «в ряде случаев старые административные границы сковывают развитие социально-экономических процессов в стране, сдерживают экономический рост ее регионов, существенно понижают масштабность региональных стратегий развития» [173, с. 112]. Поэтому гораздо больший интерес вызывают этапы формирования экономических районов страны, формирование которых решало прежде всего народнохозяйственные задачи.

Следует отметить, что понятие «экономический район» в отечественной практике, по своей сути находится ближе к понятиям, описывающим проблемы экономического развития регионов. В то время как понятие «административный регион», существует в контексте решения внутривнутриполитических задач. Вме-

сте с тем имеет место сочетание экономического и административного содержания категории «экономический район». Так, М.Я. Гохберг пишет, что «экономический район – часть территории страны, отличающаяся некоторым единством природных условий, демографических особенностей, расселения, специализации и комплексности хозяйства и социальной сферы, определяющим место в экономике страны, и ограниченная административными границами входящих в ее состав субъектов Российской Федерации» [33, с. 7].

Что касается ретроспективы формирования экономических районов России, как фундаментальных народнохозяйственных территориальных структур, то точкой отсчета является 1921 г., когда началась реализация плана ГОЭЛРО. Это потребовало серьезного пространственно-географического перераспределения производящих областей, в которых находились индустриальные центры. В ходе подготовки плана, отмечает В. Ю. Рогов, на основе сочетания «отраслевого и территориального разрезов плана ГОЭЛРО», был разработан проект районирования территории СССР на 21 экономический район, каждый из которых рассматривался как «своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны, которая благодаря комбинации природных особенностей, культурных положений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности, представляет одно из звеньев общей цепи народного хозяйства» [142, с. 123–124].

В последствии сетка экономических районов СССР несколько раз модифицировалась (в 1938–1940 гг. и в 1963 г.), а в 1966 и 1982 гг. в связи с изменениями в политико-административной структуре страны подверглась уточнению [142]. В конечном счете было выделено 18 экономических районов, из которых 11 приходилось на РСФСР. Экономическое районирование первой половины XX в. пришлось на период активной индустриализации и в первую очередь было рассчитано на развитие массового производства, потому характеризовалось чрезвычайно высоким уровнем централизации [54].

После распада СССР проблема районирования отошла на второй план и была вновь поднята лишь на рубеже двухтысячных годов. Новые подходы к этому вопросу воплотились в итоге в виде федеральных округов Российской Федерации. Однако перечень задач, которые решал этот административно-территориальный общественный институт, ограничивался вопросами внутриполитического строительства, а вопросы экономического развития практически не рассматривались. Как отмечает В.Ю. Рогов, «концепция формирования федеральных округов, по-видимому, исходит из опоры на имеющиеся силовые структуры, поскольку их границы не совпадают с действующей сеткой экономического районирования страны, но практически полностью совпадают с границами военных округов» [142, с. 124].

После достижения поставленной внутриполитической цели, а именно укрепления вертикали власти и ее максимальной централизации, была осознана потребность и признана необходимость в экономической децентрализации, чтобы стимулировать экономическое развитие регионов. Поскольку федеральные округа по своей сути не предназначены для решения экономических задач,

то в целях ускорения развития в регионах стали активно внедряться специальные экономические и правовые режимы, такие как особые экономические зоны (ОЭЗ, в мировой практике – СЭЗ – специальные экономические зоны) и территории опережающего развития (ТОР).

Целесообразность вычленения в экономическом пространстве страны геоэкономических регионов, как относительно автономных, самостоятельных территориальных субъектов, обусловлена изменившимися экономическими условиями, при которых региональные экономические системы все активнее включаются в глобальные воспроизводственные процессы. Важно отметить, что регионы могут участвовать в этих отношениях как самостоятельные субъекты хозяйствования – квазикорпорации. Именно здесь кроется причина, объясняющая невысокий потенциал региональных хозяйств, элементов национальной экономики, в мировых воспроизводственных процессах: отечественная практика экономического районирования не учитывала интеграционный потенциал региональных хозяйственных систем и не предполагала их активное участие в глобальной экономике.

Этим же объясняется неоднозначность проводимой в стране государственной региональной политики, в ходе поиска наиболее подходящего механизма взаимодействия связки «центр → регион». Вслед за периодом укрепления властной вертикали в политической и экономической сферах, произошло некоторое смягчение и либерализация политики федерального центра, что дало некоторую свободу действий региональным властям, в том числе в сфере экономики.

П.А. Минакир справедливо замечает, что все более очевидным становится процесс постепенной передачи целого ряда важнейших полномочий в сфере экономики в регионы, в частности, «передача на региональный уровень ответственности за модернизацию экономики и поддержание экономического роста» [109, с. 8]. При этом передача регионам все большего числа расходных полномочий, без адекватного увеличения доходных статей, вылилось в создание всевозможных концепций регионального развития: особых экономических зон, кластеров, территорий опережающего развития и т. п. [109].

Наибольший теоретический и практический интерес вызывают особые экономические зоны (ОЭЗ). ОЭЗ представляет собой «часть территории государства с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности», созданная «для достижения определенных целей социально-экономического развития страны» [84, с. 31]. Одним из основных способов реализации потенциала ОЭЗ является, помимо введения в ней режима наибольшего экономического благоприятствования, использование выгод экономико-географического положения, поскольку эти зоны, «как правило, создаются вблизи морских и речных портов, международных аэропортов, обеспечивающих хорошую связь с мировым рынком» [117, с. 103]. Таким образом, системообразующими структурами ОЭЗ выступают не только специально созданные институты, но и факторы географической природы, позволяющие раскрыть заложенный в эти территории экономический потенциал. Но ожидаемого эффекта политика, создания ОЭЗ, так и не принесла. Признание этого факта привело к принятию российскими властями ре-

шения о прекращении создания таких институтов и активизации поиска новых путей для решения задач регионального развития. По мнению Е.М. Бухвальда, «...чем больше создается на местах институтов развития различной типологии, тем в большей мере складывается впечатление, что в этом процессе явно ощущается дефицит системного подхода и разумного целеполагания» [21, с. 111].

Наряду с ОЭЗ в России также осуществлялась работа по развитию такого института, как территории опережающего развития. Согласно Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.), под ТОР понимается «часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения». На первый взгляд, определение «территория опережающего развития» по своей сути мало чем отличается от существующих ОЭЗ. Однако заявленной отличительной чертой ТОР является их создание под конкретного крупного инвестора, заключившего с уполномоченным органом государственной власти предварительное соглашение, в котором отражены объемы инвестиций, вид хозяйственной деятельности, планируемое число создаваемых рабочих мест и т. п. На начальных этапах создание ТОР было направлено на развитие регионов Дальнего Востока и Сибири, более других ощущающих потребность в инновационной модернизации.

Следует отметить, что создание ОЭЗ и ТОР стало следствием провала проводимой ранее государственной политики выравнивания уровня социально-экономического развития регионов. При реализации политики создания специальных экономико-правовых режимов основной акцент делался на формировании в регионах институтов развития, под которыми понимают «обособленные от органов государственной власти организации, концентрирующие в себе финансовые, организационные и иные ресурсы инвестиционной политики – на федеральном и региональном уровнях» [21, с. 108]. Кроме того, эти структуры «осуществляют диалог с инвесторами, проводят оценку, отбор и сопровождение инвестиционных проектов» и, как показывает практика, «соединяют в себя целый ряд преимуществ, позволяющих им играть роль "локомотивов" инновационной модернизации экономики, в том числе и в ее региональном звене» [21, с. 108].

Результаты эксперимента по развитию регионов на основе селективного подхода, продолжающегося уже около десяти лет, весьма неоднозначны. Более того, 27 мая 2016 г. Президент РФ В.В. Путин поручил Правительству «разработать единую стратегию работы ОЭЗ, обеспечить оптимизацию бюджетных инвестиций и механизмы их передачи под управление субъектам РФ». Кроме того, в поручении шла речь о приостановке создания новых ОЭЗ – до разработки единых подходов к их созданию – и прекращении работы неэффективных ОЭЗ по итогам проверок Счетной палаты и Генпрокуратуры» [127, с. 1]. По

всей видимости, такая реакция была вызвана тем, что за все время функционирования особых экономических зон на их создание было выделено из бюджетов разных уровней 186 млрд р. (из которых 66 % приходится на долю федерального бюджета), предоставлено налоговых и таможенных льгот на 22,6 млрд р. В результате от деятельности ОЭЗ было получено порядка 40 млрд р. налоговых платежей и таможенных пошлин. Кроме того, ОЭЗ было недоиспользовано около 40 % территории [127].

Таким образом, можно констатировать, что региональная политика по социально-экономическому развитию территорий, осуществляемая в настоящее время, пока не приносит выраженных положительных результатов. Поэтому закономерным выглядит дифферент государственной региональной политики в сторону повышения хозяйственной самостоятельности и самодостаточности регионов. Движение в этом направлении требует обязательного учета внутренних геополитических, геоэкономических, геокультурных и геоэкологических факторов. Только в этом случае возможно построение гармоничной региональной структуры, отвечающей требованиям самообеспеченности и хозяйственной самостоятельности. Очевидно, что важнейшим из упомянутой группы факторов является фактор геоэкономический, способствующий эффективной самоидентификации региона на мировом уровне, как участника глобальных экономических отношений.

С.Л. Гурова отмечает, что «сложившаяся палитра регионов как объектов социально-экономической политики государства определяет индивидуально-адаптивные подходы к регулированию параметров их развития в экономическом и пространственном аспектах» [35, с. 367]. Более того, все очевиднее становится необходимость пересмотра пространственной региональной структуры и границ экономических районов страны, чтобы привести их в соответствие с изменившимися условиями внешней экономической и политической среды.

Процесс становления мирохозяйственной целостности (глобализации) сопровождается компенсаторным процессом регионализации национальных экономик и формирования различного рода международных региональных интеграционных структур. «Региональная интеграция, – отмечает А.А. Бойченко, – как процесс находится в сложном, неоднозначном, противоречивом взаимодействии с глобализацией мировой экономики» [17, с. 70]. С одной стороны, имеет место «сходство предпосылок, объективных основ и движущих сил развития этих явлений», с другой стороны, «в ближайшем будущем мир, очевидно, будет свидетелем их острого противостояния» [17, с. 71]. Активизация процессов, связанных со становлением мирохозяйственной целостности, с одной стороны, и процессами регионализации, с другой стороны, объясняется категориями геоэкономики.

Необходимость пересмотра сетки экономических районов России и переход основ ее формирования (регионализации) на качественно иные принципы связана с сокращением жизненного пространства в связи с утратой в последнее время зон экономического и политического влияния, не только за пределами

страны, но и внутри страны¹. С.В. Синицкий по этому поводу пишет следующее: «можно сказать, что жизненное пространство России сократилось в большей мере, чем географическое (из 11 экономических районов Российской Федерации ранее только шесть имели выход к государственным границам и океану: сегодня такого выхода не имеет только Волго-Вятский экономический район; из существующих республик, краев и областей ранее приграничными было 29, сегодня – 46)» [158, с. 69]. Такая трансформация внутреннего пространства привела к возникновению множества социальных, экономических, культурных и демографических проблем, усиленных крушением существующей территориальной системы хозяйственной специализации и кооперации, а также механизмов внутреннего и внешнего ресурсообмена. В результате приходится преодолевать негативные последствия процессов, произошедших в экономическом (геоэкономическом) пространстве страны, расходуя дополнительные ресурсы государства. К числу упомянутых выше разрушительных процессов, по словам С.В. Синицкого, можно отнести: во-первых, «обособление периферийных регионов и образование на их основе самостоятельных государств»; во-вторых, «перенесение центра тяжести государственного управления на внутритерриториальную реорганизацию, восстановление старых и формирование новых региональных отношений» [158, с. 69].

Таким образом, появились все предпосылки для пересмотра сетки экономических районов и переход принципов их определения на концепт геоэкономический, как наиболее подходящий в конкретных условиях места и времени. И если сетка регионов сквозь призму внутренней геополитики не требует кардинальной трансформации, то реорганизация экономической сетки регионов становится все более насущной. С.В. Синицкий отмечает, что это «тем более необходимо, поскольку помимо разорванных кооперативных связей существовала значительная дифференциация регионов, обусловленная существенными различиями в уровнях их экономического развития» [158, с. 69].

1.2. Возникновение и генезис геоэкономической концепции регионального развития

Трансформация глобальной экономической архитектуры запустила механизмы трансформации национальных экономик государств участников мирового хозяйства, в том числе в части пересмотра и модернизации их пространственной структуры. При этом трансформация носит не только экономический, но социальный и политический характер. Коренное преобразование послевоенного мироустройства, выраженное падением биполярного (сбалансированного) принципа экономико-политического взаимодействия, и его замена экономикой транснационального (в идеале наднационального) типа, вызвало ответную реакцию национальных экономических систем, выраженную регионализацией. В частности, реакцией на глобализацию стало активное формирование региональных экономи-

¹ Подтверждением служат проекты по передачи некоторых приграничных территорий в долгосрочную аренду, что, на наш взгляд, несет потенциальную угрозу национальной безопасности и риск утраты над ними национального суверенитета.

ческих альянсов стран, стремящихся защитить свои экономические интересы, путем интеграции экономических потенциалов. «Усиление взаимосвязи и взаимозависимости стран в различных отношениях формирует, обуславливает возникновение целостности мира. Сами страны консолидируются в различные региональные сообщества, исходя из общности культуры, уровня экономического развития», – отмечает В.Ю. Рогов [142, с. 13].

Глобализация, с одной стороны, существенно упростила и ускорила циркуляцию капитала, ресурсов, товаров и идей, стимулируя экономическое развитие, с другой стороны, вызвала у отдельных стран опасение и чувство надвигающейся угрозы национальным интересам. В результате ответной реакцией стало создание странами разного рода региональных политических и экономических союзов, «противодействующих вестернизации и глобализации» [145, с. 85]. При этом страны-участники таких региональных структур географически зачастую весьма сильно удалены друг от друга (например, страны БРИКС), что дает основание говорить о наличии геоэкономического фактора глобальной и национальной регионализации. Поэтому интерес вызывает генезис геоэкономики, как концепта устойчивого регионального развития.

В настоящее время геоэкономические подходы находят все более широкое применение при разработке стратегии развития экономики России и международного экономического сотрудничества. При этом последнее выражается в форме создания и участия в различных международных экономических структурах, например, в таких как Таможенный союз, ЕврАзЭС, БРИКС, АТЭС и др. Следует отметить, что консолидационная и интеграционная активность России на международном уровне часто не сопровождается адекватными процессу структурными преобразованиями национального хозяйства (в том числе в пространственном аспекте). Отсутствуют условия для полноценного выхода национального хозяйства на качественно новый уровень развития, базирующийся на принципах инновационной модернизации экономики.

В богатой на события первой половине XX в. геоэкономическая концепция развития мирового хозяйства не подвергалась серьезному научному осмыслению и анализу. Только в 1980-е гг. «геоэкономика» как термин прочно закрепился в научном обороте, а сама геоэкономическая концепция получила признание. Геоэкономика как отрасль знания практически одновременно развивалась в нескольких странах, при этом трактовки, подходы, принципы и используемая терминология имеют различия, обусловленные особенностями национальных научных школ.

Утверждения о целостности мирового хозяйства – предтече глобалистики, впервые стали появляться в конце XIX – начале XX в., в период становления мирового капиталистического хозяйства и формирования международных блоков, альянсов государств в рамках империалистической концепции развития. То есть на этом этапе основными и практически единственными системообразующими акторами мирового хозяйства выступали государства, а в глобальной конкурентной борьбе использовались, по большей части, государственные ресурсы. Апофеозом проводимой ведущими странами мира нацио-

нальной и международной политики, продемонстрировавшей кризис мировой политической и экономической системы, стала Первая мировая война, окончившаяся, к слову, с существовавшими в тот период империями – Германской (кайзеровской Германией), Австро-Венгерской, Османской и Российской. Последовавший за этим колониальный перераспредел и волна народно-освободительных движений в бывших колониях, окончательно завершился уже после Второй мировой войны. Эти события ознаменовали смену парадигмы развития мировой экономики. Именно тогда в игру вступили империи не политические, но промышленно-финансовые, использующие ресурсы государств. Таким образом, мировое хозяйство преобразовалось в «популяцию ТНК, государственных экономик (ядром которых является государственный бюджет) и связанных с ними множеством малых и средних предприятий» [142, с. 7].

Впервые термин «геоэкономика» был использован Ф. Ратцелем, немецким социологом, этнографом и географом, автором масштабного труда под названием «Народонаселение». Он являлся основателем школы антропогеографии, одним из основных постулатов которой стало теоретическое и прикладное обоснование наличия связи между окружающей средой в самом широком ее понимании и сложившимися в этих условиях культурой народа и социально-политическим устройством. Ф. Ратцель, разработав теорию «жизненного пространства», заложил тем самым фундамент для становления геополитики. В своих трудах он аргументированно (с поправкой на исторический период) доказал взаимосвязанность развития национального хозяйства, населения и культуры с географическим расположением страны, ее размерами и природными условиями [136]. В частности, он предложил условное разделение стран мира на северные и южные и на этой основе объяснил природу коренных социальных и экономических отличий между странами. Многие постулаты с современных позиций выглядят по меньшей мере спорно, однако трудно переоценить вклад Ф. Ратцеля в развитие современной политической и экономической географии.

С точки зрения развития геополитики и геоэкономики интерес, несомненно, вызывают научные взгляды Ф. Броделя, продемонстрировавшего на примере западноевропейских государств значение географии в экономическом развитии стран и регионов. Так, например, изучая деятельность Ост-Индийской торговой компании, Ф. Бродель доказал значимость территориального распространения субъекта для обеспечения экономического успеха. Сопоставляя деятельность Ост-Индийской и Вест-Индийской торговых компаний, компании Южных морей, английской Московской компании, Левантийской и Африканской компаний, ученый пришел к следующему выводу: «участь компаний прямо зависела от монополизированного ими торгового пространства. География прежде всего!» [19].

Изучая вопрос противостояния Южной (развитой) и Северной (пролетарской, отсталой) Европы эпохи Реформации, Ф. Бродель справедливо заметил, что именно географическое положение последней, а также ресурсный и экономический потенциал стран этого региона, позволил им стать гегемонами континента. Наличие географической, этнической и религиозной общности стран создают, по

мнению автора, предпосылки для их экономической и политической консолидации. Для описания этого феномена Ф. Бродель использовал словосочетание «мир-экономика», которое имеет близкое значение понятию «мировое хозяйство». В качестве модели мир-экономики был взят средиземноморский регион XVI в., который в тот период «хоть и разделенный в политическом, культурном, да и в социальном плане, может восприниматься как определенное экономическое единство», простирающееся границы не только государств и империй, между которыми порой велись ожесточенные войны, но и целых миров, цивилизаций – исламского и христианского, разделивших регион на две части. Несмотря на имевшееся противостояние, «торговые суда непрестанно ее пересекали. Ибо характерной чертой этого особого мира-экономики, <...> было как раз то, что он перешагивал через политические и культурные границы, которые каждая на свой лад дробили и дифференцировали средиземноморский мир» [19]. То есть экономика, вторгшаяся практически во все сферы общественной жизни, создавала известное единство стран, скрепленное географической, территориальной общностью, в то время как множество других факторов способствовало их размежеванию.

Мир-экономика, согласно Броделю, пространственно ограничен, и состоит из нескольких зон: центра, развитой периферии и больших по площади слабо-развитых окраин. Вот как описывает внутреннее строение мир-экономики сам Ф. Бродель: «...в пространстве обрисовывается по меньшей мере три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, "сердце", соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей, – это зона "блистательных вторых". Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других» [19].

Еще одним основоположником современной геоэкономической теории, чьи взгляды оказали серьезное влияние на становление школы, является Р. Коллинз. Рассматривая динамику и закономерности формирования политико-экономического доминирования одних стран над другими, Р. Коллинз выявил четыре основных принципа получения геополитического и геоэкономического преимущества:

1. Принцип центрального преимущества, свойственный для классических империй, построенных как теллуократия (на основе сухопутного могущества) или талассократия (на основе морского могущества), когда более сильные и богатые государства покоряют и эксплуатируют соседние, менее развитые и сильные.

2. Принцип окраинного преимущества, когда государство, географически расположенное на некотором отдалении, вне враждебного окружения, стремится к расширению преимущественно за счет государств, расположенных в центральной части ойкумены, окруженных потенциальными противниками.

3. Принцип решающего сражения, заключающийся во взятии под контроль обширной территории ограниченным числом держав, с целью упрощения

геополитической ситуации. Впоследствии, из этих держав рождается новый лидер, либо в результате взаимного ослабления в регионе появляется новая доминирующая сила из числа третьих стран.

4. Принцип фрагментации середины. Заключается в необходимости формирования государствами с центральным преимуществом, союзов и блоков для получения ресурсного преимущества над государствами с окраинным преимуществом, с целью предотвращения своего распада и утраты суверенитета над своими территориями.

Также следует отметить вклад в становление теории геоэкономики немецкого историка Ф. Рерига, который характеризует мировое хозяйство как систему, состоящую из отдельных подсистем – территориальных структур, обладающих известной самостоятельностью и высоким уровнем автаркии, однако имеющих достаточно тесные связи как с другими территориальными структурами, так и с мировым хозяйством в целом. По отношению к этим территориальным структурам Ф. Реригом было предложено использовать термин «Weltwirtschaft», значение которого близко понятию «мир-экономика» Ф. Броделя. На этом концепте основывалась гипотеза о закономерностях формирования североевропейских государств из торговых городов, консорциум купцов которых наладил тесные международные торгово-экономические связи.

Весомый вклад в развитие геоэкономики в современном ее понимании внес Ф. Лист. Он является одним из основоположников теории «автаркии больших пространств», по сей день имеющей множество своих приверженцев. Суть теории заключается в том, что государства, не имеющие опыта строительства либеральной рыночной экономики, чтобы не утратить экономического и политического суверенитета при переходе на рыночный путь, должны использовать переходные, способствующие успешной адаптации, экономические модели [100]. Такой моделью может выступать территориальная структура, включающая в себя несколько находящихся на сопоставимом уровне развития государств, переживающих трансформацию экономического устройства. Здесь речь идет не об отрицании рыночного механизма как такового в странах с иными экономическими формациями, а о защите ими своих национальных интересов, путем консолидации имеющихся ресурсов и построения относительно автономных международных региональных систем с высоким уровнем хозяйственной и политической самостоятельности и независимости.

В качестве аргумента, обосновывающего эту идею, стало то, что установление либерального рыночного механизма в странах, использующих его уже продолжительное время, и странах, не имеющих подобного исторического опыта, неизбежно ведет к усилению первых и заметному ослаблению последних. В частности Ф. Листом была предложена экономико-политическая консолидация Австрии, Германии и Пруссии в единый блок в качестве противовеса давлению со стороны государств англо-саксонского мира, ставших в последствии в авангарде мирового экономического развития и реализующих сегодня глобальную политику экспансионистского финансового империализма [100]. В настоящее время можно наблюдать использование некоторых положений, предложенных Ф. Листом при

реализации Россией международных геополитических и геоэкономических проектов, таких как Таможенный союз и концепт Евразийского союза, а также участие в международных организациях БРИКС, ШОС и ОДКБ.

Кроме того, при наличии огромных территорий, имеет место формирование геоэкономических районов и внутри стран, когда отдельные публично-территориальные субъекты выстраивают взаимные социально-экономические и культурные отношения на основе географической общности, общности менталитета жителей, природно-климатических условий, способствующих общему повышению эффективности хозяйственной деятельности региональных экономических систем и оптимизации территориального размещения производства.

Касаясь вопроса становления теории геоэкономики, как относительно обособленного научного направления в рамках экономической науки, обращает на себя внимание мир-системный анализ И. Валлерстайна. Суть его заключается в использовании универсальных подходов для описания закономерностей развития общества, государства (при этом ожесточенную полемику вызвал вопрос первичности перечисленных категорий) и экономики. И. Валлерстайн справедливо полагал, что возможности методологии политической и экономической науки не позволяют в полной мере описать некоторые общественные («иррациональные») феномены, не относящиеся ни к рынку, ни к государству. Для успешного решения этой задачи отсутствовали соответствующие инструментов познания, что вызвало необходимость создания отдельной научной дисциплины – социологии, которая, по меткому выражению И. Валлерстайна, представляет собой «ящик для отходов», куда помещаются общественные реалии, не относящиеся к политике и экономике. Поэтому появление системы знаний, которая описывала бы общественные феномены, без тесной привязки их к отдельным сферам: экономике, политике, культуре. «Три предполагаемых арены коллективного действия человека – экономическая, политическая или социокультурная – не являются автономными аренами социального действия. Они не имеют отдельных "логик"». <...> Мы утверждаем, что есть единый «"набор правил" или "набор принуждающих связей", внутри которых действуют эти разнообразные структуры» [23, с. 131].

И. Валлерстайн предлагает рассматривать сменяющие друг друга стадии развития общества как миры-системы: «...это должны быть стадии социальных систем, т. е. тотальностей. А единственными тотальностями, которые существуют или исторически существовали, являются минисистемы и миры-системы, а в XIX и XX веках существовал и существует один единственный мир-система – капиталистический мир-экономика» [207]. Исторической предтечей современной мировой экономики (мир-экономики, по Валлерстайну) стал Европейский мир-экономика, который не дезинтегрировался и постепенно втянул в себя все существующие в мире социальные системы и трансформировался в мир-систему – капиталистическую мировую экономику. Однако формирование такой модели мироустройства не решило проблемы территориальной дифференциации стран – субъектов мир-системы, и не избавило ее от ярко выраженного развитого центра и бедной периферии.

В настоящее время мы переживаем активную фазу трансформации общемировой экономической системы, поскольку существующая модель показала недостаточную эффективность, свидетельством чему явились кризисные явления глобального характера конца 2000-х гг. Кроме того, обращает на себя внимание постепенный дрейф концепций экономического развития ведущих экономических держав мира от ярко выраженного экспансионизма в сторону экономического «национализма».

Безусловный научный интерес вызывают исследования, проводившиеся во второй половине XX в. (М. Пармели, Г. Тейлор), с целью определить и конкретизировать предмет геоэкономика. При этом одной из задач стало «очертить несколько иное предметное поле, нежели геополитика», используя при этом свойственную ей методологию [115]. Это обуславливалось необходимостью адекватного анализа изменившейся архитектуры мирового хозяйства и формирующейся там новой системы экономических связей. Главным глобальным общественно-политическим трендом 1980–90-х гг. стал переход противостояния на международной арене из военно-политической сферы в экономическую, что наталкивало, с одной стороны, на необходимость разработки стратегии ведения экономических войн, с другой стороны, на необходимость смены концепций обеспечения экономической безопасности. Важное место при этом отводилось вероятности возникновения конфликтов новой формации – геоэкономических войн.

В этой связи нельзя не упомянуть теоретическую концепцию, предложенную Э. Люттваком. Он считал, что окончание «холодной войны» ознаменовало завершение эпохи геополитического противостояния, которое в новых условиях неизбежно переходит в экономическую плоскость, т. е. в сферу геоэкономического противостояния. Геоэкономика, по определению Э. Люттвака, есть продолжение соперничества между народами с помощью новых производственных возможностей [203]. То есть геоэкономика становится в определенном смысле продолжением геополитики, но в отличие от последней, использующей экономические инструменты в глобальной конкурентной борьбе. Однако неизбежный рост производительных сил будет постоянно обострять эту борьбу, что потребует от субъектов глобальных экономических отношений, инновационной модернизации экономических систем, совершенствования внутренней организации и консолидации имеющихся ресурсов. Одним из таких общепризнанных и действенных инструментов является международная экономическая интеграция.

Актуализация проблемы формирования геоэкономической формулы организации и стратегии развития мирохозяйственной системы произошла в конце XX в., когда обрушилась мировая биполярная политическая система, и была констатирована победа капиталистической модели экономики. «В настоящий момент можно констатировать, что капитализм в борьбе с другими формациями одержал не просто локальную и региональную победу – масштаб этой победы измеряется глобальностью», – отмечает Э.Г. Кочетов [78, с. 375]. В этом контексте Россия вынуждена проводить реформатирование системы позиционирования в глобальной политической, экономической и социальной иерархии, с целью выхода из зоны периферии мирового пространства. Однако для

этого необходима реализация государственной стратегии развития национального хозяйства страны и регионов с учетом геоэкономических факторов.

Весомый вклад в становление геоэкономической теории внесли представители итальянской школы (Ф. Бруни Рочча, К. Жан, С. Фиоре и др.). Общим местом в исследованиях стало позиционирование геоэкономики как научного экономического направления, разрабатывающего способы повышения конкурентоспособности государства, путем использования его ресурсов для обеспечения наиболее благоприятных условий корпорациям-резидентам [46]. Так, К. Жан констатирует неизбежность перехода стратегий развития национальных хозяйств на геоэкономическую платформу, поскольку «после окончания биполярной конфронтации исчезли политико-стратегические препятствия на пути глобализации мировой экономики, вызванной технологической революцией в области информации, транспорта и связи, а также ускоренной дематериализацией богатства и ростом значимости третичного сектора. <...> Экономическое пространство и рынок уже не совпадают с территорией какого-либо государства. Произошел переход от системы "рынок – государство" к системе "много государств – один рынок"» [45]. Отсюда следует вывод о необходимости инициализации национальными правительствами политики протекционизма, с целью поддержки корпораций-резидентов в их конкурентной борьбе в рамках новой системы.

Такая постановка вопроса имеет место, поскольку в современном мире национальные корпорации, стремящиеся к экспансии на внешнем рынке, в той или иной степени, получают помощь своего государства. То есть речь идет о симбиозе частно-государственных экономических структур, стремящихся к получению контроля над различными видами экономических ресурсов третьих стран.

Развивая эту идею, С. Фиоре обосновывает необходимость трансформации государственных институтов управления и развития, дабы они соответствовали условиям активно разворачивающегося геоэкономического соперничества. «Чтобы эффективно участвовать в разворачивающейся международной геоэкономической конкуренции, необходимо создать институциональную базу для организации системы-страны, с учетом возможностей и рисков, обусловливаемых характером столкновения с внешней средой», – отмечает С. Фиоре [177]. Для этого предлагается учреждение одного или нескольких государственных органов, компетентных в вопросах геоэкономики, а также включение этих органов в действенную институциональную среду для сбора информации, координации деятельности «различных административных ветвей управления, а тем самым и эффективное планирование» [177].

В России геоэкономика получила широкое признание в начале 1990-х гг., сразу после распада СССР. Это было продиктовано в первую очередь необходимостью гармонизировать пространственную структуру национального хозяйства и его институциональной инфраструктуры. Это особенно важно в условиях перехода мирового хозяйства «от технологического типа организации общественного производства к инфраструктурному», а также качественных изменений «в мотивах и методах межгосударственной конкуренции и интеграции» [142, с. 13]. Эти мотивы «можно обозначить как геоэкономические,

т. е. связанные с формированием региональных экономических сообществ на основе инфраструктурно организованных производств товаров и услуг на глобальных рынках» [142, с. 13]. Несмотря на свою относительную молодость, геоэкономика уже получила признание не только в научной среде, но также и среди представителей властных структур, ответственных за разработку стратегий и программ государственного развития.

По мнению А.И. Неклессы, под геоэкономикой понимается «пространственная локализация типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанная с этим феноменом новая формула мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, как формирование на этой основе системы стратегических (глобальных) взаимодействий» [115]. Россия, являясь участником глобальных экономических отношений, вынуждена выстраивать механизмы экономического и политического взаимодействия с учетом трансформации мировой хозяйственной системы, находясь при этом в заведомо невыгодных условиях, обусловленных общей неразвитостью внутренней институциональной среды. Трансформации подверглась, согласно А.И. Неклессы, и геоэкономическая формула мироустройства, которая «генетически произрастая из кодов фритредерства», в настоящее время все больше напоминает «прописи сословного (слоистого) мира», закрепляет и технологизирует разделение мира «на большие пространства Востока и Запада, Севера и Юга, индустриально развитые страны и страны третьего мира и т. п.» [115, с. 19].

Изменения мировой хозяйственной системы и формирующихся внутри нее мирохозяйственных связей, практически не затронули существующего в разных странах многообразия форм и способов ведения хозяйства и политико-экономического устройства. Однако основной тенденцией развития мировой экономики, которая связывает между собой самые разнообразные формы и типы хозяйствования, является рыночный путь, переживающий сегодня кризис смены парадигмы, но не имеющей пока реальной альтернативы. Э.Г. Кочетов пишет, что «современный мир представляет собой мозаику многоукладности развития. Диапазон здесь очень широк: элементы феодализма, социалистичности, капитализма и других присутствуют не только в чистом виде, но и в различных комбинациях» [78, с. 375].

Следует учитывать, что отнесение отдельных стран к тому или иному слою мирового геоэкономического пространства зачастую носит достаточно условный характер. Например, в средние века практически весь Пиренейский полуостров находился под властью арабских династий Аббасидов и Омейядов. Несмотря на то что географически полуостров являлся самой западной частью Европы, для европейцев того времени это территория считалась «востоком», из-за ее принадлежности к мусульманскому миру. Сегодня то же самое можно сказать о таких странах, как Япония, Республика Корея, Сингапур и др. Географически расположенные на Дальнем Востоке они, по своей политико-экономической ориентации, достаточно четко идентифицируются как страны «западной цивилизации».

Много вопросов возникает по поводу самоидентификации России и места, которое страна занимает на цивилизационном атласе мира. С одной стороны, Россия и ее народ, несмотря на имеющиеся социально-культурные, религиозные, этнические и т. п. различия, достаточно четко идентифицируются как часть европейской цивилизации. С другой стороны, между Россией и Европой имеют место глубокие системные противоречия, вызванные существенными различиями во взглядах на политику и экономику. Именно поэтому Россию чаще всего относят к так называемой Евразийской цивилизации, устойчивость границ ареала которой в настоящее время находится под угрозой.

Все вышеперечисленное обуславливает необходимость формирования, особенно на востоке России территориальных структур, в том числе выходящих за пределы политических границ (трансграничные регионы), сформированных на основе геоэкономических подходов. Целесообразен при этом максимально полный учет пространственно-географических, хозяйственных и этнокультурных особенностей территорий, а также возможностей их эффективного взаимодействия как на национальном, так и на международном уровне.

Национальная экономика любого государства вписана в глобальную (транснациональную) систему координат. Отсюда А.И. Неклесса констатирует наличие в экономике двух направлений (трендов), обустроивающих мир в рамках новой парадигмы: первый тренд – это наличие «пространства взаимодействия национальных экономик («мировая экономика»», второй тренд – формирование глобального геоэкономического универсума («глобальной экономики»), «где складывается собственная, специфическая система разделения труда» [115, с. 41].

С.С. Лачининский определяет геоэкономiku как отдельное научное направление в системе общественно-географических наук, формирующееся в рамках «геопространственной парадигмы» и требующее междисциплинарного синтеза и поиска новых подходов [96, с. 259]. В целом объект воздействия геополитики и геоэкономики часто совпадает, тем не менее между этими категориями существует целый ряд принципиальных различий, позволяющих говорить о них как об обособленных научных теоретических и практических направлениях. Так, В. Цымбурский полагает, что в отличие от политической географии, геополитика выступает «как техника политического проектирования», открывающая «политические возможности – позитивные, или наоборот, негативные, опасные» [184, с. 178].

Б.А. Виноградов дистанцирует геополитику и геоэкономiku, отмечая, что первая «с одной стороны – это общественно-географическая наука, часть политической географии, с другой – это реакционная концепция, использующая извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств. <...> Геополитика рассматривает территорию как ресурсы для оправдания территориальных претензий и захватнических войн». Геоэкономика же в отличие от геополитики «делает акцент на экономической мощи государства и его завоеваний за счет достижения технологического превосходства» [25].

Геоэкономика, по мнению Э.Г. Кочетова, «есть продукт нового знания: она зародилась как инновация в осмыслении глобальной трансформации глобальной системы. В силу этого инновационная составляющая пронизывает геоэкономiku во всех ее сферах (отображениях): производственно-технической, технологической, институциональной (функциональной и организационной) и т. д.» [29, с. 38]. Вышеупомянутый автор отмечает, что геоэкономiku нельзя рассматривать в отрыве от конкурентоспособности государства, поскольку они в «современном глобализирующемся мире есть неразрывное единство: одно без другого немыслимо». Кроме того, геоэкономика «выступает как техника национального оперирования в геоэкономическом пространстве в целях своевременной перегруппировки сил для выхода на наиболее благоприятные условия формирования и перераспределения мирового дохода» [29, с. 39, 55]. Таким образом, геоэкономика трактуется Э.Г. Кочетовым как государственная стратегия, направленная на повышение конкурентоспособности национальной экономики в глобальном контексте. Достижение поставленной цели может быть обеспечено активным использованием геоэкономического подхода, или «геогенезиса». Геогенезис, по мнению Э.Г. Кочетова, позволил взглянуть на мир в разных измерениях, «помимо политической карты перед нашим взором открылись десятки других карт (уровней, срезов, слоев), через которые идет восприятие СВЭС¹. И это восприятие качественно преобразило эту категорию – ей придана совершенно новая трактовка и наполнение» [78, с. 375].

Привязка «точки обзора» к локальному ландшафту на уровне политической карты мира, по мнению вышеупомянутого автора, не позволяет увидеть всю мирохозяйственную панораму и обеспечить своевременный выход национальной экономической системы на глобальный уровень, замедляя тем самым темп развития национальной экономики. Вместе с тем заслуживает внимания тенденция сокращения уровня внешнеэкономической активности России в результате преобладания политических мотивов, – реликта советской идеологической системы, над экономическими. «Экономический национализм расцветает в России махровым цветом, под его покровом просматривается (обнажается) милитаристско-мобилизационный тип экономики со строгим дозированием общения с внешней сферой: российские ультрапатриоты оболгали внешний мир, они вновь ввязались в схватку с ним пока еще на уровне риторики и прописных державников» [78, с. 375]. Безусловно, такая точка зрения весьма спорна, однако имеет право на существование, если смотреть на события сквозь призму обострившегося экономического и политического противостояния России с одной стороны и блока развитых стран Запада – с другой.

Несмотря на имеющиеся расхождения в трактовках понятия «геоэкономика», в настоящее время уже сформированы стандартизированные подходы к разработке стратегий развития национального хозяйства и созданию геоэкономических регионов. В.А. Дергачев считает, что большие экономические пространства, включающие в себя геоэкономические регионы, выступают основным предметом изучения геоэкономики, при этом последняя, по его мнению, представляет

¹ СВЭС – система внешнеэкономических связей.

собой «поведение государств в условиях экономической глобализации». Таким образом, в очередной раз подтверждается тезис о том, что геоэкономика выступает важным инструментом познания сути глобализованного пространства, и способствует созданию «конкурентоспособных региональных условий хозяйствования под воздействием факторов глобализации и регионализации» [41].

Н.С. Розов под геоэкономическим пространством понимает «сферу взаимодействий между сообществами разного масштаба и характера относительно контроля над экономическими ресурсами, так как эти взаимодействия, контроль или сами ресурсы пересекают границы территориальной политической власти» [144, с. 113]. При этом «геоэкономика» и «геополитика» рассматриваются как понятия близкие по своему содержанию и, более того, иногда практически полностью сливающиеся друг с другом. Границы, разделяющие эти категории, по мнению Н.С. Розова, заключены в следующем: «все, что касается контроля над экономическими ресурсами в рамках имеющихся структур территориальной власти – это геоэкономика. Все, что касается борьбы за сам этот территориальный контроль, – это геополитика» [144, с. 113]. Помимо вышеперечисленных сфер, автор выделяет еще одну категорию, имеющую наднациональный масштаб, а именно «геокультуру» – феномен, содержащий в себе пространственные, цивилизационные, этнокультурные и религиозные аспекты развития общества. Между перечисленными выше понятиями имеются как сходства, так и различия, причем последние связаны с тем, что сила воздействия геополитических, геоэкономических и геокультурных факторов может не совпадать. Например, лидер геоэкономический или геополитический не всегда является геокультурным лидером.

Геоэкономическая модель мироустройства, по мнению Е.В. Сапир, диктует субъектам экономических отношений «новые императивы, модели и принципы экономического поведения» [155, с. 59]. Отсюда, новой парадигмой освоения мирового экономического пространства является геоэкономика. Геоэкономике, согласно вышеупомянутому автору, следует рассматривать как триединство основных аспектов: «во-первых, как теоретическую концепцию, отражающую интерпретацию глобального мира через систему новых экономических понятий; во-вторых, как вынесенную за национальные рамки систему экономических отношений, определяющих единство глобального экономического пространства; в-третьих, как систему взглядов (концепцию), согласно которой внешнеэкономическая политика государства определяется геоэкономическими факторами» [155, с. 59]. Под геоэкономическими факторами понимаются: вовлеченность национальной экономики и их хозяйствующих субъектов в мировые воспроизводственные циклы и оперирование на геоэкономическом атласе мира.

Геоэкономика как относительно новая сфера экономических знаний, согласно Е.В. Сапир, представляет собой совокупность следующих взаимосвязанных положений:

– геогенезиса, т. е. методологического геоэкономического подхода, рассматривающего современную мировую систему как единство «экономической,

политической, международно-правовой, информационной, культурной, этнонациональной и других составляющих мирового развития» [155, с. 59];

- трансформации взглядов на общественное разделение труда, которое постепенно эволюционирует, превращаясь в межклавное разделение труда. Его механизм в новых условиях не зависит от политических границ, но ориентируется на границы экономические;

- несовпадения политических и экономических границ, причем последние «маркируют условные границы хозяйственного оперирования крупных игроков на экономическом атласе мира». При этом экономические границы могут отличаться от политических как в меньшую, так и в большую сторону, а отдельные внутренние регионы могут выступать звеньями разных мировых воспроизводственных циклов [155, с. 59];

- превращения мирохозяйственной системы в пространство с формирующимися внутри интернационализированными воспроизводственными циклами, в которых создается мировой доход;

- факта «сближения и взаимопроникновения национальных воспроизводственных систем под воздействием движущих сил и институтов развития глобальной геоэкономической среды», как выражения геоэкономической интеграции [155, с. 59].

Перечисленные положения базируются преимущественно на позициях глобализма, что в определенных случаях не дает исчерпывающих ответов на вопросы, касающиеся развития национальной экономики. То есть вне зоны внимания остается блок, раскрывающий механизмы формирования внутренних геоэкономических территориальных структур, обладающих определенной степенью хозяйственной самостоятельности и экономической самодостаточности. Устойчивые в экономическом плане, эффективно участвующие в глобальной конкуренции, регионы страны являются гарантом обеспечения экономической безопасности государства.

В целом геоэкономический подход есть составная часть более обширного геопространственного подхода, который «сформировался в социальном познании в связи с распространением в нем идей конструктивного реализма. Его представители, преодолевая оппозицию объективного реализма и радикального конструктивизма, исходят из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько моделирует социальную реальность в рамках культурно-эпистемологического контекста, но такую реальность, которая в определенной мере соответствует социальной действительности» [14, с. 11]. Основными свойствами геопространства, по мнению В.М. Белоусова и А.В. Лубского, являются протяженность и структурность, в связи с чем выделяют геOVERСУМ – глобальное геопространство и локальное геопространство – место жизнедеятельности людей в пределах определенной территории [14].

Если геOVERСУМ есть производная глобалистики, то локальное геопространство связано с процессами геопространственной регионализации, под которыми понимается создание как взаимодействующих, так и конкурирующих

интеграционных региональных структур. При этом выделяют три основных варианта формирования таких структур:

- создание экономических альянсов группой государств, находящихся в одном регионе, с целью повышения эффективности экономики стран-участников, путем унификации законодательства, снижения административных барьеров, активизации движения капитала;

- формирование региональных альянсов региональными державами, путем применения «мягкой силы», т. е. мирными политическими и экономическими методами;

- интеграция, складывающаяся в «пограничных районах нескольких стран в тех случаях, когда масштабы их экономического взаимодействия опережают скорость государственной интеграции» [14, с. 12].

Таким образом, влияние геоэкономики и подходов, выработанных на ее основе, становится все более отчетливым и охватывает практически все уровни экономического взаимодействия: глобальный, национальный, региональный, а также различные их комбинации и сочетания. Именно геоэкономика на сегодняшний день способствует разработке наиболее эффективной экономической политики государства, учитывающей глобальные, национальные и региональные аспекты хозяйственного развития.

1.3. Геоэкономика и формирование внутренних регионов

Тенденция переформатирования глобальной политико-экономической сферы обуславливает существенные трансформации системы мирохозяйственных связей в сторону изменения пространственных подходов к их формированию. «Переход к "Миру Глобализации" (МГ, или G-World – Globalizing World) является сегодня ведущим мегатрендом глобальной интеграции», что требует переосмысления стратегии развития в эпоху постмодерна [195, с. 53]. Как известно, видоизменение глобальных доминирующих экономических формаций сопровождается обострением экономического и политического противостояния, значительно обостряющего международную обстановку. Именно такую ситуацию мы наблюдаем сегодня в мире.

Г.Н. Нурышев делает замечание о том, что «мировая экономика вступает в период завершения большого цикла своего развития. Мировой экономический кризис – это не просто кризис перепроизводства, но и прежде всего кризис эффективности неолиберальной системы» [124]. Период смены доминирующего экономического ресурса в глобальном аспекте зачастую сопровождается возникновением конфликтных ситуаций, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств переходят в фазу открытого военного конфликта. Например, окончание «эпохи дерева» в Европе, когда древесина как главный энергоресурс утратил свое значение, уступив место углю (XVII–XVIII вв.), ознаменовалось сериями крупных военных конфликтов, в которые были вовлечены большая часть европейских стран.

Многие из наблюдаемых сегодня общемировых геополитических процессов негативно сказываются на развитии экономики России, поскольку затрагивают сферу ее национальных интересов и национальной безопасности, а также

нарушают сложившиеся глобальные и региональные экономические связи. При этом конфликт интересов может приобретать открытие формы экономического и политического давления с целью принятия одной из сторон заведомо невыгодных для себя решений¹. В связи с этим можно констатировать необходимость модернизации существующей модели экономических отношений, основанной на геоэкономических принципах функционирования.

Таким образом, возрастает актуальность проблемы реформирования сложившейся мозаики экономического районирования и регионализации территории России, обусловленная изменением мировой экономической архитектуры, когда субъектами отношений выступают не только государства и их экономики, но и отдельные национальные регионы, а также корпорации-резиденты. Вопрос трансформации сложившейся региональной структуры России продолжительное время выступает предметом активных обсуждений и споров. С.Л. Садов отмечает, что «причина этого кроется в неудовлетворительности существующего административно-территориального деления как с точки зрения управления, так и с точки зрения оптимального социально-экономического развития территорий» [153, с. 40]. Кроме того, фактором, актуализирующим проблему геоэкономической идентификации регионов страны, выступает усиление глобального взаимодействия, требующего эффективного вовлечения, в том числе региональных хозяйств в мировые воспроизводственные процессы.

Эффективная интеграция в существующую мирохозяйственную систему возможна лишь в условиях обеспечения эффективного использования внутренних экономических ресурсов и упорядочения организационной и пространственной структуры национального хозяйства. Так, А.Н. Швецов отмечает, что «российское пространство продолжает оставаться беспрецедентно емким и неиссякаемым источником, с одной стороны, уникальных возможностей и преимуществ, а с другой – существенных рисков и ограничений развития страны» [187, с. 38].

Схожим образом уровень развития экономического пространства регионов России оценила Н.Т. Аврамчикова, отметив, что ему присуща «неравномерность развития» и «слабая диверсификация». Это притом, что «регионы имеют значительный природно-ресурсный потенциал, а их потенциальная форма инновационности является источником неиспользованных возможностей, подлежащих тщательному изучению» [2, с. 30]. Проблема повышения эффективности реализации ресурсного потенциала существенным образом актуализировалась в условиях глобальной геополитической неопределенности. Сокращение международного экономического сотрудничества и обмена информацией и технологиями, а также снижение инвестиционной активности, сопряженные с постоянным оттоком капитала из страны хоть и замедляют, но не обращают вспять тенденцию усиления глобального взаимодействия национального и региональных хозяйств России на международном уровне.

¹ Например, стремление России сохранить геополитический «статус-кво» в Украине подверглось беспрецедентному экономическому и политическому давлению со стороны США, ЕС и целого ряда других стран, путем введения экономических санкций не только по отношению к конкретным лицам, но и к отдельным секторам экономики.

Значительная часть хозяйственных взаимодействий национальной экономики осуществляется посредством регионов, точнее региональных хозяйств. Здесь важным моментом выступает проблема точной и адекватной геоэкономической идентификации региона, для чего ранее использовалась категория «экономико-географическое положение» (ЭГП). Однако в связи со значительными метаморфозами, произошедшими в мировой экономической и политической системе, политико-географическое положение, «эволюционировав от экономико-географического, дало возможность через несколько десятилетий говорить о появлении новой категории – геоэкономическое положение» [81, с. 108].

В условиях трансформации мировой экономической среды, отмечает Э.Г. Кочетов, только геоэкономический подход способствует выстраиванию более однородной внутренней и внешней экономической политики, а также консолидации «мировых ресурсов в целях национального развития путем выхода на широкомасштабное воспроизводственное сотрудничество» [77, с. 47]. Отход от торговой и торгово-посреднической модели внешнеэкономических связей, основанной на общем разделении труда и последующий переход на геоэкономическую модель, основанную на инвестиционно-инновационном характере взаимодействия, позволит, по мнению Э.Г. Кочетова, выйти на межкорпоративное разделение труда [77]. При этом в качестве анклавов или корпораций в новой модели внешнеэкономических связей могут выступать, в том числе отдельные регионы как самостоятельные субъекты (квазикорпорации) мирового хозяйства.

Реакцией на изменение глобальной геополитической и геоэкономической среды стало формирование геоэкономических регионов, решающих задачу прежде всего повышения конкурентоспособности национальных и региональных экономик в глобальной конкуренции. По мнению В.Ю. Рогова, «смысл формирования геоэкономических регионов состоит в создании и развитии подсистем национальных глобализированных инфраструктур, посредством которых возможно участие в формировании и распределении на выгодных для страны и ее регионов условиях (по критерию максимизации объема добавленной стоимости)» [142, с. 121].

Коренные изменения в системе мирохозяйственных связей привела к изменению роли в ней государств в сторону утраты ими статуса единственного влиятельного субъекта-актора международных экономических отношений. В соответствии с логикой геоэкономического вектора развития, помимо государств, субъектами отношений также могут выступать:

- суверенные государства и самоуправляющиеся территории;
- международные межправительственные организации;
- неправительственные общественные организации;
- транснациональные структуры, деятельность которых выходит за пределы стран;
- региональные интеграционные межгосударственные объединения;
- отдельные индивиды, имеющие влияние на мировую экономику [119, с. 184].

Геоэкономические регионы возникают, как правило, в зоне функционирования геостратегических регионов, – основных территориальных элементов, «субрегиональных «единиц», великих и крупных региональных держав», а также на основных локальных элементах, играющих роль ворот или порталов к основным элементам, локальных коммуникационных центров, объединяющих основные территориальные элементы или, напротив, разъединяющие их (буферные зоны). При этом геополитические регионы (равно как и геоэкономические) не постоянны, т. е. в разное время таким регионом может стать практически любая географическая «площадка»: «различные по своему типу и конфигурации геополитические феномены могут появиться в различных точках земного шара» [151]. Такими географическими «площадками», например, становились Великий шелковый путь, торговый путь, известный как «из варяг в греки», маршруты товарообмена между городами Ганзы, а также маршруты, связывающие Европу и земли, открытые и освоенные в результате Великих географических открытий и др. В настоящее время этот феномен объясняется категориями геоэкономики. Также геоэкономические регионы локального типа могут возникать вокруг своеобразных «центров экономического притяжения» – мощных транспортно-транзитных коридоров и маршрутов транспортировки энергии, промышленных кластеров, объектов, составляющих природно-ресурсную базу регионального и глобального уровня и т. д. В случае если такой «центр силы» исчезнет, то исчезнет и геоэкономический регион, а само географическое пространство переместится на периферию другого, доминирующего в настоящий момент, геоэкономического пространства.

Также геоэкономическим регионам свойственен интеграционный вектор развития, т. е. управление их формированием и развитием базируется и на методологии теории экономической интеграции. Принято считать, что экономическая интеграция в рамках геоэкономического пространства, преодолевает устоявшуюся традицию региональной экономической автаркии, позволяет получать дополнительные преимущества (в условиях экономического либерализма) всеми участниками этого процесса. И несмотря на возможную неравномерность, непропорциональность распределения экономических результатов в пользу более сильных участников данного процесса, устранение барьеров для движения ресурсов геоэкономического интеграционного объединения, в итоге является результатом экономически значительно более важным и позитивным [169].

В.А. Дергачев отмечает следующее: «...чтобы занять достойное место в современном мире государства активно используют интеграционные процессы» [42]. Именно интеграция как фактор повышения своего экономического потенциала, толкает на создание разного рода международных интеграционных структур. Для России таким стратегическим мегапроектом стал Евразийский Союз, который «мог бы стать эффективным проектом при наличии государства – лидера, обладающего не только экономической мощью, но привлекательной социально-политической моделью» [42].

В раскрытии сущности геоэкономического подхода следует особо отметить позицию Э.Б. Алаева, полагающего, что атрибут «геоэкономический» сле-

дует употреблять в отношении пространственных экономических систем. Экономическое пространство при этом есть совокупность экономических отношений на данной территории, выраженные через отношения управления. Экономическое поле – объект или совокупность объектов, в отношении которых имеют силу управленческие решения. Геоэкономическое поле, по мнению Э.Б. Алаева, – экономическое поле, «привязанное к конкретной территории» [7, с. 171, 258]. Следовательно, принцип глобальности наряду с принципами территориальности, комплексности и конкретности относится к сущностным принципам в вопросах раскрытия географического подхода [7, с. 262]. Отсюда атрибут геоэкономический предполагает не только территориальность, но и глобальность либо как целостности, либо как части целого.

Россия в геоэкономическом пространстве современного мира обладает неоспоримыми преимуществами, что потенциально позволяет получать «геоэкономическую ренту» и наталкивает на необходимость создания различных международных интеграционных пространственно-экономических структур с целью расширения возможностей для увеличения такой ренты. То есть обеспечение государством условий для формирования геоэкономических регионов обретает исключительную важность, ввиду того что геоэкономические регионы представляют собой весьма специфические территориальные образования, границы которых пульсируют (сжимаются или расширяются), перемещаются в пространстве и зачастую не совпадают ни с административно-территориальными границами внутренних регионов стран, ни с политическими, национальными границами. Данный факт наделяет проблему управления развитием хозяйственных комплексов геоэкономических регионов особой спецификой, требующих нетривиальных решений.

Геоэкономическим регионам, как любым сложным социально-экономическим системам, свойственны элементы саморазвития, самоорганизации и саморегулирования. Подходы к устойчивому развитию (саморазвитию, саморегулированию) региональных хозяйственных комплексов в классическом их понимании уже достаточно хорошо проработаны, однако, применительно к хозяйственным системам геоэкономических регионов, ввиду сложности и неоднозначности их как пространственных структур, этот вопрос требует более тщательного изучения. Очевидно, что геоэкономическим регионам свойственна самоорганизация, т. е. способность «обеспечивать организационную устойчивость к воздействиям внешней и внутренней среды» [169, с. 6]. Также хозяйственным системам геоэкономических регионов присущи такие атрибуты, как саморегулирование и саморазвитие. Эти понятия имеют более высокий порядок и, согласно А.И. Татаркину, заключаются в «большей самостоятельности при решении оперативных и стратегических задач развития», и в способности в «условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников» [169, с. 6–7].

Таким образом, геоэкономические регионы обладают универсальным свойством самоорганизации и саморазвития, что наделяет региональную эко-

номическую систему способностью «обеспечивать устойчивость протекающих процессов» [199, с. 11]. В то же время способность к экономической интеграции дает возможность хозяйственному комплексу геоэкономического региона значительно повысить эффективность использования заложенного экономического потенциала – человеческого и природно-ресурсного. Таким образом, гармоничное сочетание свойств самоорганизации, саморазвития внутренней и внешней интеграции позволяют обеспечивать планомерное и поступательное развитие геоэкономического региона.

Геоэкономический подход к формированию стратегии развития национального и регионального хозяйства учитывает влияние экономических, этнокультурных, экологических, географических и социальных факторов. Важное место при этом занимает природно-ресурсный потенциал территории и присущие ей природно-климатические условия [50, с. 23–25]. Однако основной целью применения геоэкономического подхода, объединяющей региональные потенциалы и ресурсы, выступает повышение конкурентоспособности национальной экономики в глобальном масштабе, а также построение геоэкономической модели хозяйствования, обеспечивающей доступ к механизмам управления перераспределением мирового дохода.

По мнению В.В. Мищенко и И.Н. Воробьева, «геоэкономика региона – направление региональной науки, связанное с изучением экономического пространства и закономерностей размещения производительных сил в регионе с учетом таких ресурсно-территориальных факторов, как экономико-географическое положение, трудовой потенциал и природно-климатические условия» [112, с. 294]. Однако при этом предложенная характеристика рассматривается вне контекста включения региональных хозяйственных комплексов в систему глобальных хозяйственных связей, что делает ее недостаточно объемной, лишенной значительной части системных связей. Известно, что возникновение геоэкономической концепции развития национальных и региональных экономических систем вызвано процессами расширения глобального хозяйственного взаимодействия, становлением экономической мироцелостности.

Как всякая сложная система, региональные хозяйства обладают известной устойчивостью и способностью к самоорганизации и саморазвитию. Конкретный механизм реализации этих свойств, применительно к геоэкономическим регионам, требует более тщательного исследования, ввиду относительно слабой теоретической проработки некоторых аспектов этой проблемы. Упомянутые свойства, без сомнения, присущи геоэкономическим регионам и объективно существуют, поэтому могут быть достаточно точно идентифицированы и описаны. Однако эта задача выходит за рамки проводимого нами исследования и требует отдельной специальной проработки.

Императивом развития геоэкономических регионов и в прошлом, и в настоящем является интеграция, т. е. государственное управление формированием и развитием территориальных геоэкономических структур, основанная на методологической теории экономической интеграции. Экономическая интеграция в рамках геоэкономического пространства позволяет успешно преодолевать усто-

явшуюся традицию региональной экономической автаркии и получать в результате дополнительные преимущества (в условиях экономического либерализма) всеми участниками этого процесса. И несмотря на возможную неравномерность и непропорциональность распределения экономических результатов в пользу более сильных участников данного процесса, устранение барьеров для движения ресурсов геоэкономического интеграционного объединения, в итоге является результатом экономически значительно более важным и позитивным [199].

Геоэкономические регионы, с одной стороны, обладают универсальным свойством самоорганизации и саморазвития, что наделяет их способностью «обеспечивать устойчивость протекающих процессов», с другой стороны, нацеленность их на расширение экономической интеграции дает возможность региональным хозяйственным комплексам значительно повысить эффективность использования, имеющегося человеческого и природно-ресурсного потенциала [50, с. 11]. Это достигается благодаря наличию возможности гармоничного встраивания в воспроизводственные процессы более высоких порядков.

Одним из немаловажных мотивов использования геоэкономического подхода при разработке стратегии регионального развития выступает стремление пространственных социально-экономических систем к автаркии. По мнению А.Ю. Даванкова и Е.А. Постникова, «основными направлениями геоэкономической стратегии является устойчивое развитие территориальных систем разного уровня, повышение уровня замкнутости их ресурсных потоков и др. Именно это и будет означать использование объективных законов экономичности природы» [36, с. 25]. Кажущаяся семантическая поляризация понятий «хозяйственная автаркия» и «международная интеграция», по сути не более чем различие, обусловленное сменой углов зрения на изучаемый объект (геоэкономический регион). Более того, геоэкономический регион как территориальная общественная структура сочетает в себе эти свойства, одновременно существуя как интровертная (замыкающаяся на себе), так и экстравертная (стремящаяся вовне) хозяйственная система. Такое сочетание позволяет геоэкономическим регионам функционировать, в соответствии с принципом прагматичного хозяйственного «оппортунизма».

Внутренние границы административно-территориальных образований (регионов) складываются под влиянием факторов этнокультурной и хозяйственной природы в рамках проводимой государством региональной политики. Сложившиеся границы современных государств часто являют собой результат политических компромиссов, деля на части гомогенные в культурно-религиозном, этническом и экономическом отношении субрегионы. Вследствие этого на приграничных территориях продолжают существовать исторически сложившиеся, традиционные, в том числе неформальные, культурные и экономические связи. Эти связи объединяют обширные территории, обуславливая и способствуя формированию единого хозяйственного комплекса. В данном случае речь может идти о влиянии «культурного ландшафта», в конкретном географическом пространстве, на формируемый в нем «экономический ландшафт», что можно выразить в виде связи «геокультура – геоэкономика». Культурный и геоэкономический ланд-

шафт региона достаточно сложное синтетическое понятие, результат сочетания «разнообразных природных, социальных, материальных и идеальных элементов», формирующих геокультурное пространство [171, с. 48].

Поскольку, как уже было отмечено, геоэкономические регионы формируются, как правило, вокруг системообразующих центров, а именно научных (наукограды), технологических (технополисы) и их симбиозов; крупных, прорывных проектов, национального и международного масштабов (мегапроекты); крупных инфраструктурных объектов (транспортных, транзитных, энергетических коммуникаций). Особый интерес вызывает институт мегапроектов, как локомотив ускоренного экономического развития региональных и национальных социально-экономических систем.

«Мегапроект, – отмечает Т.В. Юрьева, – представляет собой совокупность взаимосвязанных проектов, которые имеют общую цель и ресурсы, высокую стоимость и выполняются в течение длительного отрезка времени. Это могут быть проекты, связанные с созданием объектов инфраструктуры, с новым качественным подходом к развитию территорий, с реализацией конкретных задач (сооружение олимпийских объектов и др.). Последующая эксплуатация результатов мегапроекта оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие страны, региона» [197, с. 9]. Однако приведенная выше характеристика оставляет вне фокуса внимания культурный, точнее геокультурный фактор и то влияние, которое он оказывает на формирование геоэкономических регионов.

Усиление процессов становления мирохозяйственной целостности (глобализации) компенсируется процессами регионализации национальных экономик и формированием различных международных региональных интеграционных структур. Процессы регионализации, в основе которых лежат геополитические и геоэкономические мотивы, развиваются не только на международном, но и на национальном уровне. При этом геоэкономический регион может включать в себя территории сопредельных государств, вовлеченных в трансграничные социально-культурные и хозяйственные взаимоотношения.

В сложившихся условиях, на наш взгляд, геоэкономический подход и геоэкономические аспекты имеют особую значимость при разработке государственной стратегии развития регионов. А.Ю. Даванков и Е.А. Постников отмечают, что «понятие «геоэкономические аспекты» означает включение в стратегию социально-экономического развития региона объективных законов экономики природы», выделяя при этом следующие основные геоэкономические аспекты регионального развития:

- глобальное стратегическое развитие (постановка геоэкономики);
- теоретические направления стратегии развития региона;
- моделирование стратегии развития региона на основе замкнутых ресурсных циклов [36, с. 24].

Международная экономическая интеграция, а также развитие интеграционных процессов на региональном уровне стали основными глобальными мегатрендами последних десятилетий. При этом особый интерес вызывает изуче-

ние этих процессов сквозь призму геоэкономики, поскольку преследуемые цели, как правило, лежат именно в плоскости геополитики и геоэкономики. Экономическая интеграция представляет собой «совокупность организационно-экономических и правовых отношений между хозяйствующими субъектами в составе интеграционной структуры как единого целого, направленных на гармонизацию экономических интересов субъектов интеграции, достижение синергетического эффекта при совместной деятельности» [63, с. 261]. При этом международная экономическая интеграция позволяет даже относительно слабо развитым странам обеспечить включение сначала в региональные производственные сети, а через последние получить выход на глобальный рынок [202].

Открытость экономических систем, в том числе региональных, заставляет консолидировать экономические ресурсы, а также формировать территориальные экономические альянсы как для более эффективной концентрации ресурсов, так и для успешного противодействия экономическим угрозам глобального характера. «Регионы, вступившие в глобальные экономические процессы, еще не совсем четко осознали ни открывающиеся возможности, ни потенциальные угрозы жесткой конкуренции в условиях нынешней экономики», – отмечает В.В. Куликов [83, с. 65]. Геоэкономические регионы и их институты развития способны, на наш взгляд, гармонизировать экономическое пространство и способствовать избавлению от «больших различий между регионами в уровнях развития рыночных структур» [32, с. 27]. Этому должна способствовать адекватная идентификация геоэкономического положения региона в глобальном геоэкономическом пространстве. В связи с этим следует отметить позицию С.В. Кузнецова и С.С. Лачининского, считающих, что «геоэкономическое положение, как и "материнская" категория (экономико-географическое положение), глубоко иерархично. Оно может быть микро-, мезо- и макроположением. Вследствие этого геоэкономическое положение объекта может оцениваться по отношению к ближайшему окружению (микрорасположение), к стране или группе стран» [81, с. 107].

Все очевиднее становится необходимость активизации процессов региональной и межрегиональной интеграции не только внутри страны, но и на международном трансграничном уровне в пределах геоэкономического пространства. Межрегиональные связи могут охватывать не только хозяйственную деятельность субъектов, но и другие сферы общественных отношений. «Интеграционные процессы крайне важны для развития отечественной экономики. С другой стороны, также важно развитие общественных связей и контактов между людьми в нашей стране. Необходимы выравнивание трудовых ресурсов, более тесная работа по привлечению трудовых ресурсов из дотационных территорий в донорские регионы с целью обеспечения заработка и повышения жизненного уровня граждан России», – отмечает С.Л. Голобородко [32, с. 26].

Научный и прикладной интерес вызывают особенности и механизмы формирования трансграничных геоэкономических регионов. Актуальность вопроса связана с беспрецедентной продолжительностью границ Российской Федерации, связывающих геокультурное и геоэкономическое пространство стра-

ны с другими странами и регионами мира. «Грамотное использование геоэкономических ресурсов, – отмечают В.В. Мищенко и И.Н. Воробьева, – всего комплекса возможностей и особенностей существующей и перспективной структуры экономики позволяет отказаться от сложившейся периферийной организации хозяйства, в особенности приграничным территориям (регионам)» [112, с. 294]. Такие особенности присущи большей части территории России (особенно ее периферии), регионам, непосредственно соприкасающимся и взаимодействующим с сопредельными государствами. Построение системы устойчивого трансграничного взаимодействия позволит модернизировать политику экономического развития приграничных регионов путем ее вывода на геоэкономическую траекторию, через реализацию механизма открытого трансграничного регионализма. «В условиях развивающегося сотрудничества между соседями приграничные регионы становятся "коридорами развития" – через них проходят мощные потоки товаров, услуг, населения», – отмечают В.В. Мищенко и И.Н. Воробьева [112, с. 294].

С.В. Кузнецов и С.С. Лачининский отмечают переориентацию вектора развития экономических связей регионов с межрегионального на международный, что неизбежно трансформирует экономическое пространство самого региона, «сжимая» его и меняя характер разделения труда. Это влечет за собой сокращение необходимого экономического пространства и создает препятствия на пути экономического развития, способствуя замедлению экономического роста [81]. С другой стороны, «внешние связи втягивают в экономическое пространство страны территории "под чужим флагом", что способствует экономической консолидации и развитию интеграционных процессов. Поэтому правы те, кто говорит о необходимости следования географической традиции – "игре масштабами", которая определяется поставленной исследовательской задачей: последовательным синтезом, генерализацией и объединением территорий, аналитическим дроблением и разукрупнением» [81, с. 104].

Применение геоэкономического подхода в процессе разработки стратегии экономического развития регионов решает две, на первый взгляд, взаимоисключающие задачи. С одной стороны, его применение должно способствовать более эффективному включению экономики региона в систему мирохозяйственных связей, иными словами, способствовать участию в глобальных воспроизводственных процессах. С другой стороны, геоэкономический подход предусматривает возможность повышения уровня самообеспеченности и экономической самостоятельности регионов, что соответствует принципам теории автаркии «больших пространств». Сторонников глобалистского подхода к геоэкономике можно условно причислить к «государствоцентристам», считающих, что главными действующими лицами международной конкуренции выступают не корпорации, а государства. Сторонников повышения роли регионов в международных экономических отношениях причисляют к «экономикоцентристам», согласно взглядам которых геоэкономика изучает пространственную локализацию регионов в новом глобальном универсуме. При этом особое место занимает «географический императив, выражающийся в органичной связи эко-

номики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности» [14, с. 14]. Однако общим местом, объединяющим сторонников «государствоцентризма» и «экономикоцентризма», выступает признание того факта, что тенденции трансформации мирового экономического пространства «объективно ставят вопрос о необходимости пересмотра взглядов на сущность и место региона в геоэкономической политике» [158, с. 68]. Данный вопрос вызывает большой интерес как с методологической, так и практической точек зрения. Каждый из перечисленных подходов обладает своими преимуществами и недостатками, что делает необходимым эффективно сочетать и комбинировать предлагаемые каждой стороной инструменты, используя сильные и нивелируя слабые стороны, присущие каждому из подходов.

Так, например, П. Щедровицкий и В. Княгинин отмечают, что серьезной проблемой современных российских регионов является внутренняя замкнутость целого ряда регионов, по сути представляющих собой локальные рынки, никак не участвующие в глобальной геоэкономике. Перспективы их развития, по мнению вышеупомянутых авторов, видятся весьма туманными, и никакие инвестиции в основные фонды и социальную сферу не решат указанную проблему, пока не будет решена задача интеграции этих регионов в глобальный рынок [193]. Однако такая позиция видится нам слишком обобщенной и односторонней, ввиду того что имеется целая группа регионов страны, которым непосредственная интеграция в систему мирохозяйственных связей не требуется (а зачастую невозможна). Таким регионам, в целях обеспечения устойчивого развития, достаточно лишь косвенного включения в глобальные экономические системы через развитие внутренних горизонтальных межрегиональных хозяйственных связей. То есть не все регионы России нуждаются в участии в глобальной конкуренции в качестве квазикоопераций. Большинство из них способно устойчиво развиваться, интегрируясь во внутренние хозяйственные связи и участвуя в национальной системе хозяйственной кооперации и специализации производства.

С.В. Синицкий отмечает, что по отношению к регионам до сих пор в ходу анахронизм, когда они «рассматриваются только как территориальная часть федеративного образования» [158, с. 68]. Однако, учитывая место, которое занимают регионы «в континууме экономической глобализации», необходима перенастройка системы их пространственной идентификации: в первую очередь «...с позиций горизонтальной динамики, т. е. федерального и регионального разграничения, во вторую – с позиций разграничения регионального и международного, что обуславливает вертикальный вектор интеграционных процессов» [158, с. 68].

Как отмечает Е.В. Сапир, курс на модернизацию национальной экономики «требует кардинального пересмотра сложившейся системы отношений с внешней сферой. Здесь необходима принципиальная подвижка от геополитических воззрений на мировую систему к геоэкономическим. Такая постановка вопроса своевременна и актуальна, ибо отражает реальный переход мирового сообщества к глобальной модели развития, где геоэкономика выступает как центральный вектор» [155, с. 58]. В связи с этим необходимость в модернизации

требует и система регионального развития. По мнению Ю.Г. Лавриковой, «традиционная парадигма регионального развития, воплощающая прежде всего приоритет материальных факторов размещения, переживает кризис и уже не в состоянии объяснить современные пространственные процессы» [88, с. 62].

Гармоничность взаимоотношений между участниками хозяйственного процесса в рамках геоэкономического пространства гарантирует устойчивость экономической системы региона и определяет ее международную конкурентоспособность. Таким образом, при изучении подходов к реформатированию существующей сетки экономических районов страны следует уделить внимание особенностям существующей территориальной системе межхозяйственных взаимодействий. Как уже было отмечено, экономические районы СССР были очерчены, основываясь преимущественно на энергетических маршрутах, предусмотренных планом ГОЭЛРО. То есть формирование регионов строилось по инфраструктурному признаку. Это, с одной стороны, позволило построить мощные развитые индустриальные регионы, с другой стороны, разорвало существующие пространственные структуры и коммуникации (социальные, аграрные, транспортные и др.), ослабив их потенциал.

При рассмотрении этой проблемы важно четко идентифицировать тип геоэкономического региона, основываясь на типах межсубъектных хозяйственных взаимоотношений. В настоящее время принято выделять две основные модели пространственной организации территорий – централизованную и сетевую. Первая модель получила свое развитие в эпоху индустриализации, когда сформировались мощные промышленные производства – центры индустриальных районов. Доминирующим ядром такого региона выступает промышленный центр, являющийся основой «формирования инфраструктурного хозяйства региона и финансовых потоков на территории базирования» [88, с. 63].

Сетевая модель взаимоотношения имеет принципиально иную архитектуру и олицетворяет новый подход к вопросам геоэкономической пространственной организации. Суть заключается в организации межфирменных и межтерриториальных отношений, по поводу совместного использования экономических ресурсов, для получения ожидаемого эффекта всеми участниками сетевого взаимодействия. Именно сетевая модель, на наш взгляд, наилучшим образом подходит для активизации интеграционных процессов в рамках геоэкономического пространства. В настоящее время, в самом общем виде, сети классифицируются следующим образом:

- по содержанию: интеграционные, образовательные, инновационные, научно-производственные и др.;
- по типу интеграции: вертикальные, горизонтальные, диагональные;
- по масштабам: глобальные, региональные, национальные;
- по структуре: внутренние, внешние.

Сеть может рассматриваться как современный институт взаимодействия и интеграции экономических субъектов, входящих в геоэкономическое пространство, способствующий совершенствованию организационной структуры регионального хозяйства.

2. ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ РЕГИОНАМИ КАК ФАКТОР ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Геоэкономическая модель устойчивого развития региона

Устойчивое развитие регионов уже долгое время остается актуальной, но так до конца и не решенной задачей. В условиях усиления глобального хозяйственного взаимодействия неуклонно возрастает потребность в устойчивом и безопасном социально-экономическом, экологическом и демографическом развитии регионов России. Геоэкономическая концепция регионального развития выходит сегодня на первый план, ввиду соответствия предлагаемых ею подходов современным экономическим вызовам. Реализация геоэкономической концепции развития национальной экономики требует модернизации региональных хозяйственных механизмов в аспекте их устойчивого развития и перехода от традиционной парадигмы, основанной на материальных факторах размещения производств, которая уже не в полной мере соответствует современным изменениям геоэкономического пространства, к геоэкономической парадигме устойчивого развития.

Поскольку геоэкономическая модель развития связана не только с разработкой механизмов интеграции в мировое экономическое пространство, но и с вопросами внутренней пространственной организации, то очевидна потребность в обеспечении устойчивого социально-эколого-экономического развития регионов. Следует отметить, что под «устойчивостью» понимается равновесность, сбалансированность, непрерывность экономического развития, соответствующего социальным и экологическим критериям [182].

Подходы, раскрывающие содержание категории «устойчивое региональное развитие», в настоящее время достаточно хорошо изучены, однако отдельного освещения требуют некоторые вопросы, связанные с особенностями реализации геоэкономической концепции устойчивого развития национального хозяйства. Геоэкономика и предлагаемые ею подходы обладают способностью воздействовать на механизм обеспечения устойчивого регионального развития. А.Ю. Даванков и А.Е. Постников отмечают, что сегодня «возникает необходимость создания нового научного направления геоэкономической стратегии развития как в глобальном, так и региональном масштабах. Геоэкономическая стратегия означает включение объективных законов экономичности природы в стратегию социально-экономического развития территорий» [36, с. 25]. Это значит, продолжают вышеназванные авторы, что «основными направлениями геоэкономической стратегии является устойчивое развитие территориальных систем разного уровня, повышение уровня замкнутости их ресурсных потоков и др.» [36, с. 25].

Задачей первостепенной важности является обеспечение устойчивости структурообразующих производственных элементов региона, поскольку они определяют траекторию регионального развития. В свою очередь устойчивость развития регионального производства определяется способностью территориально-хозяйственного комплекса противостоять существующим и потенциальным угрозам, способным привести к спаду производства [179].

Устойчивость производственного комплекса региона, как гаранта устойчивости социально-экономического развития, предполагает сбалансированное, близкое к оптимальному соотношение затрат и результатов, обеспечивающих поддержание стабильного экономического развития и удовлетворение насущных потребностей населения.

Становление концепции устойчивого развития продолжалось в течение последних 40 лет. Само понятие вошло в оборот с посылки ООН, а концепция устойчивого развития все это время стремительно обогащалась теоретическими конструкциями. Если на первых порах термин «устойчивое развитие» имел выраженную экологическую доминанту, то в последующем, по мере расширения понятийного аппарата, получил социальное (в контексте достижения социальной справедливости) и экономическое (взаимоотношение экономики и экологии) содержание. Так, по мнению О.К. Цапиевой, «в содержании термина выделены два императива: императив экологической устойчивости и императив социально-экономической устойчивости» [182, с. 307]. То есть императив социально-экономический стал самостоятельным направлением развития, особенно тщательно культивируемым в современными российскими исследователями. Трендом в исследованиях проблем устойчивого развития стало сочетание экологического и социально-экономического содержания этого понятия. Наиболее полно, по нашему мнению, раскрыл суть категории «устойчивое развитие» В.А. Коптюг, согласно которому устойчивое развитие «предполагает достижение разумной сбалансированности социально-экономического развития человечества и сохранение окружающей среды, а также резкое сокращение экономического диспаритета между развитыми и развивающимися странами путем как технологического процесса, так и рационализации потребления» [74].

Ранее считалось, что использование понятия «устойчивое развитие» связано с актуализацией проблемы истощения внутренних ресурсов развития (демографических, экологических, экономических, социальных и др.). В настоящее время необходимость использования концепции устойчивого развития обусловлена, по мнению целого ряда исследователей, фактом достижения человечеством границ своего развития, что погрузило его в состояние кризиса. Границы развития определяются предельно допустимым объемом изъятия энергии из биосферы земли, превышение которого приводит ее в возмущенное состояние [40].

В связи с этим не противоречивой выглядит возможность использования *геоэкономической стратегии устойчивого развития*. Это относительно новое сочетание, симбиоз концепции устойчивого развития, с одной стороны, и геоэкономической стратегии – с другой. Такое сочетание представляется нам наиболее предпочтительным, поскольку минимизирует возможные противоречия между рассматриваемыми подходами, которые могут найти свое применение при разработке государственной стратегии регионального развития. Поскольку геоэкономический подход предполагает интеграцию его хозяйства в глобальное экономическое пространство с целью включения в интернационализированные воспроизводственные ядра (ИВЯ), т. е. активное участие в системе мирового перераспределения доходов. При этом достижение поставленной це-

ли сопряжено с риском нарушения эколого-экономической и социальной устойчивости региональных систем. Поэтому стратегия геоэкономического развития обязательно должна соответствовать критериям устойчивого развития. Так, например, Р. Олсон выделяет следующие сценарии устойчивого социо-эколого-экономического развития:

- экономический рост и неизменно возрастающий контроль над загрязнением, при том что экологический ущерб компенсируется «оплачивается» экономическими результатами;

- технологическое развитие, ориентированное на ресурсосбережение, а также максимально полное использование ресурсов с одновременным ужесточением контроля над загрязнением;

- переход от количественного роста к качественному развитию, т. е. реализация политики ограничения материальных потребностей человека, соответствующих состоянию биосферы Земли [205].

Само по себе использование геоэкономического подхода вне концепции устойчиво развития может оказаться не целесообразным, ввиду ограниченности ресурсов и угрозы утраты стабильности социально-экономического развития. «Геоэкономическая стратегия устойчивого развития, – пишут А.Ю. Даванков, Е.А. Постников, – требует разработки принципиально новой модели экономического роста, модели, ориентирующей не на быстрые темпы роста, а на стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее природной основы» [36, с. 25]. Однако переход в русло стратегии устойчивого геоэкономического развития требует переосмысления концептуальных подходов к ее разработке, а в условиях развития процессов интеграции в мировую хозяйственную среду смены критериев оценки результативности хозяйствующих субъектов: от максимизации прибыли к увеличению добавленной стоимости, с одновременным сохранением природной основы как фундамента будущего. Г.С. Галиуллина и А.З. Воцкий справедливо заметили, что «глобализация превратила добавленную стоимость в один из главных источников конкурентоспособности, и наиболее успешными в глобальном экономическом пространстве оказались страны и компании, которые задействовали в своих стратегиях замену целевой установки максимизации прибыли на целевую установку максимизации добавленной стоимости» [27, с. 208]. Это чрезвычайно сложная задача, требующая оптимального сочетания множества факторов, оказывающих влияние на уровень развития национальной и региональной экономик в контексте изменения мирового геоэкономического пространства.

В рамках геоэкономической стратегии устойчивого развития неизбежен поиск оптимального пути, сочетающего возможность включения в ИВЯ с одной стороны (что, безусловно, требует повышения уровня интенсификации производственных систем), и сохранения региональной социо-эколого-экономической устойчивости, с другой.

Мировое экономическое хозяйство, стремящееся следовать концепции устойчивого развития, активно интернационализируется (глобализируется), приобретая мирохозяйственную целостность. Следовательно, атрибуты геоэко-

номические и атрибуты присущие устойчивому пути развития тесно переплелись и на современном этапе оказались практически слиты воедино. Сочетая эти свойства, глобальная экономическая среда диктует участникам отношений – региональным и национальным хозяйственным системам новые «правила игры». Однако эти правила распространяются далеко не на всех, а лишь на избранную часть глобальных акторов, эффективно включенных в мирохозяйственную систему. Таким образом, субъекты мирового хозяйства оказываются в таких условиях, когда соблюдение принципов устойчивого развития становится не только необходимостью, своего рода правилом хорошего тона, но и императивом развития, чтобы не вызывать негативной реакции МХС¹.

Используя категорию «устойчивое развитие» и связывая ее с геоэкономической стратегией развития, трудно избежать внутреннего противоречия, поскольку интернационализация мирового хозяйства предполагает более тонкий механизм разделения труда и более выраженную хозяйственную специализацию отдельных территорий. Это предполагает наличие специализированных территорий – «сырьевых придатков», где внедрение принципов устойчивого развития весьма затруднительно. Уже одно это свидетельствует о противоречивости проблемы, требующей более детальной проработки.

Между тем концепция устойчивого развития не всегда и не всеми воспринимается однозначно положительно. В частности, имеют место утверждения, согласно которым концепция, трансформируясь «в стратегию, служит оправданием "широкой" трактовки экологии, распространяемой на все сферы социальной и политической жизни». Так, по мнению В.Б. Павленко, глобальная стратегия устойчивого развития подрывает суверенитет государств, «подчиняет их внутреннюю политику интересам глобализации – корпоративного проекта по трансформации мирового порядка», в связи с чем «видение этой концепции неким балансом между природной средой и антропогенным воздействием на нее – не что иное, как миф» [129, с. 45].

По нашему мнению, понятие «устойчивость», применяемое к экономическим системам (в том числе территориальным), тождественно понятию «жизнеспособность». Поскольку к числу базовых признаков экономических систем, описывающих функцию обеспечения безопасности, относят конкурентоспособность и жизнеспособность, т. е. содержание понятия «устойчивое развитие» раскрывается путем использования категории «жизнеспособность». Признавая близость понятий «безопасное» и «устойчивое» развитие, В.Ю. Рогов делает обоснованный вывод о том, «что термин "безопасное развитие" обозначает, в свою очередь, стратегию переходного периода к устойчивому развитию» [142, с. 48].

Использование концепции и стратегии устойчивого развития по отношению к национальному хозяйству означает перевод и региональных социально-экономических систем на такой путь. Т.В. Ускова отмечает, что большинство современных исследователей склоняются к той мысли, что «главной "ареной" для внедрения теории устойчивого развития в практику должны стать именно регионы», потому что они, во-первых, выступают наиболее управляемой си-

¹ МХС – мировая хозяйственная система.

стемой, ввиду своей равноудаленности в управленческом пространстве страны; во-вторых, являются исторически наиболее устойчивыми территориальными образованиями, имеющими сформированный социум и выраженную этнокультурную идентичность; в-третьих, в сегодняшних геоэкономических условиях они имеют наиболее оптимальную структуру для эффективного позиционирования во внешнеэкономическом пространстве; в-четвертых, обладают опытом совмещения практики рыночного стимулирования на своей территории с политикой централизованного государственного регулирования [173, с. 29].

Говоря о позиционировании региона в планетарном масштабе, выделяют «маркетологический» и «общегеографический» аспекты. Первый связан с воздействием рыночных отношений, когда территория, а точнее территориальная социально-экономическая система, становится своеобразным «товаром», вынуждая проводить сравнения с аналогичными «товарами», т. е. оценивать рыночные позиции, что, в свою очередь, соответствует терминологической традиции маркетинга. Общегеографический (экономико-географический) аспект позиционирования региона предполагает фиксацию взаимозависимости и соотношение конкретного региона и его территориальной социально-экономической системы с другими территориальными системами.

Маркетологический аспект позиционирования региона подразумевает, кроме всего прочего, более широкое использование категории «брендинг территории (региона)», что также относит его к традиции маркетинга. Бренд территории играет немаловажную роль в решении задач эффективного регионального и глобального позиционирования, способствует повышению репутации региона в «отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов, важнейшими конкурентными ресурсами для налаживания партнерских отношений» [22, с. 18]. Эта категория, по словам А. Шестопалова, являет собой «способность одной территории отличиться от другой», что также напрямую соотносится с решением задач позиционирования региона [13].

Достаточно емкая характеристика категории «бренд территории» дана И.С. Важениной: «Бренд территории – это совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [22, с. 20].

Пристального внимания заслуживает аспект регионального развития, раскрывающий совмещение практик рыночного стимулирования и централизованного государственного регулирования. Такое совмещение так же, как и на корпоративном уровне скрывает негативные моменты, когда «в управлении государственным сектором имела место постоянная тенденция смешивания государственной и частной собственности как в смысле прав собственности, так и в смысле использования рыночных и государственных форм регулирования» [43, с. 31]. Такие процессы характеризуются как «диффузия» отношений

государственной и частной собственности, при отсутствии правовых основ регулирования деятельности их субъектов [72]. Изучая эту проблему, Т.И. Коломиец отмечает, что «сложившаяся в России государственно-капиталистическая модель развития, при отсутствии серьезной заинтересованности бизнеса к участию в приросте потенциала ключевых отраслей и удовлетворению потребительского спроса в товарах отечественного производства, встречает растущее негативное восприятие со стороны самых широких кругов общества» [72].

Переход национальных и региональных хозяйственных систем на путь устойчивого развития требует анализа соответствия сформированных и действующих национальных институтов экономического развития. Поскольку России свойственен авторитарный экономико-культурный тип, связанный, по мнению В.Ю. Рогова, с «недопроизводством обществом экономических институтов как общественных благ», то проблема формирования институтов устойчивого регионального развития приобретает особую актуальность. В результате дефицит экономических институтов «восполняется более активной ролью и более широким спектром участия государства как института, в организации хозяйственной жизни в стране» [142, с. 39]. Таким образом, на передний план выходит проблема формирования институтов развития.

Институты в самом общем смысле представляют собой устоявшиеся, признанные всеми участниками хозяйственных отношений, политико-правовые и социальные условия или «правила игры», в соответствии с которыми субъекты хозяйствования осуществляют экономическую деятельность. Одним из таких правил стала необходимость перехода на устойчивый путь развития и пронизывающая все сферы экономической жизни интернационализация, а также необходимость трансформации пространственных структур с целью их перевода на геоэкономическую платформу. Все это в полной мере относится к регионам, как структурным единицам национального и мирового хозяйств, тем более что регионы в новых геоэкономических условиях априори получают большую хозяйственную самостоятельность как субъекты глобальных экономических отношений.

В то же время многими учеными констатируется нечеткость и даже противоречивость содержания понятия «институты», что было отмечено О.В. Иншаковым и Д.П. Фроловым. В частности, упомянутые авторы отмечают, что «используемые определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие социального института теряет границы и масштабы собственного содержания» [58, с. 11]. Это требует увязывания проблем формирования институтов развития и существующей институциональной среды с необходимостью обеспечения устойчивого регионального развития в новых геоэкономических условиях.

Д.В. Дайнеко отмечает, что «институты рассматриваемые, с одной стороны, как совокупность обычаев и нравов, норм и правил поведения, а с другой стороны, как сложившиеся в стране и регионе механизмы координирования экономиче-

ских, социальных и экологических процессов, играют важную роль в процессе устойчивого развития» [37, с. 117]. В контексте социально-экономического развития регионов России, под институтами развития чаще всего понимают инструменты государственной региональной политики, нацеленных на обеспечение устойчивого роста и снижение межрегиональной дифференциации [168].

Успешное экономическое развитие региона, отрасли, страны обеспечивается соответствующими институтами развития, которые, согласно А.И. Татаркину и С.Н. Котляровой, в наиболее общем понимании «отождествляются с особыми организациями, содействующими распределению ресурсов в пользу проектов реализации нового потенциала экономического роста» [168, с. 9]. Недостатком упомянутой характеристики, по мнению вышеназванных авторов, является то, что она рассматривает лишь организационные аспекты функционирования конкретного типа организаций, не объясняя процессов, протекающих внутри самих институтов развития. В связи с этим институт развития рассматривают еще как устоявшуюся норму взаимодействия между экономическими агентами, результатом которого выступает изменение состояния системы [134]. Н.П. Кетова и В.Н. Овчинников отмечают, что «функциональная роль институтов развития заключается в обеспечении позитивных преобразований во всех сферах жизнедеятельности человеческого сообщества посредством использования системы формальных и неформальных правил, норм, стимулов и ограничений, воздействия на поведение хозяйствующих субъектов с целью стимулирования экономического роста» [66, с. 69]. Лаконичное и емкое определение понятию «институт развития» дал И.Ф. Хасанов, отметив, что «это организационно-экономическая структура, содействующая распределению ресурсов в пользу проектов по реализации потенциала экономического роста» [180, с. 37].

В России институты регионального развития традиционно рассматриваются и используются как инструменты региональной политики государства, направленные на максимально полное использование конкурентного потенциала региона, «концепции "точек роста" посредством точечного инвестирования региональных проектов», а также на снижение уровня межрегионального неравенства, «за счет реализации региональных инфраструктурных проектов и поддержки малого и среднего предпринимательства во всех регионах России» [105, с. 153].

Проводимая сегодня политика весьма непоследовательна и грешит частой сменой вектора развития, что свидетельствует об отсутствии единого стратегического видения того, какой окончательный вид должна иметь институциональная инфраструктура регионального развития.

Институты развития играют важную роль в решении задач повышения конкурентоспособности национальной экономики и региональных экономических систем в глобальном геоэкономическом аспекте. Это делает необходимым переход на качественно новую модель пространственного развития на платформу безопасного (устойчивого) развития, охватывая при этом периферийные пространства страны. Это многократно повышает роль рыночных институтов, способных оказывать влияние на процессы управления развитием ключевых «точек» и «центров» экономического роста. Без широкого использования рыночных

институтов невозможно добиться устойчивого экономического роста, опираясь исключительно на институты государственного управления и регулирования.

Значение при решении проблем устойчивого развития (в том числе регионального) имеет пространственное положение территорий регионов, детерминирующее направления и темпы социально-экономического развития. Россия по историческим меркам лишь относительно недавно в результате тяжелейшей борьбы получила выход к морю, однако так и не стала в полном смысле этого слова морской державой и, по сути, до сих пор остается материковым государством, со свойственными для этого типа особенностями развития. Этим объясняется тип ее политической и экономической экспансии, а также достаточно длительные периоды в истории государства, когда автаркия пространства с одновременной реализацией политики идеологического и хозяйственного изоляционизма становилось национальным мегатрендом. Это обусловило формирование и укоренение в российском государстве специализированного типа институтов развития, направленных на освоение пространств суши (теллутократия). Традиционная, относительно не гибкая, институциональная структура, присущая государствам «материкового могущества», не позволила осуществить экспансию морского типа и не превратила Россию в державу моря (исповедующего колониальный тип экспансии), тем самым не до конца реализовав имеющийся геоэкономический потенциал.

В современных условиях государства, в целях обретения экономического могущества, вынуждены культивировать развитие разного рода геоэкономические пространства, сочетая морскую и материковую стратегию пространственного развития. Под «морем» и «материком» следует понимать некий новый образ, инновационную, прорывную стратегию развития России в новых глобальных реалиях. Это актуализирует задачу пересмотра набора институтов и трансформации формируемой ими институциональной среды, с целью адаптации национальной социальной экономической системы и социально-экономических систем регионов к новым, вышедшим на новый качественный уровень, условиям глобальной конкурентной борьбы.

В этом случае роль регионов значительно возрастает, так как все более востребованным становится «поиск новых территориальных источников и институтов повышения конкурентоспособности» [167, с. 44]. Именно в регионах, по мнению А.И. Татаркина, должны быть сформированы новые центры инновационного развития, способные «стать импульсом развития регионов и территорий на основе обновления институтов развития и формирования новых центров генерирования конкурентоспособности» [167, с. 45].

Новыми территориальными источниками повышения конкурентоспособности, по мнению вышеназванного автора, могут стать:

- окраинные территории, «как выразителей и трансляторов геополитических интересов России в приграничных отношениях с другими странами»;
- глубинные территории и малые города, как участники «кластерных проектов и решений, рождаемых в крупных региональных и территориальных

центрах и агломерациях, что позволит превратить данные территории в центры экономического развития регионального масштаба»;

– сельские территории, как новые центры конкурентоспособности, «возникающих на базе формирования диверсифицированной экономики» [167, с. 45].

Региональные институты развития, призванные обеспечивать «прямое участие регионов и транспарентность при принятии решения о выборе проектов для инвестирования с учетом региональных интересов, снижение транзакционных издержек инвесторов посредством эффективного сопровождения проектов со стороны региональных властей», в полной мере с поставленной задачей не справились [105, с. 153]. Это свидетельствует о несоответствии существующих институтов развития и выполняемых ими функций, условиям в которых функционируют региональные экономические системы как на национальном, так и на мировом уровне.

Актуальность вопроса устойчивости регионального экономического развития связана с тем, что «регионы являются по своей сути интегральными образованиями, обладающими определенным единством природных, хозяйственных и социальных компонентов и поэтому напрямую заинтересованы в пропорциональном сбалансированном развитии и использовании всех этих компонентов» [175, с. 41]. Кроме того, российские регионы в новых геоэкономических условиях фактически стали заложниками сложившейся институциональной среды, когда применяемые подходы к управлению на макроуровне экономики базируются на локализации комплекса факторов производства, сосредоточенных в пределах государственной границы. Такой подход не отвечает вызовам современности, поскольку «становится неудовлетворительным в реальных условиях глобализации современного типа» [174, с. 26].

Устойчивое развитие региона определяется, как правило, факторами внутренней институциональной среды, важнейшим из которых небезосновательно считается институт планирования, базирующийся на стратегических установках и основных приоритетах социально-экономического развития, выраженных конкретными индикаторами. К последним можно отнести, например, индикаторы уровня жизни: доходы населения региона, уровень жизни, занятость, обеспеченность населения жильем и объектами социальной сферы; индикаторы экологического состояния [173, с. 120].

Также среди показателей устойчивого развития региона выделяют:

– социальную устойчивость (демография, мораль, здоровье и благосостояние населения, социальная инфраструктура);

– экономическую устойчивость (показатели ВРП на душу населения, для отраслей промышленности в структуре ВВП);

– экологическую устойчивость (доля сельскохозяйственных угодий в общей площади, доля пашни в общей площади территории, наличие токсичных отходов к общей площади, количество автотранспорта к общей площади и др.) [147, с. 2–3].

Также существует целый ряд других показателей и индикаторов устойчивого развития, выделенных отечественными и зарубежными учеными, как близ-

ких по своему содержанию и применяемым подходам, так и весьма значительно различающихся. Все они в той или иной мере раскрывают различные аспекты проблематики устойчивого развития и дают должное представление о сути проблемы. Разработанные методологические подходы и теоретические конструкции, а также конкретные методики позволяют достаточно точно определить направления по реализации концепции устойчивого регионального развития.

Подходы к вопросу устойчивого развития регионов также достаточно глубоко и детально проработаны. Возможность их широкого использования с учетом природно-географических, этнокультурных и социально-демографических отдельных регионов появляется лишь с опорой на имеющуюся методологическую базу. Однако существующие сегодня подходы используют как правило взаимосвязанную систему внутренних показателей, зачастую оставляя вне фокуса внимания факторы внешней среды. Причиной тому, вероятно, служит недооценка внешних факторов, производных от трансформации глобальных геоэкономических условий.

Проблема учета, с одной стороны, территориальных социо-эколого-экономических компонентов и индикаторов стратегии устойчивого развития, а с другой – факторов геоэкономической природы (внешней среды), требует кардинальной смены подходов к самоидентификации регионов в национальном и глобальном масштабах, что неизбежно влечет за собой усложнение региональной институциональной инфраструктуры.

Как известно, факторы социально-экономического развития региона имеют достаточно сложную классификацию, по-разному интерпретируются и вызывают оживленную дискуссию. Так, например, Т.В. Ускова выделяет следующие группы факторов регионального развития:

- внешние и внутренние факторы;
- экономические и неэкономические. К последним относят демографические, военно-политические, экологические и другие факторы [173].

Экономические факторы в свою очередь могут быть разбиты на интенсивные (базирующиеся на повышении эффективности регионального хозяйства и внедрении инноваций) и экстенсивные (основанные на количественном увеличении потребления ресурсов), контролируемые и неконтролируемые (с точки зрения субъекта управления).

Кроме того, факторы регионального развития могут быть разбиты на следующие группы: территориальные, административные, экономические, институциональные, организационные, демографические [114, с. 80].

В условиях глобализированного экономического геопространства к внутренним факторам устойчивого развития региона можно отнести:

- специфику предпринимательской среды и формальные институциональные отношения, а также «неформальные институциональные нормы, сложившиеся под влиянием специфики развития местного сообщества». Последние играют весьма важную роль, поскольку «большинство периферийных регионов характеризуются полиэтническим составом и, как следствие, уникально-

стью норм и правил ведения предпринимательской деятельности, обогащенной культурно-этническим разнообразием исторического наследия»;

– специфическое сочетание видов экономической деятельности, основанных на свойственных конкретному региону, природно-ресурсном потенциале, а также способности производить и выводить на глобальный рынок уникальные виды продукции [104, с. 6–7].

К факторам внешней среды, оказывающим влияние на развитие регионов и становления их институциональной инфраструктуры, чаще всего относят геополитику и глобальные экономические процессы (интеграция, глобальная регионализация, становление мирохозяйственной целостности и др.). Кроме того, мощным внешним фактором считают «геоэкономическое положение региона и его "встраивание" в общую картину формирования единого геоэкономического пространства (страны и мира)». Доминантой при этом является территориальное (географическое) расположение региона, которое рассматривается как главный геоэкономический ресурс региона [104, с. 6–7].

В этой связи внимания заслуживает позиция А.Г. Дружинина, который рассматривает геопространственное местоположение региона не только как геоэкономический ресурс, но и как своеобразный «товар», обладая которым регионы в условиях рыночных отношений и в соответствии с традицией маркетинга «вынуждены соотносить себя с аналогичными "товарами", оценивать свою позицию» на глобальной геоэкономической карте [44, с. 18].

Следует отметить, что факторы регионального развития, относящиеся к группе внутренних факторов, как правило, поддаются контролю со стороны субъектов управления, тогда как факторы, относящиеся к внешней группе, такими свойствами не обладают, что вызывает необходимость модернизации институтов управления и развития региональных социо-эколого-экономических систем.

Существовавшая ранее точка зрения, согласно которой признавалась тождественность политических и экономических границ, в современных условиях выглядит явным анахронизмом. «Сегодня соотношение понятий "государство" и "рынок" наделяется несколько новым смыслом, – отмечает Е.Ю. Айзенштейн, – если раньше существовала система "одно государство – один рынок", то сегодня она трансформировалась в систему "много государств – один рынок". И если еще в недавнем прошлом для процветания государства был важен физический захват территорий и контроль над национальным пространством в географическом плане, то сегодня первоочередной задачей для государства является контроль над экономическим пространством, контроль над потоками и перемещениями» [5, с. 76]. Это делает внешнюю экономическую среду и протекающие в ней процессы не предсказуемыми, значительно усложняющими процесс принятия решений национальными и региональными субъектами, придерживаясь при этом принципов устойчивого (самоподдерживающего) развития. Следовательно, факторы геоэкономической природы – продукты глобализации относятся к факторам неконтролируемого свойства и требуют специального учета.

В этой связи целесообразно выстраивание на уровне регионов (внутренних геоэкономических регионов) институциональные конструкции, обеспечи-

вающие их устойчивое развитие. Они должны учитывать, во-первых, выполнение ключевых индикаторов устойчивого развития, а во-вторых, готовить систему регионального хозяйства к взаимодействию с мирохозяйственной системой. К факторам геоэкономического происхождения можно отнести:

- интернационализацию экономического пространства, облегчающей выход на глобальные рынки, но вместе с тем существенно увеличивающей риски вследствие большей открытости экономики. В условиях «повышенной "открытости"» региональных социально-экономических систем и объективных процессов расширения внешних по отношению к региону связей, реализация соответствующих стратегий развития во многом обуславливаются экономической обстановкой внутри региона» [104, с. 1–2];

- регионализацию, как логичную реакцию субъектов на процесс становления мирохозяйственной целостности, обуславливающую необходимость развития горизонтальных связей между отдельными субъектами хозяйствования и регионами как квазикорпорациями;

- автономизацию региональных хозяйственных комплексов, как логичное продолжение регионализации, выраженную повышением хозяйственной автаркии, направленной на укрепление внутренней социально-экономической устойчивости.

Поскольку одним из объектов геоэкономики выступает глобализированное мировое пространство, в пределах которого складываются трансграничные региональные геоэкономические системы, а предметом выступают «территориальные особенности формирования институциональной среды и элементов мирового глобализированного пространства», то очень важен учет этих особенностей при разработке и реализации региональных стратегий устойчивого развития [94, с. 15].

Вместе с тем продвижению основных постулатов концепции устойчивого развития в общемировом масштабе препятствует имеющая место неравномерность достигнутого разными странами и регионами уровня развития, а также наличие у властных элит осознания необходимости перехода на устойчивый путь развития. В этой связи В.Ю. Рогов справедливо отметил, что «достаточно утопичной парадигме устойчивого развития должна предшествовать некая подготовительная концептуальная модель, называемая безопасным развитием. Эта модель предполагает, в частности создание кооперативных систем ресурсопользования, кооперативных транспортных и иных производственных инфраструктур, формируемых на территориальных структурах, называемых здесь геоэкономическими регионами». Именно постановка и решение проблемы безопасного развития, по мнению вышеназванного автора, будет способствовать сохранению не только социокультурного единства, но и совершенствованию хозяйственного механизма, обеспечивающего внутривосточное взаимодействие [142, с. 99, 109].

Регионы на геоэкономическом атласе мира (геоэкономическом пространстве) выступают сегодня как элементы единой глобальной сетевой структуры, при этом, как справедливо заметил С.С. Лачининский, «геоэкономическое пространство макрорегиона, страны, основных административно-территориальных

единиц (ОАТЕ) стран рассматривается нами в глобальном контексте, без отрыва от мира-экономики» [94, с. 15]. Следовательно, регионы как элементы глобальной сетевой геоэкономической системы вынуждены модернизировать систему управления, подчиняя их требованиям единых «правил игры», игнорирование которых не только препятствует реализации концепции устойчивого развития, но и отбросит региональную хозяйственную систему на периферию мира-экономики. «Процесс глобализации экономических отношений, – отмечают В.Р. Маркарян и А.С. Молчан, – преобразует внутреннюю среду национальной и региональной экономик, коренным образом изменяя характер, формы, механизмы и инструментальное обеспечение стратегий устойчивого развития» [104, с. 1–2].

Устойчивое развитие экономики региона в геоэкономическом пространстве, подверженном качественным метаморфозам, требует идентификации геоэкономических рисков. Существует градация уровней исследования геоэкономических рисков, основанных на территориальном охвате воздействия рисков, форме покрытия рисков, временном периоде воздействия рисков на субъекты глобализованного геопространства, формах управления рисками и масштабами последствий воздействия рисков [94].

Геоэкономические риски, способные негативно сказаться вне на устойчивости национального и регионального хозяйств, относятся к группе рисков соответственно среднего и нижнего уровня, на которых, исходя из территориального охвата, анализируются общегосударственные и региональные (крупные административно-территориальные единицы) территориальные структуры. Типологическая группировка геоэкономических рисков предполагает выделение:

- пространственных рисков;
- экономических рисков;
- социально-демографических рисков;
- геополитических рисков;
- рисков, связанных с проводимой экономической политикой государства (в том числе на региональном уровне) [94].

Наличие геоэкономических рисков актуализирует вопросы обеспечения экономической безопасности как необходимого общественного блага. В связи с этим В.Ю. Рогов отмечает, что «потребность в экономической безопасности страны возникает у общенационального субъекта именно на той стадии развития национальных экономических систем, когда они начинают функционировать как подсистемы мирохозяйственного целого» [142, с. 43].

Очевидно, что регион сегодня это не просто территория и находящаяся на ней общественная структура, а сложная пространственная экономическая система, которая по сути и своему внутреннему наполнению превосходит исходное значение. Основываясь на пространственном представлении региона, в поле внимания должно включаться «не только то, что расположено, развивается и действует в качестве экономических субъектов и факторов экономического развития на конкретной территории», но и «объекты, субъекты и факторы, которые находятся в глобальном экономическом пространстве, но связаны с регионом через информационные, финансовые, транспортные, коммуникационные

и интеллектуальные процессы и операции» [27, с. 208]. Отсюда число ключевых показателей и индикаторов устойчивого развития региона существенно возрастает и предполагает более тщательный учет внешних факторов развития (источников риска и потенциал роста).

Все это обуславливает необходимость учета компонент, взаимодействующих с глобальной геоэкономической средой через существующие каналы связи при реализации политики регионального развития. К числу упомянутых компонент следует отнести следующие:

- этнокультурная (геокультурный фактор);
- транспортно-коммуникационная;
- инновационная;
- интеграционная;
- внешнеполитическая (геополитический фактор);
- информационная и др.

Учет вышеперечисленных компонент позволит регионам оперативно реагировать на внешние возмущения, корректировать ключевые индикаторы социально-экономического развития региона (при использовании методов индикативного планирования), способствуя успешной адаптации его социально-экономической системы к изменившимся условиям. Однако практическая реализация может быть достигнута лишь при формировании региональной геоэкономической модели устойчивого развития в рамках единой национальной стратегии, с поправкой на специфические территориальные геоэкономические, геополитические, геокультурные и природно-климатические и географические условия.

2.2. Геоэкономический регион как программно-проектный регион современной России

Как известно, система регионального управления представляет собой взаимосвязанную совокупность подходов, принципов, форм и методов воздействия на социальную и хозяйственную системы региона. Цель их использования заключается в обеспечении устойчивого, гармоничного развития, реализации заложенного ресурсного потенциала (в том числе человеческого), обеспечения расширенного воспроизводства и повышения уровня жизни населения региона.

В настоящее время все более насущной становится необходимость дифференциации подходов к проблеме стратегического управления региональной экономикой, ввиду имеющего место выраженного внутреннего межрегионального контраста. Последний присущ не только для развивающихся стран (стран «третьего мира»), но и для стран с развитой экономикой (стран так называемого «золотого миллиарда»).

Обоснованность дифференцированного подхода к развитию регионов России со стороны государства была отчетливо продемонстрирована в 2000-х гг., когда произошел фактический отказ от политики выравнивания социально-экономического развития территорий. После того был взят курс на точечное развитие территорий, основанное на стратегических целях государства в сфере

региональной политики и на имеющихся региональных особенностях¹. Например, в концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. было зафиксировано положение, согласно которому государственная региональная политика, в том числе направлена на «...сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни...». Именно тогда был заложен фундамент проводимой политики регионального развития, основанной на таких институтах, как «территории опережающего развития», «специальные экономические зоны», «кластеры» и т. п. Однако следует отметить, что такой дифферент в сторону селективной методологии регионального развития до сих пор не принесла заметных результатов, что стало, по нашему мнению, следствием как несовершенства существующих механизмов управления, так и неоптимальной пространственно-отраслевой структуры национального хозяйства, не способствующей ее эффективной интеграции. Еще одним негативным фактором стала неготовность экономической системы России к эффективному взаимодействию с мировым хозяйством посредством своих регионов.

Уровень социально-экономического развития региона, как правило, находится в функциональной зависимости от качества ресурсной базы и эффективности управления. Причем наличие мощной ресурсной базы при относительно слабом региональном менеджменте не обеспечивает должного, адекватного имеющемуся ресурсному потенциалу, высокого уровня социально-экономического развития. Так, например, преимущественно периферийные регионы страны (Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Забайкальский край и ряд др.) имеют высокий ресурсную обеспеченность полезными ископаемыми и весьма низкую эффективность регионального управления, что негативно сказывается на уровне их социально-экономического развития. И напротив, регионы с относительно низкой и средней ресурсной обеспеченностью (Белгородская и Архангельская области, Республика Алтай и др.) имеют высокую результативность управления, что выражается соответствующим уровнем жизни населения [93].

Особые требования к институтам регионального управления предъявляются новыми геоэкономическими и геополитическими условиями, в которых оказалась национальная экономика. Они предполагают участие регионов как специфических квазикорпоративных субъектов в международных экономических отношениях, в связи с чем региональные институты развития и управления требуют оперативной модернизации. Региональный аспект глобального хозяйственного взаимодействия регионов предусматривает втягивание региональных субъектов (не только производственных, но и гуманитарных) в «орбиту интересов» и процессы регионализации за пределами страны [128].

Для перехода региона на геоэкономический путь развития целесообразна такая трансформация существующей системы управления экономикой и инсти-

¹ Данный постулат был отражен в концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

туциональной инфраструктуры в целом, которая позволит избежать возможных коллизий с институтами управления и регулирования более высокого порядка.

Еще одним немаловажным аспектом, обуславливающим необходимость тщательной проработки подходов к геоэкономическому районированию и формированию соответствующих механизмов управления, выступает проблема обеспечения условий безопасного развития территорий, включая вопросы экономической и национальной безопасности. Ввиду того что подавляющая часть регионов, восточнее Урала, принадлежат к регионам так называемого ресурсного типа, то высокая степень открытости межнациональных экономических отношений может спровоцировать запуск механизма «самоинтеграции» регионов «доноров». При негативном стечении обстоятельств это может привести к активизации процессов «национально-государственного обособления, либо сформировать такую экономическую конструкцию, которая сама по себе будет элементом, разрушающим экономическую и национальную целостность» [158, с. 71].

Кроме того, существует точка зрения, согласно которой территория России в планетарном масштабе рассматривается как резервная ресурсная и экологическая зона, что придает стране специфические геоэкономические и геополитические особенности [12]. Такое позиционирование страны в глобальном геоэкономическом пространстве накладывает отпечаток на специфику территориального развития, а также на региональные механизмы управления.

Внутренние геоэкономические регионы по своей внутренней структуре, комплексу решаемых задач и концепции развития коренным образом отличаются от существующих сегодня региональных образований административно-территориального типа – субъектов РФ, федеральных округов. «По своему концептуальному положению, – пишет В.Ю. Рогов, – геоэкономические регионы относятся к числу проблемно-программных инфраструктурного типа, что отличает их от регионов ресурсного типа» [142, с. 123]. То есть геоэкономические регионы – это программные регионы, рассматриваемые в «их системной совокупности», но не покрывающие всей территории страны [142]. Однако, приступая к описанию и характеристике геоэкономических регионов программно-проектного типа, целесообразно раскрыть их суть.

Само понятие «программно-проектный регион» не ново по своей сути, оно являлось предметом исследования целого ряда отечественных ученых (М.К. Бандман, Н.Н. Некрасов, Б.С. Хорев и др.). Поскольку разработанные еще в советский период подходы к формированию и функционированию региональных хозяйственных (народнохозяйственных) комплексов программно-проектного типа уже не отвечают современным условиям функционирования национальной экономики, тем не менее, некоторые теоретические положения и концепции до сих пор не утратили своей актуальности.

Проблемный подход подразумевает идентификацию препятствий, стоящего на пути к достижению поставленной цели, когда не имеется готовых рецептов и методов для их преодоления. При этом основным инструментом выступают программные разработки в рамках программно-целевой парадигмы. Содержание этого подхода, в контексте современного состояния развития эко-

номики, намного сложнее и многоаспектнее ввиду того, что преодоление существующих проблем порождает целый ряд других [8]. Поэтому при разработке программ, целесообразно проведение тщательного перспективного анализа, с целью минимизации потенциальных рисков (социально-демографических, экологических, этнокультурных).

Принято различать программный и программно-проектный подход к региональному развитию. Первый подразумевает разработку на основе стратегических приоритетов специализированных программ, направленных на решение комплексных проблем, тогда как на основе программно-проектного подхода решаются конкретные задачи. Так, например, «программы формируются разработчиками для решения той или иной сложной, многокомпонентной проблемы. Это форма организации работ для преодоления возникающей сложной многоаспектной проблемной ситуации». В то же время термин «проект» часто трактуется «как совокупность документов (расчетов, чертежей, схем, пояснительных записок, финансовых, технологических, организационных и иных обоснований), увязанных по конкретным исполнителям, регламентам, ресурсам, мероприятиям (активным, энергичным действиям) и необходимых для достижения поставленных целей (создание какого-либо инновационного продукта, процесса, решения какой-либо реальной задачи)» [8, с. 53]. Программа как таковая в общем виде представляет собой «комплекс мероприятий по реализации одной или нескольких целей и подцелей развития хозяйства, упорядоченных в виде «дерева целей» [9, с. 78].

Заметим, что сочетание терминов «программа» и «проект» применительно к проблеме устойчивого развития региона, имеет своей целью систематизировать процесс и отдельные этапы регионального развития, путем выделения сначала наиболее общих, комплексных проблем, решение которых осуществляется с помощью программ, а затем их подробная детализация через реализацию проектов. Это позволяет взглянуть на процесс управления развитием региональной хозяйственной системы не как на простую совокупность разрозненных управленческих решений, лишенных системной организации, но как на слаженную, взаимосвязанную последовательность управленческих воздействий во всех сферах хозяйственной жизни.

Общепризнанно, что программно-проектный подход к управлению является в настоящее время наиболее подходящим инструментом реализации концепции и стратегии устойчивого развития региона, отвечающим последним изменениям мирохозяйственной системы. А.И. Тататркин отмечает, что «организационной основой реализации региональной политики и территориального развития, управления этими процессами наряду с региональными агентствами экономического развития может стать программно-проектный подход, как отвечающий современным потребностям глобализируемой экономики институт федеративного и территориального развития» [165, с. 76].

Использование программно-проектного подхода к развитию регионов позволит синхронизировать функционирование региональных властей и действующих на территории бизнес-структур, подчинив их единой стратегии

устойчивого развития, определив конкретные, хорошо осязаемые всеми участниками хозяйственного процесса этапы или «устойчивые ступеньки, опираясь на которые можно обеспечить на многие годы вперед ускоренное и гарантированное продвижение экономики к намеченным целям (ориентирам)». Отмечается, что «такими ступеньками общественного развития с прицелом на будущее выступает совокупность программ, проектов и планов, в которых соединяются научная мысль (по крайней мере, имеет определенное значение), аналитика, техника и эксперимент» [8, с. 50–51].

Разновидностью проектного подхода являются «дорожные карты», подготавливаемые, как правило, в «культуре проектно-ориентированного управления. Это означает, что их основой является выполнение отдельных проектных мероприятий». Ключевой особенностью дорожной карты как проектно-ориентированного метода управления выступает ее максимально полная прозрачность, планируемость и управляемость. Этот же факт вызывает оживленные дискуссии как среди научного сообщества, так и в правительственных и бизнес-кругах [76].

Формирование региона программно-проектного типа, как составного элемента мирохозяйственной системы, представляющего собой квазикорпорацию, обуславливает необходимость развития соответствующих региональных институтов. В связи с этим следует отметить, что в рамках методологии развития региональных структур как квазикорпораций все более широкое применение получают корпоративные методы управления, базирующиеся на инструментах стратегического управления и проектного программирования. Одновременно с этим выделяются следующие положения, учитывающие особенности формирования региональной экономической стратегии и определяющие целевую ориентацию процесса управления, основанного на пространственных особенностях и историческом генезисе категории «системная целостность»:

- снижение «территориальной экспансии и достижение целостного де-факто, социально и экономически развитого пространства», обуславливает децентрализацию процесса управления в рамках региональной стратегии. Данное положение выступает антиподом централизованного процесса управления, поскольку последний не имеет перспективы и сопровождается серьезным риском неполучения желаемого результата или недостижения целевой функции;

- слабая артикуляция интересов регионов России и неустойчивость региональной структуры, делает возможным определять стратегию регионального развития центральными регионами по отношению к периферии, путем создания оптимальных схем взаимодействия между экономическими субъектами, расположенными на этих территориях [190, с. 110–111].

Связь между стратегией регионального развития и принципами программно-проектного подхода к развитию проявляется следующим образом: стратегия определяет как целевые ориентиры управления в рамках концепции развития, так и планы, программы и проекты, т. е. прикладные инструменты управления.

На наш взгляд, внутренний геоэкономический регион в современном его понимании, представляет собой программно-проектный регион, развивающийся

ся в фарватере реализации национальной стратегии устойчивого регионального развития. Формирование геоэкономических регионов различных уровней стало реакцией территориальных социально-экономических систем на усиление процессов глобализации, сопряженной ростом непредсказуемости. Проектный подход к развитию экономики (проектная экономика) также во многом связан с необходимостью обеспечения устойчивого развития «в условиях ограниченности ресурсов, неопределенности и нестабильности» [196, с. 7].

Проектная экономика сегодня рассматривается как «особый вид социально-экономической системы, в которой экономическая деятельность осуществляется преимущественно посредством проектов, программ, портфелей проектов и программ» [196]. Одним из неоспоримых преимуществ проектного подхода к развитию экономики (в том числе экономики региона) можно отнести то, что он «способствует более четкому определению целей и критериев их достижения, оптимизации ресурсов, выявлению и идентификации рисков, более детальному контролю процесса реализации проекта, что в целом позволяет повысить результативность бизнес-процессов, обеспечить конкурентные преимущества в условиях стратегических изменений» [196, с. 7].

Накопленный опыт свидетельствует, что геоэкономические регионы, как правило, возникают в ареале реализации различных проектов (чаще мегапроектов), сегментированных монопроектами – отдельными проектами «определенного типа и масштаба, имеющими цель и задачи, ограничения по ресурсам, срокам, качеству и другим характеристикам» [196, с. 9]. Такое представление геоэкономического региона требует переосмысления подходов к управлению территориальными социально-экономическими системами, путем максимально широкого использования программно-проектного подхода.

Систематизация программ и проектов регионального развития выступает в настоящее время весьма важной задачей, поскольку, по словам В.И. Зарубина и Д.А. Духу, «отличительным свойством системного программно-проектного инновационного множества является его неустойчивость и неравновесность, обуславливающие наличие значительного уровня энтропии процессов формирования и реализации программ и проектов инновационного характера» [49, с. 68].

Особую специфику проектный подход имеет применительно к развитию регионов ресурсного типа, поскольку «именно в них общенациональная ориентация на развитие сырьевого сектора негативно воздействует на процесс формирования пропорций и инициирует полный комплекс долгосрочных проблем, связанных с необходимостью поддержания устойчивого развития на фоне истощения природно-ресурсного потенциала» [87, с. 56]. В связи с этим следует отметить несовершенство сложившейся практики регионального программирования, часто наносящей вред качеству регионального управления, поскольку ключевым параметром эффективности программ определяется не уровень жизни населения региона, а определенные внешние эффекты [87, с. 56]. Поэтому при разработке концепций социально-экономического развития ресурсных регионов, целесообразно использовать определенный стандартный алгоритм регионального программирования. Этот алгоритм может включать в себя следующее:

- выработку основных целевых параметров (с горизонтом планирования – 15–20 лет) концепции развития территории, построенных на анализе ретроспективы развития социально-экономической системы и ее современного состояния;
- определение ключевых концептуальных положений стратегии и разработку основных сценариев ее реализации, обеспечивающих наибольшую эффективность в достижении поставленных целей;
- разработку программы регионального развития, представляющей собой перечень мероприятий и ресурсов, необходимых для реализации утвержденного сценария [87].

Процесс реализации программ социально-экономического развития региона базируется на использовании имеющих определяющее значение для данной территории индикаторов (что обуславливает применение подходов, свойственных индикативному планированию), к которым можно отнести:

- демографические показатели программы – средняя продолжительность жизни, рождаемость, смертность;
- индикаторы уровня жизни – развитость социальной инфраструктуры (обеспеченность населения объектами образования, здравоохранения, культуры);
- экологические индикаторы, предусматривающие жесткое закрепление ключевых показателей ПДК и ПДВ, а также перечень мероприятий, компенсирующих деградацию природной среды [87].

Геоэкономический регион сегодня, безусловно, должен выступать объектом государственного планирования и программирования. При этом необходима синхронизация решаемых задач внутрирегионального развития и задач внешнеэкономического взаимодействия. Это объясняется недостаточной артикуляцией внешнеэкономических интересов региона вследствие экономического патернализма федерального центра в существующей системе взаимоотношений «центр – регион».

Существующие ныне регионы, представляющие собой административно-территориальные субъекты со свойственной им структурой, механизмами взаимодействия, особенностями управления и императивами развития, не являются регионами программно-проектного типа, ввиду отсутствия у них возможностей для автономной разработки и реализации программ и проектов, преследующих цель включения региональных хозяйственных комплексов не только в национальные, но и глобальные воспроизводственные процессы. К числу программно-проектных территорий нельзя отнести и федеральные округа РФ, поскольку решаемые ими задачи лежат преимущественно во внутривнутриполитической и военной плоскостях, тогда как в экономической плоскости можно констатировать отсутствие ядра – методологии регионального развития. Это вполне объяснимо поскольку, как уже было отмечено, основным мотивом создания этих общественно-территориальных структур, в первую очередь, стала необходимость укрепления структуры государственной власти, а вопросы экономики, остались на периферии внимания.

2.3. Институциональная инфраструктура устойчивого развития геоэкономического региона

Геоэкономические регионы, как уже было отмечено, имеют множество специфических характеристик, объясняющих необходимость трансформации существующих региональных институтов развития (включая институты безопасности, устойчивого развития). Институты, согласно Д. Норту, «создают базовые структуры, с помощью которых люди на протяжении всей истории добились порядка и таким образом снизили степень своей неуверенности» [121, с. 23]. Применительно к российским условиям, наиболее полно, на наш взгляд, сущность институтов раскрывает следующее определение: «...институты призваны структурировать повседневную жизнь общества, организовывать взаимоотношения между людьми, создавать ту среду, в которой функционируют рынки, и определять систему мотивов и стимулов, сдержек и противовесов, противодействующих деформации рыночного поведения и рыночных отношений» [39, с. 38].

Институциональная инфраструктура устойчивого экономического развития представляет собой сочетание необходимых условий (правовых, условий инновационного и научного развития, образовательных, производственных и т. п.), обеспечивающих эффективную хозяйственную деятельность. Институциональная инфраструктура призвана предоставлять «информационные, инвестиционные, экспертные, консалтинговые, юридические, образовательные и др.» услуги в части решения проблем экономики, непосредственно зависящие от наличия и состава институтов развития [11, с. 49]. В контексте решения задач безопасного, устойчивого развития экономики выделяют в частности институты «производственной, транзакционной (обменной), планово-регулирующей, инновационной, социальной и ресурсно-экологической функций экономики» [142, с. 58]. Причем четыре последние функции связаны с реализацией геоэкономической стратегии развития национального хозяйства, поскольку находятся под воздействием «усиливающихся требований к национальным экономическим системам как конкурирующих в составе мирохозяйственной системы» [142, с. 58–59].

Инфраструктура в контексте развития социально-экономической системы региона представляет собой комплекс связанных между собой организационно-правовых форм, обеспечивающих движение деловых отношений и увязывающих их в единое целое [126]. Взгляды экономистов на состав и структуру региональной инфраструктуры могут существенно различаться, однако, в большинстве случаев, они сводятся к определению основных компонент, обеспечивающих стабильное функционирование социально-экономической системы региона, например, инвестиционно-инновационная, рыночная, социальная, производственная и другие компоненты.

На основе анализа институциональной инфраструктуры региона выявляются основные диспропорции территориального развития, и вырабатываются мероприятия по комплексному развитию региона. Например, для формирования эффективных институтов развития в производственной сфере региона требуется баланс между производством и обуславливающей его производственной инфраструктурой [16].

Ввиду того что экономика (в том числе региональная) выполняет производственную, транзакционную, социальную, планово-регулирующую и экологическую системные функции, то существующие институты развития должны обеспечивать эффективное выполнение ею перечисленных функций. То есть состав институциональной инфраструктуры должен соответствовать тем функциям, которые выполняет экономика. В региональном разрезе одной из основных задач развития инфраструктуры выступает необходимость «в использовании преимуществ географического положения страны и смягчение ее недостатков» [21, с. 14]. Таким образом, инфраструктура играет важнейшую роль в процессе адекватного имеющемуся ресурсному потенциалу, геоэкономического позиционирования регионов в быстро меняющихся условиях глобальной хозяйственной среды. «В условиях усиления интеграционных процессов роль производственной инфраструктуры, комплексного ее развития и взаимодействия всех отраслей, а также взаимосвязи с другими составляющими экономики страны возрастает» [21].

Если говорить о сущности и содержании понятия «институциональная инфраструктура региона», неизбежно возникает необходимость в конкретизации категории «инфраструктура», а применительно к конкретной территории инфраструктурного комплекса, как элемента обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Так, Э.Б. Алаев характеризует инфраструктуру как совокупность материальных объектов (производственная и непроизводственная инфраструктуры), прямо не относящихся к производству благ, но необходимых для их создания: зданий, сооружений, сетей тепло- и водоснабжения, ЛЭП, линий связи, учреждений здравоохранения, образования, культуры и т. п. [7].

В самом общем виде инфраструктуру можно рассматривать как комплекс вспомогательных отраслей и видов деятельности, занимающихся обслуживанием производства и населения в рамках национальной и региональной экономической системы. Инфраструктура выступает обязательным элементом целостной экономической системы, а экономика региона – частью единого хозяйственного комплекса страны. Таким образом, инфраструктура играет роль связующего элемента между отраслевыми и территориальными составляющими этого комплекса [21].

Общепризнанным фактом считается наличие связи между уровнем развития экономики и региона и степенью развитости инфраструктуры как страны в целом, так и отдельных территорий. Моментом исключительной важности считается учет регионального фактора при построении и модернизации инфраструктуры страны, что объясняется большой территорией, неоднородными условиями и разной ресурсной обеспеченностью отдельных регионов, а также различиями в природно-климатических, социально-экономических и прочих условиях хозяйствования [67]. Инфраструктура региона может быть классифицирована путем выделения отдельных блоков, раскрывающих содержание каждого из них, на основе тех или иных подходов:

- факторный подход предусматривает выделение производственной, социальной и институциональной инфраструктур;
- отраслевой подход предусматривает выделение торговой, транспортной и снабженческо-сбытовой инфраструктур;

- воспроизводственный подход выделяет воспроизводственную инфраструктуру, например, производство, потребление, обмен и т. п.;
- горизонтальный подход предусматривает выделение производственной, социальной, институциональной и экологической инфраструктур;
- вертикальный подход выделяет производство и предприятие [106].

Инфраструктура выступает неотъемлемым элементом рыночного хозяйства и свойственна любым экономическим системам. «Инфраструктура влияет на освоение жизненного пространства общества и совершенствование производственных отношений» [106 с. 642]. Поскольку производственная инфраструктура современной России в целом представляет собой инфраструктуру СССР, сильно трансформированную в ходе смены политической и экономической формации, со всеми ее плюсами и минусами, то, очевидно, что ее модернизация является задачей актуальной, от успешного решения которой будет зависеть какое место займет страна и ее регионы на геоэкономической карте мира в будущем.

Институциональная среда российской экономики и ее трансформация может рассматриваться в глобальном, национальном и региональном аспектах. Глобальный аспект связан с трансформацией внутренней институциональной инфраструктуры постсоветского периода с попытками интегрироваться в мирохозяйственную систему. В национальном аспекте, в контексте провозглашенной политики «экономического либерализма», институциональная среда национальной экономики подверглась специфическим деформациям, что привело к искажению исходного постулата и образованию институциональной системы, именуемой как «либерализм для своих». Иными словами, доступ к либеральным правилам игры получали и до сих пор получают лишь избранный круг субъектов, что придает национальной институциональной системе фрагментированный характер. Негативной стороной сложившегося положения стала неизбежная деформация самих «правил игры», когда формальные нормы модифицируются системой неформальных норм нерыночного типа. В региональном аспекте институциональная среда также подверглась серьезным изменениям, во многом повторяющим трансформации, которые переживает инфраструктура на национальном уровне. При этом следует отметить многовариантность типов региональных институциональных систем, базирующихся на различных конфигурациях взаимоотношений власти и бизнеса [97].

Следует отметить асинхронность темпов развития институционального анализа и недостаток внимания на вопросы развития региональных институтов и региональной институциональной среды в целом. В качестве примера можно привести следующую цитату: «...институты локального и регионального уровня все еще изучены сравнительно слабо и, образно говоря, образуют "темный этаж" иерархии институционального пространства. Во многом это обусловлено периферийным положением региональной экономики, экономической географии и регионалистики в целом (regional science) в современной системе гуманитарного знания» [178, с. 15]. Причиной тому послужила недооценка значимости региона как субнациональной пространственной структуры, вследствие во

многом ошибочного представления его в виде упрощенной, но в целом идентичной макроэкономической институциональной модели. «Поэтому урбанистическая и региональная экономика наиболее часто представляются как специфические области приложения концепций и моделей макроэкономической теории», а «институциональное влияние пока лишь дополняет традиционный подход в региональной науке и практике» [178, с. 16; 28, с. 36].

На сегодняшний день можно выделить следующие основные задачи институциональной инфраструктуры региона в качестве фактора его устойчивого развития:

- формирование и закрепление наиболее приемлемых стереотипов поведения субъектов хозяйствования; развитие инфраструктуры хозяйствующих субъектов (геокультура, применительно к социально-экономическому пространству);
- формирование системы защиты экономических субъектов от рисков, связанных с функционированием рыночного механизма;
- управление структурными сдвигами в экономической системе; обеспечение устойчивости экономического развития через механизмы взаимодействия институтов развития [106].

Функции инфраструктуры на уровне региона заключаются в обеспечении доведения товаров и услуг до потребителя, осуществлении обратной связи между производством и потреблением, а также в перераспределении ресурсов как между отраслями, так и внутри отраслей. Успешность выполнения инфраструктурой своих функций определяет, во-первых, уровень и качество жизни населения региона, во-вторых, инвестиционная привлекательность и условия для деятельности хозяйствующих субъектов [21].

Особенно остро проблема развития институциональной инфраструктуры регионов встает в условиях необходимости создания инновационной экономики в России. Стратегической целью инновационной модернизации экономики выступает «комплексное, динамически устойчивое, прогрессивное развитие отечественных производств, отраслей и территорий, повышение их конкурентоспособности на мировом уровне, следствием чего станет рост благосостояния общества и населения» [4]. Это создает предпосылки для формирования соответствующей национальной инновационной инфраструктуры, которая находится в прямой зависимости от степени развития региональных инновационных инфраструктур, как составных ее элементов. Уровень развития инновационной инфраструктуры региона непосредственно влияет на конкурентоспособность региона не только на национальном, но, что особенно важно, на международном уровне, в контексте геоэкономического вектора развития современной экономики. То есть конкурентные преимущества имеют те территории, которые сумели обеспечить наиболее благоприятные условия для внедрения перспективных технологий и новых научно-технических разработок. Инновационная инфраструктура региона, как правило, включает в себя бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, технологические кластеры, технопарки,

центры коллективного пользования, научно-координационные центры, статистические центры, центры трансфера технологий, вузы.

Под институциональной инфраструктурой понимают «совокупность учреждений и институтов, обеспечивающих определенность действий индивидов на рынке, и сокращающей издержки коллективного действия по выработке устойчивых правил и механизмов» [106, с. 644]. Предложенное определение приемлемо как по отношению к национальной, так и к региональной институциональной инфраструктуре. Региональную и национальную институциональную инфраструктуру можно рассматривать как систему «правил и организаций, определяющих поведение людей и хозяйственных субъектов» [64, с. 252]. Отсюда следует, что для переориентации вектора развития национальной экономики в сторону более эффективного ее вовлечения в глобальные производственные процессы, требуется пересмотр и модернизация институциональной инфраструктуры развития регионов, через которые выстраиваются взаимоотношения с мировым хозяйством.

Геоэкономическая составляющая выступает сегодня одним из наиболее мощных драйверов, задающих темп и направление совершенствования институциональной инфраструктуры, с целью успешного экономического развития как на уровне национальной, так и региональной экономик. В условиях складывающейся многополярности мировой экономики институциональная инфраструктура региональной экономики России подвергается влиянию процессов образования интегрированных инфраструктур и развития кооперационных связей с хозяйствами сопредельных стран [142].

Формирование внутренней геоэкономики осуществляется путем создания соответствующих системных единиц – геоэкономических регионов, полноценное функционирование которых возможно в условиях создания специфической институциональной среды, включающей в себя:

- институты экономических концепций, доктрин и государственных экономических стратегий;
- институт стратегий экономической безопасности;
- институт промышленной политики;
- институты государственной собственности и национального капитала;
- институт государственных контрактов;
- институт кредитной эмиссии под будущую стоимость [141, с. 150].

Необходимость преобразования институциональной инфраструктуры продиктована также тем, что в результате стихийных, направленных на решение текущих макроэкономических задач, структурно-технологических сдвигов, была сформирована крайне неэффективная отраслевая структура, приведшая к доминированию низкотехнологичных, энергоемких и экологически опасных производств [11]. Такое положение также стало следствием влияния геоэкономических факторов, а именно ошибочного самопозиционирования национальной экономики в системе мирохозяйственных связей, и недоиспользованием возможностей более эффективного включения в глобальные производственные процессы. Известно, что основой национальной экономической доктрины

середины 1990-х гг. было закрепление России как мировой «энергетической супердержавы». Этим и обусловлены структурные деформации отраслевых и межотраслевых комплексов, а также всего экономического пространства (в том числе в территориальном аспекте) в целом.

Именно региональный аспект занимает сегодня особое место, поскольку проблема развития региональной институциональной инфраструктуры, в условиях некоторого ослабления экономического патернализма со стороны федерального центра, становится все более актуальной. Региональная институциональная инфраструктура является достаточно специфичной категорией, тем не менее, способной оказать серьезное влияние на успешность развития и экономики региона, и национальной экономики в целом. Это объясняется тем, что именно через специальные институты развития регионов осуществляется согласование интересов различных групп регионального общества и формируется система социального партнерства [68].

Институциональная инфраструктура национальной и региональной социально-экономических систем различаются сообразно составу и масштабам стоящих перед ней задач. Однако структура региональной экономики в последнее время существенно изменилась в сторону усложнения системы связей, когда в результате влияния геоэкономического (интеграционного) фактора, хозяйственный комплекс региона стал рассматриваться не только в национальном, но и в глобальном аспектах. Темпы преобразования региональной институциональной инфраструктуры пока отстают от темпов развития системы межрегиональных и международных социально-культурных и хозяйственных связей.

Чаще всего региональную институциональную инфраструктуру рассматривают как систему, включающую в себя:

- законодательство и подзаконные нормативные акты;
- субъекты, обеспечивающие правоприменение, функционирование и развитие предпринимательских сетей, цепочек поставок и создания стоимости и т. д.;
- культурные особенности территории, фиксирующие базовые ценности и определяющие неформальные правила поведения субъектов хозяйственной жизни [64].

В настоящее время при изучении институциональной инфраструктуры региона возникла острая необходимость учета влияния транзакционных издержек и коррупционного фактора на эффективность функционирования региональной экономики. То есть современные институты развития должны предусматривать механизмы преодоления имеющих место порочных явлений, свойственных тем или иным регионам. Минимизация влияния вышеназванных негативных факторов позволит вывести на первый план следующие институты регионального развития:

- институты плана как подсистемы реализации плановой функции государства в национальном масштабе;
- институты рынка и контрактов, способствующих переходу социально-экономической системы региона из текущего состояния в более благоприятное;

– институты «национальной идеи», призванные определить стратегические направления развития, в том числе в геоэкономическом аспекте.

Устойчивое региональное развитие в настоящее время детерминировано структурой региональной экономики, ресурсной обеспеченностью, уровнем технологического развития и, главное, существующими институтами развития. Это в полной мере относится и к геоэкономическим регионам, которые, строго говоря, следует рассматривать как регионы опережающего развития, использующие принципиально новые механизмы взаимодействия с мирохозяйственной системой. Однако это требует пересмотра структуры национальной и региональной экономик, в том числе с точки зрения трансформации институциональной структуры.

Инфраструктура геоэкономического региона, включает в себя совокупность институтов «обеспечивающих управление процессом воспроизводства на всех его стадиях и создающих условия для экономического роста», с той лишь разницей, что они иным образом позиционируют себя на геоэкономической карте мира [106, с. 645]. Такое позиционирование, как уже было отмечено, требует трансформации институциональной инфраструктуры региона, с целью переориентирования вектора его развития в сторону, во-первых, повышения экономической самостоятельности и уровня экономической самообеспеченности; во-вторых, на стремление к саморазвитию и самоорганизации регионов за счет использования преимущественно внутренних ресурсов развития (автаркия больших пространств); в-третьих, повышения уровня интегрированности в мировое экономическое пространство путем применения геоэкономических механизмов взаимодействия.

Так, неотъемлемыми структурными элементами институциональной инфраструктуры внутреннего геоэкономического региона выступают такие институты устойчивого и безопасного развития, как планово-регулирующая инфраструктура региона, социальная инфраструктура, эколого-ресурсная институциональная инфраструктура.

Особое место в составе институциональной инфраструктуры геоэкономического региона в рамках реализации стратегии устойчивого развития занимает планово-регулирующая инфраструктура, предусматривающая как саморегулирование на основе рыночных механизмов, так и применение плановых механизмов, способствующих преодолению «провалов», свойственных рынку [142]. Институт плана непосредственно связан с институтами рынка и контрактов, что подтверждает необходимость координации действий экономических субъектов в целях повышения эффективности всей экономической системы. Однако применительно к геоэкономическому региону место планово-регулирующей инфраструктуры соответствующим образом меняется, ввиду необходимости трансформации существующих каналов ресурсных коммуникаций в контексте глобального взаимодействия. Необходимость развития этого института объясняется также наличием факторов риска в сфере внешнеэкономического взаимодействия.

Планово-регулирующая инфраструктура внутреннего геоэкономического региона сводит воедино такие, на первый взгляд, диалектически противополож-

ные категории, как «автаркия» и «интеграция». Примером тому могут служить геоэкономические регионы ЕС, АТР, Северная Америка и другие международные региональные образования, а также внутренние (в том числе трансграничные) геоэкономические регионы. В России такими регионами можно считать Черноморско-Каспийский, Тихоокеанский, Балтийский, Байкальский и другие геоэкономические регионы. Несмотря на различие в масштабах и экономическом потенциале, роднит эти общественно-территориальные структуры целый ряд признаков, способствующих усилению внутреннего хозяйственного и социального взаимодействия.

Крупные геоэкономические регионы, как правило, представляют собой некий конгломерат государств и характеризуются достаточно высоким уровнем самообеспеченности основными видами благ, однако постоянно находятся в поиске путей по расширению своего экономического влияния. Так, например, в ЕС самообеспеченность по основным видам продовольствия (молоку, зерновым, животному маслу, сыру и др.) не только достигла 100 %, но и превысила эту отметку, что потребовало реализации срочных мер по выходу аграрного комплекса Евросоюза на внешние рынки.

Дуализм функционирования геоэкономического региона выражается и в широком использовании ресурсного потенциала для повышения уровня самообеспеченности территории, а также в использовании производственного и ресурсного потенциала для экономической экспансии. В данном случае плано-регулирующая инфраструктура устраняет противоречивость факта применения регулятивных инструментов в экономике, функционирующей по рыночным законам.

Более пристальное внимание, на наш взгляд, следует уделить вопросам управления развитием эколого-ресурсной институциональной инфраструктуре региона, поскольку этот аспект инфраструктурного развития прямо влияет на уровень и качество жизни населения. Вопросы регулирования эколого-ресурсных процессов в регионе входит в состав инфраструктуры обеспечения «безопасного развития», предшествующей этапу «устойчивого развития». При этом актуальность имеет проблема сохранения и развития ресурсного потенциала, как институциональной единицы инфраструктуры региона. Актуализация этого вопроса связана с неуклонным ухудшением экологической обстановки в результате негативного антропогенного воздействия на естественную природную среду.

Далее дадим краткую характеристику категории «ресурсный потенциал», а в контексте изучения эколого-ресурсной институциональной инфраструктуры региона – «природно-ресурсный потенциал» региона.

И.Ю. Новоселова определяет природно-ресурсный потенциал как «часть природных ресурсов региона, которая может быть добыта и вовлечена в экономический процесс исходя из технических (технологических) возможностей и оценки экономической целесообразности» [120, с. 144]. Те потенциальные ресурсы, которые в настоящее время не могут быть вовлечены в экономический процесс, согласно вышеупомянутому автору, составляют запас (официально

подтвержденный, но не используемый в настоящее время, что позволяет отнести его к категории природно-ресурсного потенциала). Приведенное определение требует адекватной и объективной оценки ресурсного потенциала ввиду высокой цены ошибки при принятии неверных управленческих решений, в результате использования необъективных данных. «Неадекватная оценка природных ресурсов приводит к занижению возможных эффектов от их эксплуатации. Поэтому первостепенное значение при оценке всей хозяйственной деятельности должен приобретать природно-ресурсный фактор и его эколого-экономический аспект» [154, с. 200].

Необходимость повышения эффективности использования природно-ресурсного потенциала территории продиктовано качественными и количественными изменениями экономической среды как на национальном, так и на мировом уровне. Изменение конъюнктуры мировых рынков и их волатильность, коренная трансформация глобальной геополитической карты, формирование новых геополитических и геоэкономических союзов и альянсов, а также непредсказуемость развития трансформационных процессов, заставляют обращаться к внутренним источникам экономического роста. Отмечается, что «возрождение России как независимого субъекта международных отношений невозможно без обеспечения экономической и ресурсной безопасности государства» [148, с. 71]. Однако речь идет не о самоизоляции государств или регионов, а о создании условий для более качественного использования имеющегося природно-ресурсного потенциала территорий в рамках мировой хозяйственной системы.

При оценке природно-ресурсного потенциала основное внимание акцентируется в первую очередь на размерах запасов полезных ископаемых, необходимых, с одной стороны, для обеспечения внутренних потребностей промышленности (уран, бокситы, марганец, титан и др.), а с другой – для экспорта на мировой рынок (газ, нефть, металлы и др.). Безусловный приоритет при оценке ресурсной обеспеченности территорий отдан вышеназванным ресурсами, оставляя в тени необходимость развития потенциала других, не менее значимых видов экономических ресурсов – людских, земельных, водных.

Природные ресурсы как основа природно-ресурсного потенциала территории классифицируются на материальные и экологические. К первой относят ресурсы, с помощью которых осуществляется производство различных видов энергии, материалов и продовольствия (полезные ископаемые, водные и земельные ресурсы). Ко второй группе относят ресурсы способные нивелировать нанесенный антропогенный ущерб, восстанавливая экологическое равновесие. Эту группу ресурсов называют еще «ассимиляционным потенциалом окружающей среды» и включают в нее рекреационные, земельные и водные ресурсы [61, с. 200].

Классификация природных ресурсов, основанная на особенностях их стоимостной оценки, может иметь следующий вид:

- природно-ресурсный потенциал хозяйственного назначения, имеющий рыночную цену. Признаком включения ресурсов в данную группу выступает наличие рыночного спроса на них и возможность включения в дальнейшую переработку, сопряженную с формированием затрат;

– природно-ресурсный потенциал ассимиляционного назначения, стабилизирующий состояние окружающей среды и включающий в себя собственную стоимостную оценку, экономическую оценку ущерба и экономическую оценку депрессии природной среды;

– природно-ресурсный потенциал рекреационного значения и сохранения культуры населения, включающий в себя водные и земельные ресурсы, а также уникальные ландшафты и историко-культурные памятники, представляющие ценность с точки зрения рекреации;

– природно-ресурсный потенциал гуманистического назначения, имеющий смысл сохранения из гуманистических соображений [120, с. 145–146].

Кроме того, существуют и иные виды классификации природно-ресурсного потенциала региона, отличающиеся друг от друга весьма незначительными нюансами. Однако в приведенных подходах к классификации ресурсов практически не находится места человеческим ресурсам региона, повышение потенциала которых становится все более актуальной задачей, поскольку эффективность их использования выступает одним из критериев эффективности региональной экономической политики, способствует росту человеческого капитала и обуславливает повышение уровня жизни населения. Между тем игнорирование проблемы развития человеческих ресурсов при анализе ресурсного потенциала региона, на наш взгляд, не позволяет объективно оценить экономический потенциал региона в целом.

В связи с этим актуальность сохраняет вопрос формирования регионального института развития человеческого капитала как составного структурного элемента институциональной инфраструктуры устойчивого развития региона. Еще более актуальной эта задача становится в условиях активизации взаимодействия регионов как субъектов хозяйствования в мировом геоэкономическом пространстве, а также в условиях обострения конкурентной борьбы, предъявляющих повышенные требования к качеству человеческих ресурсов.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

3.1. Влияние геокультуры, геополитики и геоэкологии на процессы формирования внутренних геоэкономических регионов

Территориальные хозяйственные структуры в настоящее время подвергаются серьезному воздействию со стороны процессов усиления глобального взаимодействия и взаимовлияния в культурной, хозяйственной и идеологической сферах. По мере расширения и активизации указанных процессов «территориальные социально-экономические системы становятся все более полиморфными (в социокультурном, институциональном, политико-экономическом отношении), полицентричными, динамичными и крайне неустойчивыми» [44, с. 24]. Важная роль при этом отводится, на первый взгляд, неочевидному фактору – культурному фактору (применительно к пространственным структурам современного типа – геокультурному). Геокультурный фактор экономического развития становится сегодня все более ощутимым, а мировая практика показывает, что его учет обязателен при разработке экономических стратегий и программ развития. Однако прежде чем перейти к осмыслению места, которое занимает геокультура в социально-экономическом развитии стран и регионов, целесообразно дать краткое описание таких понятий, как «геокультура» и «геокультурное пространство».

В настоящее время имеется множество примеров геоэкономического районирования территорий государств, границы которых часто не совпадают с политическими или внутренними административными границами. Так, факторы геокультурного характера влияют на процессы становления регионов, определяя конфигурацию, структуру и систему внутренних и внешних связей.

Основоположником теории развития геокультурных пространств является И. Валлерстайн, который определяет геокультуру как способ культурной организации мирового пространства [207]. Организация мирового пространства, а также его регионализация могут протекать на основе свойственных для него политических (геополитика), экономических (геоэкономика) и культурных (геокультура) связей. Наложение перечисленных признаков системных связей в рамках конкретного географического пространства способствует, на наш взгляд, формированию наиболее стабильных, прочных и развитых территориальных социально-экономических образований. Если такие категории, как «геополитика» и «геоэкономика» достаточно хорошо изучены, а их место в развитии хозяйственных систем четко определено (в том числе на региональном уровне), то механизм воздействия геокультурного фактора недостаточно изучен.

Известно, что геополитика и геоэкономика оказывают влияние на геокультуру, равно как геокультура влияет на политику и экономику. Например, связка «геополитика → геокультура» выражается воздействием «культуры могучего лидера на элиты и население младших союзников после победы над общим грозным врагом», а связка «геоэкономика → геокультура» выражается в аспекте

«воздействия культуры богатых и цветущих стран ядра на элиты и население его полупериферии, а также на компрадорскую элиту периферии» [144, с. 115].

Геокультура способствует устойчивому социально-экономическому развитию территории «за счет их культурного потенциала» и создания «новых секторов экономической деятельности для населения» [102, с. 20]. Другими словами, наличие устойчивой геокультурной среды и, как следствие, устойчивого геокультурного пространства, способствует формированию более устойчивой социально-экономической системы.

Геокультура также определяется как «процесс и результат, с одной стороны, развития в конкретной культуре собственно географических образов, с другой – «накопления», формирования культуры осмысления этих образов» [48, с. 5]. Соответственно, геокультурное пространство рассматривается как «система культурных реалий и представлений, устойчивых на определенной территории». Эти представления есть результат смешения, взаимодействия и взаимопоглощения этнокультурных и культурно-религиозных особенностей и мировоззренческих установок, проживающего на данной территории населения.

Геокультурное пространство представляет собой многослойную структуру, результат взаимодействия природных, экономических, экистических, социальных и других территориальных систем [116, с. 96]. До сих пор отсутствует описание механизма влияния геокультурного пространства на находящиеся в этом пространстве территориальные социально-экономические системы. В этом аспекте целесообразен поиск точек соприкосновения между геокультурой и геоэкономикой, являющимися понятиями одного порядка, и через их описание возможно изучение внутренних механизмов взаимодействия и взаимовлияния элементов геокультурного и геоэкономического пространства. Однако геоэкономика часто ошибочно рассматривается лишь в глобальном аспекте и через эту призму связывают геокультуру с процессами глобализации, представляя его как культуру «глобализирующегося человечества». Именно с этих позиций осуществляются попытки синхронизации экономических, политических и культурных параметров управления процессом глобализации. Принято считать, что глобализация предполагает, в том числе распространение некоторого набора универсализированных характеристик, как-то стандарты потребления и жизненный комфорт, – результата существующих культурных практик. И именно здесь кроется основная проблема: «Невозможно иметь уровень и качество жизни одной цивилизации, а ценностные ориентации и поведенческие стереотипы – другой. Такое сочетание не приводит к продуктивным результатам» [111, с. 131].

Говоря о сочетании геополитики и геокультуры в контексте достигнутого уровня развития цивилизации, следует отметить, что «в условиях глобализирующегося развития современной мировой системы геополитический фактор уступает место геокультурной стратегии, основным инструментом которой становится контроль за пространствами ненасильственными методами» [86, с. 121]. Геокультурный фактор естественным образом если не сменяет, то предельно эффективно дополняет геополитические стратегии, трансформируя государственно-центрическую в региональные и глобальные парадигмы локального развития.

Все это предполагает «поиск инновационных форм интеграции на основе геокультурных стратегий» [86, с. 121]. Это в полной мере относится и к сфере развития экономических взаимоотношений, которые также находятся в условиях расширения доступности глобального пространства современного мира.

Также целесообразно рассматривать геокультуру как фактор, способствующий налаживанию международных отношений, поскольку «парадигмы геокультуры наряду с геоэкономикой и геополитикой становятся определяющими факторами изучения развития взаимоотношений между странами» [18, с. 60]. Однако при этом практически любое государство культурно далеко не гомогенно, т. е. отдельные их части (регионы) находятся в зоне притяжения различных культур и цивилизаций или имеют собственную культурно-историческую идентичность. Более того, по территории страны могут пролегать цивилизационные разломы, что существенно усложняет внутреннюю политическую, экономическую и социальную структуру, а также механизмы взаимодействия и управления. Геокультурный фактор, таким образом, с одной стороны, объединяет геопространства, с другой стороны, позволяет увидеть глубинные причины возникновения межэтнических и межкультурных конфликтов внутри страны.

Территория страны, несмотря на наличие единого правового и экономического пространства, по уровню социально-экономического развития достаточно сильно дифференцирована, что объясняется влиянием большой группы факторов. К их числу можно отнести и геокультурный фактор. Геокультура как глобальный феномен достаточно хорошо изучен, однако нераскрытыми остаются вопросы, касающиеся его влияния на формирование внутренних геоэкономических регионов отдельных стран.

Вместе с тем территория государства представляет собой относительно устойчивое и единое геокультурное пространство, связанное схожестью норм, правил и ценностей, разделяемых гражданами страны. Однако в рамках геокультурного поля любого государства существуют локальные, специфические «субкультуры», представляющие собой «особые комплексы ценностей и правил» [111, с. 136]. Это особенно сильно выражено на приграничных территориях, жители которых имеют, как правило, этническую, религиозную и культурную близость с жителями сопредельных территорий соседних стран. Более того, до появления современных государственных, политических границ, население этих территорий, как правило, представляло собой единую этнокультурную (этническую, религиозную) общность.

В связи с этим игнорирование геокультурного фактора, при построении региональных хозяйственных комплексов, как структурных элементов глобальной хозяйственной системы, основанных на геоэкономических принципах функционирования, может существенно снизить эффективность их функционирования и, более того, поставить под сомнение жизнеспособность подобных структур. Помимо учета геокультурного фактора в вопросах формирования геоэкономических регионов – субъектов хозяйственных отношений локального, регионального и глобального уровней, необходим учет физико-географических, экономико-географических и геоэкологических характеристик территории. Подтверждением

тому служит замечание Т.И. Немцевой, отметившей, что «представление о той или иной территории, полученное при использовании перечисленных описаний, не может быть полным без ее геокультурной характеристики» [116, с. 96].

В современном глобальном политико-экономическом контексте регионам как территориальным социально-экономическим системам присущ специфический набор базовых элементов глобального позиционирования. Так, одни территории характеризуются наличием ареала военно-политической нестабильности, другие активно включаются в глобальные воспроизводственные процессы, аккумулируя ресурсы, третьи выделяются исторически накопленным и продолжающим активно использовать свой культурный потенциал [44].

Геокультурная составляющая оказывает серьезное воздействие на геопространственное позиционирование региона как социально-экономической системы в условиях усиления глобального взаимодействия. Следует отметить, что геокультурная конкретика, «корректируя поведение государств, транснациональных компаний, международных институтов, домохозяйств», способствует формированию новых территориальных общественных структур, «обретая функции доминантного института глобального геопространственного позиционирования» [44, с. 35]. Геокультура также обладает свойством создавать путем фактического соразвития цивилизаций и культур, альтернативных, часто конкурирующих между собой образов глобального геопространственного позиционирования, своего рода его геокультурную детерминацию [44, с. 35].

Значение геокультурной компоненты в функционировании региональных хозяйственных комплексов выражается в том, что она способствует формированию более тесных, гармоничных отношений между субъектами, способствуя их лучшему взаимопониманию. Самоидентификация хозяйствующих субъектов региона, осознание ими своей принадлежности к конкретному географическому, социальному, культурному, экономическому пространству, а также идентификация принадлежности других участников хозяйственного процесса к нему, способствует, по нашему мнению, формированию и укреплению всей региональной хозяйственной системы, путем образования более устойчивых хозяйственных связей. И это вне зависимости от наличия или отсутствия внутренних административно-территориальных или внешних политических границ, поскольку геоэкономическое и геокультурное пространство носит трансграничный, транснациональный характер.

В целом вопрос совпадения или несовпадения границ геокультурных и геоэкономических регионов (в том числе внутренних) требует более пристального внимания, ввиду его исключительной важности, как инструмента укрепления глобальной конкурентоспособности региональных экономических систем. Совпадение границ геокультурного ареала и границ экономических районов (в глобальном контексте – геоэкономических регионов), способно придать региональным экономическим системам новый импульс для устойчивого развития, что особенно актуально в условиях непрекращающегося процесса усиления глобального взаимодействия.

В условиях глобализации, когда образуются внушительные по своим размерам единые и, в определенном смысле монокультурные, монологические пространства, геокультурные основания оказывают все большее влияние на позиционирование территорий на глобальной геоэкономической карте. В данном случае речь идет о геокультурных основаниях, определяющих конкретный тип территории, который в свою очередь влияет на формирование специфического территориального менталитета. Под менталитетом чаще всего понимают «сложное сочетание разных факторов, одни из которых представляются более устойчивыми, их можно отождествлять с подсознательно закрепленными привычками мыслить и действовать определенным образом, а другие более изменчивые, отождествляемые с осознанными идеями и принципами культуры» [89, с. 197].

Менталитет неразрывно связан с имиджем территории, ее репутацией, что, безусловно, влияет на позиционирование территории, с точки зрения формирования определенного регионального бренда. Благоприятный имидж территории в краткосрочной перспективе привлекает новых ее потребителей, а в долгосрочной – проверенная репутация укрепляет партнерство и гарантирует успешность экономического сотрудничества [22].

Менталитет имеет существенную внутристрановую дифференциацию, что связано с существующими довольно значительными территориальными различиями. При этом формирование менталитета имеет ярко выраженную географическую и ландшафтную детерминированность, другими словами, имеет геокультурную обусловленность. Отсюда следует, что в геопространстве страны могут одновременно сосуществовать сразу несколько исторически сформировавшихся типов менталитета, что делает задачу адекватной внутренней регионализации еще более актуальной. Тип территории, локализованный в пространстве и развивающийся во времени, является носителем этносов со свойственными им стереотипами поведения, типичными качествами и чертами, а также выступает своеобразным вместилищем, в котором и формируется менталитет [89]. Поэтому при решении задач глобального позиционирования, необходим учет факторов территориальной ментальности и ее влияния на имидж территории и, соответственно, на привлекательность, в том числе в инвестиционном плане.

Отмечается, что «в условиях глобального социально-политического кризиса возрастают идейно-политические и культурно-мировоззренческие факторы социальной идентификации» [53, с. 19]. Согласно мнению ряда исследователей, групповая ментальность «как духовно-психологический фундамент жизнедеятельности личности» способствует формированию и транслированию определенной картины мира. При этом в условиях усиления глобального взаимодействия, человек участвует не только в хозяйственной жизни определенного локального социума, но и включен в мирохозяйственные и иные социокультурные связи [53]. Отсюда, человеческий индивид и локальный социум к которому тот относится, могут транслировать свою ментальную идентичность, формируя тем самым представление о территориальных особенностях в процессе геопространственного позиционирования. Таким образом, геокультурная компонента выступает мощным инструментом по созданию собственной геоэкономики, т. е.

способности участвовать в формировании и распределении мирового дохода, на основе образования внутренних геоэкономических регионов. При этом каждый из этих регионов имеет специфические геокультурные особенности, влияющие на их позиционирование и становление институтов развития.

Особую значимость в процессах внутренней регионализации и формировании геоэкономических регионов имеет также геополитика в своей прикладной (структурной) ипостаси. Геополитика в своем классическом понимании чаще всего рассматривается как фундаментальное понятие теории международных отношений, раскрывающее и характеризующее место и формы воздействия территориально-пространственных особенностей положения государств или их блоков на процессы, протекающие на локальном, региональном, континентальном и глобальном уровнях [123]. Однако трансформация глобальной экономикополитической системы, активизация процессов интернационализации и регионализации хозяйственной сферы выводят геополитику за рамки ранее очерченного предметного поля. В частности с помощью геополитического инструментария осуществляются попытки объяснить закономерности общественно-политических и, что важно, хозяйственных процессов, протекающих как в регионах, так и в территориальных общественных системах более высокого иерархического уровня: макрорегионах, странах, международных региональных образованиях. Геополитику, вышедшую на практическое предметное поле, называют прикладной или структурной геополитикой (по Г.Н. Нурышеву).

Новый взгляд на геополитику сделал возможным вычленение геополитических регионов внутри стран, что концептуально отличает его от устоявшегося представления, согласно которому геополитические регионы состоят из стран «территориально и акваториально близлежащих, с исторически сложившимися, устойчивыми политическими, военными, конфессиональными и этническими связями» [123, с. 233]. Таким образом, геополитика наряду с методологическим инструментарием из арсенала государственного управления и регулирования все шире используется для выработки стратегий регионального развития, учитывающей особенности национального политического пространства.

Колоссальная территория России, ее исторический бэкграунд обусловили необходимость применения особой внутренней геополитической модели для контроля над пространством. В современных условиях, когда мир пережил геополитическую революцию, изменившую политическую картину мира, значимость внутренней геополитики только возросла [123]. Однако рассматривать внутреннюю геополитику и внутреннюю геоэкономику в отрыве друг от друга было бы неправильно, поскольку трансформация социального и экономического пространства вызвала в отдельных регионах геополитическую самоидентификацию.

Поскольку в условиях усиления глобализационных процессов границы между внешней и внутренней политикой становятся все более неочевидными, то на повестку дня выходит задача сохранения и укрепления целостности внутреннего геополитического пространства в рамках обеспечения национальной безопасности. Следовательно, геополитическая стратегия развития регионов России должна включать в себя вопросы обеспечения контроля как над геогра-

фическим пространством как таковым, так и над пространством потоков (по М. Кастельсу) [201]. Контроль над географическим пространством подразумевает сохранение национального суверенитета на всей без исключения территории страны. Под пространством потоков понимается сложная система обмена капиталом, властью, информацией, функционирующая между странами и регионами в мировом геопространстве. Такой обмен осуществляется с помощью средств коммуникации, транспортной инфраструктуры и каналов перемещения энергии.

Таким образом, основными задачами внутренней геополитики выступает сохранение контроля над геополитическим пространством России, тогда как задачи внутренней геоэкономики находятся в сфере обеспечения контроля над экономическими ресурсами. Указанная задача решается через увязку взаимных интересов регионов в горизонтальной («регион – регион») и вертикальной («регион – центр») системе связи. Поскольку границы между внутренней и внешней геополитикой и геоэкономикой становятся все более зыбкими, то все отчетливее наблюдается тенденция «перетекания» внутренней политики во внешнюю и наоборот [123]. Это в полной мере касается и внутренней экономической политики, которая, безусловно, имеет чрезвычайно тесные связи с мировым хозяйством, что способствует трансляции экономических сигналов как изнутри, так и извне.

Равнозначность, равноценность внутренней и внешней геополитики основывается на том, что первая связана с обеспечением внутривнутриполитической стабильности и ликвидацией внутренних угроз национальной безопасности, тогда как внешняя геополитика преследует цель укрепления международного положения государства, путем повышения степени интегрированности в систему международных организаций. Между внешним и внутренним направлениями геостратегии государства существует тесная взаимосвязь и взаимообусловленность. Так факторы внешнеполитической природы влияют на внутренние процессы, тогда как факторы внутреннего порядка влияют на положение страны на международной арене. Следует отметить, что основные внутривнутриполитические проблемы, связанные с противодействием этносепаратизму и сохранением территориальной целостности России, в целом решены, поэтому на первое место выходят вопросы устойчивого экономического развития регионов страны через реализацию внутренней геостратегии, или, точнее, внутренней геоэкономической стратегии.

Необходимость совершенствования внутренней геополитической стратегии России связана прежде всего с необходимостью решения задач неравномерности пространственного развития, начиная с высокой дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, тающий риск оттока большей части наделения из проблемных территорий (например, Сибири и Дальнего Востока), заканчивая проблемами неравномерности его размещения по территории страны. В частности можно отметить серьезные проблемы в социальной сфере (расслоение общества, деформация демографического и социального состава, снижение духовного потенциала), в сфере экологии, в частности отсутствие природосберегающих технологий и связанную с этим низкую экологическую культуру, в информационной сфере и т. п. [103] Отсюда можно сделать вывод о необходимости пересмотра государственной стратегии регио-

нального экономического развития, с целью перевода ее на геостратегическую платформу, учитывающей внешние и внутренние факторы геополитической и геокультурной природы.

Государство сегодня большое внимание уделяет вопросам политического контроля над регионами зачастую в ущерб их устойчивому экономическому развитию. Другими словами, государство недостаточно хорошо контролирует хозяйственные процессы, протекающие в регионах, вследствие слабого представления центральной бюрократии об особенностях тех или иных территорий, детерминирующих направления их социально-экономического развития, акцентируясь на их политической лояльности. Так, особенностями геопространства России являются неоднородность «большого пространства России», доминирование вертикальных связей над горизонтальными, неосвоенность стратегически важных территорий, очаговый характер освоенных и обжитых территорий [70].

Еще одним немаловажным аспектом устойчивого регионального развития в рамках геостратегического вектора является необходимость учета геоэкологических факторов. Экономический фактор регионального развития рассматривается с точки зрения повышения благосостояния населения (в пространственном аспекте речь идет о геоэкономическом факторе). Однако помимо этого жизненно необходимо сохранение такого фундаментального качества, как среда обитания человека, состояние которой прямо влияет на уровень и качество жизни.

В настоящее время нет четкого определения категории «геоэкология», а трактовки разных исследователей имеют существенные различия. Так, ряд специалистов определяют геоэкологию как скорее биологическую, нежели географическую науку, характеризуя ее как «раздел экологии, основанный на приложении экологических закономерностей к географическим процессам» [139, с. 594]. Другая часть исследователей полагают, что геоэкология – наука в чистом виде географическая, изучающая «необратимые процессы и явления в природной среде и биосфере, возникающие в результате интенсивного антропогенного воздействия, а также близкие и отдаленные во времени последствия этих воздействий» [113, с. 6].

В самом общем виде геоэкология представляет собой науку о пространственной организации природных систем в естественных условиях, а также их сохранение в условиях активного антропогенного воздействия [150]. То есть объектом исследования геоэкологии выступает окружающая среда, как сложная система взаимодействующих природных и техногенных факторов и условий, влияющих на антропо- и биосферу. Геоэкология получила признание в связи с обострением проблем негативного воздействия техногенных факторов на окружающую среду, а также в связи с необходимостью решения задач по прогнозу и оценке ее состояния для жизнедеятельности людей. В рамках геоэкологии человек рассматривается, с одной стороны, как источник загрязнения природы, с другой стороны, жертвой им самим же изменяемой окружающей среды. Человечеству угрожает не скорое исчерпание природных ресурсов, а необратимое ухудшение качества окружающей среды вследствие влияния техносферы [150].

Как известно, природным объектам присуща иерархическая многоярусность. Между ярусами существуют вещественные, энергетические и другие

связи, нарушение которых влечет нестабильность биосферы и нарушения жизнеобеспечения человека. Поэтому геоэкология имеет локальный, региональный и глобальный уровни и изучает пространственно-временные отношения и взаимосвязи человека и его деятельности с окружающей действительностью. Использование инструментария геоэкологии, а именно методологической функции, позволяющей применять сопряженный анализ взаимодействия геоэкологических образований, прогностической функции, дающей возможность предупреждать противоречия между разнокачественными составляющими геоэкологического пространства и организационно-управленческой функции, обеспечивающей благоприятные условия жизнедеятельности человека, позволяет проводить всесторонний учет факторов при формировании геопространственных социально-экономических систем (геоэкономических регионов) [143].

Особенно остро вопрос геоэкологизации развития видится в условиях углубляющейся глобализации, поскольку требуется разработка такого варианта развития человечества, который не разрушал бы окружающую среду в планетарном масштабе. В таком аспекте геоэкологические подходы, учитываемые при развитии хозяйства, в целом не противоречат принципам устойчивого развития. Ухудшение состояния окружающей среды есть результат совокупного взаимосвязанного давления трех основных факторов, а именно населения, технологического «давления» и потребления. Поэтому в регулировании каждого компонента перечисленной триады «возможен путь к установлению взаимосвязи и достижению компромисса между потреблением природных ресурсов, населением, производством и воздействием на окружающую среду» [143, с. 37]. Таким образом, принципиальной выглядит необходимость изучения с позиций геоэкологии процессов глобализации и регионализации в их хозяйственном и ресурспользовательском аспектах.

В рамках реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития большое значение имеют задачи повышения качества жизни человека. Однако эта задача труднодостижима в условиях ухудшения экологической обстановки и нарушения естественного баланса окружающей среды. Отсюда следует, что государственная стратегия регионального развития, основанная на принципах устойчивого безопасного развития, должна учитывать наряду с факторами внешне- и внутривнутриполитического характера, геокультурной и геоэкономической составляющей, также факторы сохранения экологического равновесия, т. е. в пространственном аспекте – геоэкологические факторы.

Геоэкономическое районирование решает задачи формирования внутренней (национальной) геоэкономики и имеет целью повышение эффективности взаимодействия с мировым хозяйством через позиционирование на глобальном геоэкономическом атласе. Учет геокультурных, геоэкологических и геополитических компонент при формировании внутренней геоэкономики России в ее региональном аспекте (через формирование геоэкономических регионов) позволит гармонизировать функционирование хозяйственных комплексов, приведя в соответствие с принципами устойчивого развития.

3.2. Геоэкономические регионы современной России. Байкальский регион как концепт геоэкономического региона инфраструктурного типа

Экономика регионов сегодня проходит этап адаптации к изменяющимся условиям как на национальном, так и на глобальном уровне. Интеграция экономики России в мировое хозяйство носит преимущественно анклавный характер, ввиду включения в этот процесс ограниченного круга производств, которые в свою очередь снабжаются средствами производства, выпущенными за рубежом. Причиной тому служит значительный уровень дезинтеграции народнохозяйственного комплекса страны как в межотраслевом, так и в пространственном (межрегиональном) аспектах, не позволяющий эффективно участвовать в международных интеграционных процессах. Исключением служит лишь сфера добычи и транспортировки углеводородов, существующая лишь как нефтегазовый придаток ЕС и стран АТР. Все это выводит на первое место вопрос реинтеграции национального хозяйства страны и ее регионов, в том числе в отраслевом аспекте [142]. Для решения этой задачи следует уделить внимание вопросам совершенствования механизма управления региональными социально-экономическими системами с целью их перевода в русло устойчивого интеграционного развития.

Как показывает мировая практика, наиболее успешно адаптируются к условиям усиления глобального взаимодействия те страны, которые сумели выстроить тесно взаимосвязанную внутреннюю хозяйственную систему, обеспечивающую оптимальное, в конкретных условиях места и времени, ресурсопользование.

Участие в современной мировой хозяйственной системе осуществляется отдельными субъектами – экономическими агентами, объединениями субъектов хозяйствования, отдельными регионами как квазикорпорациями или группами регионов, имеющими определенные геоэкономические преимущества (транспортно-коммуникационный, производственный, инновационный и т. п. потенциалы), а также отдельными странами [128].

Как уже было отмечено, слабость экономики России в глобальном аспекте кроется в крайней степени хозяйственной дезинтеграции, ставшей следствием негативных процессов постперестроечного периода, когда ранее существовавшие формы региональной и хозяйственной интеграции были де-факто ликвидированы, а новые формы пространственного взаимодействия так и не сформировались.

Так, например, наиболее ярким и в то же время экономически эффективным примером разработки и реализации плана по строительству единого народнохозяйственного комплекса страны стал план ГОЭЛРО. Именно на его основе была преимущественно создана сетка экономических районов, охватившая всю территорию СССР и включившая территориальные хозяйственные комплексы в единое экономическое пространство. Такая пространственная конфигурация потребовала создания специальных институтов управления и регулирования, важнейшим из которых стал Госплан (Государственный комитет по планированию).

Поскольку перспективы создания геоэкономических регионов России весьма неочевидны, то сложившаяся ситуация диктует необходимость использования геоэкономических подходов к региональному развитию и, соответственно, применение геоэкономических принципов к управлению экономическими системами ныне существующих регионов.

Безусловно, центральное место в системе управления экономикой отведено государству. Оценивая роль и место государства в системе управления в сложившихся геоэкономических условиях, можно говорить о необходимости определения его места в новой системе геоэкономических координат. Необходимость такого определения связана с воздействием двух взаимосвязанных, но по сути разнонаправленных тенденций, во-первых, либерализации правовых и экономических механизмов, облегчающих доступ к территориальным ресурсам суверенных государств, во-вторых, глобализации мирового экономического пространства [156].

Государство как главный регулятор формирует такие внутренние правила игры (институты), которые, с одной стороны, должны обеспечивать его выживание, с другой стороны, отвечать современным вызовам, а именно не противодействовать сложившейся тенденции усиления глобального взаимодействия, а также способствовать извлечению выгод от такого развития событий. На этой основе целесообразней всего строить и методологическую конструкцию, определяющую и раскрывающую подходы к управлению пространственными экономическими системами разного уровня и иерархии, использующие геоэкономический подход. Поскольку региональные экономические системы находятся в иерархической зависимости от экономической системы более высокого порядка, то и по отношению к ним правомерно использование упомянутых подходов.

Одной из ключевых характеристик геоэкономического региона является способность эффективного использования и наращивания ресурсно-коммуникационного потенциала национального и международного значения. Такая характеристика не только не противоречит принципам и подходам устойчивого развития экономики, но и дополняет, обогащает их, привнося новое качество. Однако здесь кроются множество трудностей, связанных с излишней закрепощенностью действующей системы управления региональной экономикой, когда ее субъекты ориентированы на сохранение вертикальных (иерархических, властных) связей, в ущерб горизонтальным (межрегиональным, межсубъектным). Причина заключается не только в опасениях властей регионов утратить доверие федерального центра из-за сложившейся патерналистской системы иерархических взаимоотношений, но и в сохраняющейся до сих пор дезинтеграционной тенденции (в хозяйственном ее аспекте), заложенной еще в постсоветский период.

Системам управления территориальными хозяйственными комплексами в нынешнем их виде целесообразно привитие некоторых геоэкономических подходов и принципов функционирования. Это обеспечит условия для их эволюции в территориальные системы геоэкономического типа, ориентированного на взаимодействие (внутреннее и внешнее) в геоэкономическом пространстве. В современ-

ных условиях геоэкономический подход к управлению экономикой предусматривает создание геоэкономических регионов, как программно-проектных территориальных структур, в равной степени ориентированных на развитие внутристрановых и международных хозяйственных, культурных и геоэкологических связей.

Такая ориентация обуславливает необходимость формирования не только пространственных (геоэкономических) структур, но и специальных институтов развития и управления, а также специфических подходов к их управлению. Если исходить из принципа поэтапной трансформации системы регионального управления, при переходе ее в геоэкономическое русло развития, то начальной стадией процесса станет географическое выделение геоэкономических регионов страны. Прототипами геоэкономических регионов России, участвующих в глобальной воспроизводственной системе, чьи хозяйственные субъекты принимают активное участие во внешнеэкономической деятельности, т. е. вовлечены в глобальные воспроизводственные процессы, являются:

1. Балтийский геоэкономический регион включает в себя северо-западные регионы России, в глобальном масштабе рассматривается как субрегион Северо-Западной Европы и является «экономически развитым звеном северного широтного геоэкономического пояса» [29]. Он представляет собой мощный энергетический «хаб», обеспечивающий движение энергетических потоков из России в страны ЕС. В Балтийском регионе Россия осуществляет свою национальную энергетическую политику, интегрируясь в мировое глобализованное пространство, через участие в региональной системе хозяйственных связей. К факторам геоэкономического характера, определяющим глобальное хозяйственное позиционирование Балтийского региона, а также к основаниям идентификации его как геоэкономического региона, можно отнести:

- высокоразвитый региональный (международный) рынок углеводородов и электроэнергии;
- наличие месторождений углеводородов, уникальное географическое местоположение и присутствие в регионе крупнейших транснациональных корпораций;
- наличие крупных транспортных узлов, таких как международные порты Усть-Луг, Приморск, выступающих мощными центрами экономического роста;
- развитая транспортная инфраструктура (единая газотранспортная и нефтепроводная система) [95].

Эти и другие факторы обуславливают вовлечение территории в систему международных экономических связей стран Балтийского региона, что делает его одним из крупнейших территориальных субъектов России, участвующих в глобальных экономических отношениях.

Кроме того, Балтийскому региону отводится важная роль в реализации стратегии инновационного развития экономики России, поскольку «он расположен ближе всего к зарубежной технологически передовой Европе, а в силу геоэкономических, исторических и цивилизационных факторов, <...> наиболее подготовлен к интеграции в Европейское геоэкономическое пространство» [29].

2. Черноморско-Каспийский геоэкономический регион (регион «Юг России»). Он включает в себя практически все южные территории европейской России. На сегодняшний день нет единой точки зрения касательно пространственно-географической идентификации Черноморско-Каспийского геоэкономического региона. В частности, предлагается рассматривать Каспийский регион как самостоятельный геоэкономический регион, вне Черноморско-Каспийского макрорегиона.

Каспийский регион обладает значительными запасами углеводородов, запасами осетровых, а также имеет выгодное геополитическое положение: «этот регион находится на перекрестке перспективных межконтинентальных и межнациональных транспортных направлений и коммуникаций «восток – запад» и «север – юг», на подвижном стыке сфер господствующего влияния трех мировых религий – христианства, ислама и буддизма» [91, с. 86]. Однако к Каспийскому региону чаще всего применяются категории геополитики, ввиду наличия весьма сложной региональной политической архитектуры, с переплетением политико-экономических интересов не только стран этого региона, но и стран, географически удаленных, но все же рассматривающих его как зону защиты своих национальных интересов (США, Китай, страны ЕС).

Рассуждая о внутренней геоэкономике и геоэкономическом районировании территории России, то целесообразнее все же вести речь о Черноморско-Каспийском геоэкономическом регионе, – субъекте сложнейших международных политических и экономических отношений регионального и глобального масштаба. Черноморско-Каспийский регион стал в последнее время геоэкономическим центром, дающим контроль над транспортными «коридорами», энергетическими ресурсами региона и маршрутами их доставки странам Европы и Азии, что обусловило его развитие как глобализированного геоэкономического региона.

3. Уральский геоэкономический регион. Этот регион условно сегментируется на Большой Урал, Южный и Центральный (субрегионы). Э.Г. Кочетов характеризует эту территорию как группу «индустриальных агломераций, территориально сконцентрированных высокоспециализированных предприятий». При этом каждый из перечисленных субрегионов «уральского индустриального региона» (по Э.Г. Кочетову), обладает специфическим набором геоэкономических преимуществ: Средний Урал – богатыми природными ресурсами, развитым промышленным комплексом и тесным сотрудничеством с иностранными государствами; Южный Урал – развитым металлургическим и машиностроительным комплексом и развитой системой экономических связей со странами ОПЕК, АТР, ЕС и т. д. [29].

Особенностью Уральского геоэкономического региона является его «срединное» пространственное положение, из которого извлекается немало выгод. Так, А.И. Татаркин отмечает, что «такая пространственная характеристика, как расположение территории в середине или на периферии страны или континента, по-разному влияет на результаты ее функционирования» [166, с. 5]. Срединное пространственное положение региона дает возможность получать дополнительную геоэкономическую ренту. Таким образом, факторами становления

Уральского геоэкономического региона выступают его природно-ресурсный и промышленный потенциал, позволяющий выстраивать эффективные экономические отношения глобального характера, а также уникальное географическое положение.

4. Тихоокеанский геоэкономический регион. Данный регион представляет собой геоэкономический регион водно-биоресурсного типа. Особенностью региона является наличие больших, но малонаселенных географических пространств (территории Хабаровского, Камчатского и Приморского краев, Сахалинской и Магаданской областей). Геоэкономическим ядром региона является Тихий океан, богатый значительными, даже в глобальном масштабе, запасами водно-биологических ресурсов. Также к специфическим особенностям можно отнести географическую близость к динамично развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону, демонстрирующему наиболее высокие темпы экономического развития в мире. Функционирование единой системы управления, охватывающей все пространство Тихоокеанского геоэкономического региона, способствует «укреплению продовольственной безопасности страны, усилению государственного контроля в сфере использования и охраны водных и биологических ресурсов» [188, с. 71].

Внимания заслуживают и другие варианты размещения сетки геоэкономического районирования территории России, в основе которых лежит инфраструктурный признак. В этом случае регионы рассматриваются как программные (проблемные) территории инфраструктурного типа, призванные решать задачи комплексного социально-экономического развития и повышения уровня жизни населения [141]. Отталкиваясь от указанного признака, целесообразно выделить следующих геоэкономических регионов России.

1. Геоэкономический регион БАМ – Транссиб, призванный обеспечивать интересы России на азиатско-тихоокеанском направлении, и в направлении развития интеграции экономики России со странами Центральной и Восточной Азии и сопредельными с ними странами и регионами. Выделение данной территориальной геоэкономической структуры обусловлено его пространственно-географическим положением, как транспортного коридора и наличием энергетических ресурсов, дающих возможность участвовать в глобальной конкуренции. «С этой точки зрения было бы опрометчиво не воспользоваться географической рентой как одним из способов диверсификации экономики и создания устойчивого транзитного сообщения между Европой и Азией по территории России» [15, с. 44].

2. Приполярный геоэкономический регион, формирующийся на основе использования транзитной магистрали Северного морского пути (СМП) и освоения природных ресурсов (углеводородов и биоресурсов) Дальнего Севера. Формирование этой геоэкономической территориальной структуры призвано, в первую очередь, развивать интеграционные хозяйственные процессы стран Севера, таких как Россия, стран Скандинавского полуострова, США и Канады. Однако следует учитывать, что формирование Приполярного геоэкономического региона должно осуществляться не на базе освоения его природных ресур-

сов, превратив его таким образом в типичный регион ресурсного типа, а вокруг создаваемой глобализированной хозяйственной инфраструктуры.

3. Евро-Атлантический геоэкономический регион России, развивающий взаимодействие экономики страны со странами Европы и Ближним Востоком, путем развития транспортной инфраструктуры и использования промышленного потенциала. Учитывая масштаб региона, целесообразно выделение геоэкономических субрегионов, решающих задачи хозяйственного взаимодействия более локального характера. Так, в составе Евро-Атлантического региона можно вычленить Прикаспийский и Северо-Западный (Балтийский) геоэкономические субрегионы [141].

Кроме того, существуют еще и другие точки зрения, касательно вопроса геоэкономического районирования территории страны. Районирование, в основе которого лежат геоэкономические подходы, вполне целесообразно, однако, решая задачи экономического плана, оно недостаточно четко, по нашему мнению, артикулирует этно- и социокультурные аспекты, значимость которых в последнее время неуклонно растет.

Анализируя существующие подходы к районированию и основываясь на особенностях состава и структуры геоэкономического ядра региона, можно выделить геоэкономические регионы транспортного, энергетического, промышленно-производственного, агропромышленного, инновационного, финансового типов, а также регионы, сочетающие разные типы. Как уже было отмечено, в России в настоящее время де-факто существует ряд крупных геоэкономических регионов международного уровня. Однако наряду с ними в азиатской части страны можно выделить геоэкономический регион «Юг Сибири», функционирующий в зоне хозяйственного взаимодействия России со странами Средней Азии и Китая и Байкальский геоэкономический регион, как важная транзитная территория и мощный энергетический узел мирового значения. Выделение данных территориальных структур связано с тем, что интеграционные процессы в регионах восточной части России, ввиду своей территориальной удаленности от Центральной России, продвигаются в сторону развития внешнего (экспортно-импортного) взаимодействия, а внутренне сотрудничество имеет выраженный «просибирский» характер [172].

Экономический потенциал Восточной Сибири, частью которого выступает Байкальский регион, чаще всего рассматривается сквозь призму развития энергогенерирующих мощностей и нефтегазового комплекса. Для реализации этого направления уже функционирует магистральный нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», осуществляется строительство газотранспортной системы «Сила Сибири», которая соединит Иркутский и Якутский центры газодобычи (Ковыктинское и Чаяндинское месторождение соответственно) для транспортировки газа через Хабаровск во Владивосток и дальнейшего экспорта в страны АТР, прежде всего Китай. Кроме того, заключено долгосрочное соглашение о поставках электроэнергии в Китай сроком до 2036 г., согласно которому Россия обязуется поставить порядка 100 млрд кВт·ч, в том числе за счет энергогенерирующих мощностей, находящихся на территории Байкальского региона (Ангарский каскад). Одностороннее выделение и культивирование ис-

ключительно сырьевого, добывающего направления развития территории (при игнорировании иных направлений) сопряжено с определенными рисками, связанными с изменчивостью и динамическим характером развития подобного рода региональных хозяйств, их зависимостью от мировой конъюнктуры, низким уровнем диверсификации, а также высокой степенью волатильности их региональных социоэкономических систем [163].

С точки зрения пространственного положения, в контексте занимаемого места в экономическом пространстве страны и географического положения, Байкальский регион однозначно следует отнести к периферийным регионам. Однако это, на наш взгляд, не совсем точно описывает объективное положение, поскольку, учитывая природно-ресурсный и человеческий потенциал, Байкальский регион можно охарактеризовать как срединный, территориально расположенный в середине территории страны, в середине континента, части света, или иного более крупного, по сравнению с данным регионом, пространства [166]. По отношению к Байкальскому региону присущ определенный дуализм в оценках его пространственного положения: с одной стороны – это периферия социокультурного и экономического пространства страны, а с другой – регион представляет собой локальный хозяйственный и культурный центр и имеет потенциал не только для эффективной интеграции в экономические системы Центральной и Восточной Азии, но и потенциал для закрепления в ядре региональных международных геоэкономических структур.

Байкальский регион располагается на территории, по которой проложены важнейшие трансконтинентальные энергетические и транспортные коммуникации, а также выстраиваются междивизиационные контакты. Также регион характеризуется наличием значительных запасов питьевой воды, что дает основание говорить о нем как о геоэкономическом регионе водоресурсного типа. Это достаточно крупная территориальная структура, включающая в себя административно-территориальные субъекты Российской Федерации (Иркутскую область, Бурятию), а также к ней могут быть отнесены некоторые территории Забайкальского края и Республики Монголия (по водосборной системе Байкала, а также по исторически сложившемуся геокультурному пространству). Байкальский регион потенциально «может стать мировой модельной территорией для отработки методологии и механизмов устойчивого развития», для чего целесообразно более широкое применение геоэкономических подходов в формировании институциональной среды [162, с. 107].

Географическое расположение Байкальского региона, в период становления хозяйственного комплекса, превратило его в мощный транспортно-коммуникационный узел, место пересечения торговых путей и задавало долговременный тренд социально-экономического развития. Кроме того, местоположение региона способствовало формированию специфических территориальных социокультурных особенностей и менталитета населения.

Фактически хозяйственное освоение региона началось в XVII в. с момента закладки острогов Иркутской области – Илимского, Братского, Нижнеудин-

ского, Балаганского, Иркутского и др.; Бурятии – Верхнеангарского, Баргузинского, Еравнинского, Верхнеудинского.

Экономическое развитие региона первоначально распространялось вдоль основных водных путей Лене, Илим и Ангаре. Однако после прокладки сначала сухопутного тракта, а затем Великой Сибирской железнодорожной магистрали (Транссиба), центры экономического роста сместились к ним, оставив старые транспортные коридоры и центры хозяйственной жизни не востребованными, что сдвинуло крупные в прошлом очаги колонизации на периферии территории.

Именно транспортная составляющая региона обусловила основные тенденции его экономического развития и сформировала ядро преобладающего стереотипа общественного и экономического поведения населения. Так в Иркутской губернии в отличие, например, от Енисейской, одним из основных видов хозяйственной деятельности стала торговля. Она стала основным драйвером развития региона. Именно купечество формировало доминирующий уклад и облик территории в дореволюционный период, его хозяйственный ландшафт.

Интенсивное развитие торговли, начиная с середины XVII в., объясняется удобным местоположением региона на пересечении торговых путей, когда грузопоток проходил по его территории с запада на восток (вплоть до принадлежавшей тогда России Аляски) и на юг в Монголию и Китай и обратно. А особенности ландшафта Байкальского региона не допускали прокладки альтернативных транспортных коммуникаций, что делало его географическое местоположение геоэкономически еще более выгодным.

Утверждение в XVII в. Иркутска как административного центра обширной территории, распростершейся от Енисея до Тихого океана, сделало регион не только местом пересечения торговых путей, но и основным каналом движения капиталов при промысловом освоении восточных окраин России. Активное развитие земледелия и животноводства в этот период сформировало устойчивую продовольственную базу дальнейшей колонизации. Кроме того, высокими темпами развивались добывающие и обрабатывающие производства, например, угольная, солеварная, золотодобывающая, стекольная и др. Однако основным видом экономической деятельности долгое время оставалась торговля. В первой половине XIX в. на первом месте по числу купцов среди всех азиатских губерний России занимала именно Иркутская губерния, обгоняя такие экономически развитые регионы Сибири, как Тобольская, Енисейская, Томская губернии. К началу XX в. в Иркутске насчитывалось более тысячи купцов, что было значительно больше чем в других крупных городах Сибири.

Такое положение сохранялось вплоть до Октябрьской революции и гражданской войны, после которых практически все сибирское купечество, включая и иркутское, было либо ликвидировано, либо эмигрировало из страны. Утрата статуса крупнейшего регионального перекрестка торговых путей, безусловно, сказалась на уровне хозяйственного развития Байкальского региона, однако сохранились и получили дальнейшее развитие его транспортная и транзитная составляющие, как важнейшие системообразующие элементы геоэкономического пространства.

В период с 1920 по 1930 г. Байкальский регион, утратив свое значение в качестве торговых ворот на крайнем востоке России, стал развиваться преимущественно как аграрная территория. Политика нэпа, давшая значительную экономическую свободу, а также способствовавшая развитию кооперации, позволила за достаточно короткое время достичь, а то и превзойти дореволюционные производственные показатели сельского хозяйства. Выросли валовые сборы зерна, поголовье КРС и овец превысили показатель в 600 тыс. голов, а поголовье свиней вплотную приблизилось к 300 тыс. Наблюдалось изменение структуры зернового клина, выраженное снижением удельного веса озимой и яровой ржи в пользу яровой пшеницы. Однако коллективизация 1928 г. подломила позитивную тенденцию, заложенную в годы нэпа, отбросив показатели отрасли ниже дореволюционного уровня, который вновь был достигнут лишь к 1970 г.

Принципиально новый этап социально-экономического развития Байкальского региона начался в 1950-х гг., давший предпосылки для наращивания его геоэкономического потенциала за счет формирования машиностроительной, энергетической и добывающей отраслей. В это время началось стремительное превращение преимущественно аграрного региона в мощный промышленный центр. В целях обеспечения электроэнергией предприятий цветной металлургии, нефтепереработки, завода по обогащению урана и целого ряда других энергоемких производств, в регионе был сформирован мощный электро-энергетический комплекс, включающий в себя помимо теплоэлектростанций, ангарский каскад гидроэлектростанций. Именно тогда сформировался знакомый сегодня хозяйственный ландшафт региона.

Это вывело регион на качественно новый уровень экономического развития, превратило его в один из крупнейших центров промышленного развития востока СССР. Сублимация ресурсного потенциала Байкальского региона и интеграция его промышленного комплекса в национальную и глобальную экономическую системы значительно повысили роль региона на мировом уровне. Транссиб и БАМ имел выходы на железные дороги Монголии и Китая; электроэнергия, вырабатываемая на электростанциях ангарского каскада, поставлялась не только в другие регионы СССР, в частности в промышленные районы Урала и Красноярского края, но и за рубеж; активно развивалась инфраструктура по добыче углеводородов для их дальнейшего экспорта и т. д.

Со временем геоэкономический потенциал Байкальского региона только усилился. Во-первых, после прокладки Байкало-Амурской магистрали, возрос его транспортный и транзитный потенциал. Зона «БАМ – Транссиб» может рассматриваться как геоэкономический регион, решающий задачи «реализации общенациональной программы реконструкции и развития национальной экономики на основе совокупности конкурентных преимуществ естественного и экономического порядка» [142, с. 141]. Однако не целесообразно рассматривать геоэкономический потенциал региона лишь сквозь призму развития какого-то ограниченного числа видов экономической деятельности. Потенциал Байкальского геоэкономического региона не ограничен развитием лишь перечисленных выше видов деятельности. Регион способен решать и другие не менее важные

задачи, могущие способствовать повышению региональной и национальной конкурентоспособности на глобальном уровне. Сюда можно отнести развитие сферы угольной электроэнергетики, использование водоресурсного потенциала, производство экологически чистой органической сельскохозяйственной продукции, развитие производства овечьей шерсти, развитие взаимодействия с Монголией в сфере производства ядерного топлива и др.

Байкальскому региону как концепту геоэкономического региона локального, национального и международного масштабов, присущи следующие качественные свойства, способствующие его закреплению в ядре мир-системы:

1. Электроэнергетический комплекс Байкальского региона. Регион имеет значительный потенциал развития электроэнергетики благодаря постоянному росту потребности как внутри страны, так и за его пределами, в первую очередь в Монголии и Китае. Известно, что в Монголии интенсивно развивается весьма энергоемкая горнодобывающая промышленность, испытывающая перманентный энергетический дефицит. Для решения этой проблемы разрабатываются проекты строительства малых гидроэлектростанций на притоках р. Селенги. Однако этому препятствует не только жесткая позиция России, но и международных экологических организаций, поскольку высок риск нарушения гидрологического баланса региона и нанесения ущерба объекту мирового наследия – озеру Байкал. Рост экспорта вырабатываемой в Байкальском регионе электроэнергии растущей монгольской промышленности факт объективный, несмотря на попытки монгольской стороны снизить уровень энергозависимости путем развития ветроэнергетики и имеющиеся проекты развития мирного атома. Кроме того, Монголия рассматривается как транзитная территория для поставок электроэнергии в Китай.

Однако расширение прямого экспорта электроэнергии требует развития соответствующей международной инфраструктуры экономического обоснования и политического согласования в связи с чем, целесообразно развитие проектов, связанных с развитием косвенного экспорта. Сюда можно отнести экспортируемую продукцию с высокой долей электроэнергии в структуре себестоимости, например, алюминий¹. На территории Байкальского региона расположены крупные алюминиевые заводы – Иркутский и Братский.

Также интерес представляют проекты строительства на территории региона современных дата-центров², характеризующихся в настоящее время весьма высокой энергоемкостью. В Иркутской области уже прорабатывается возможность строительства дата-центра по инициативе российской компании En+ совместно с китайским производителем телекоммуникационного оборудования компанией Huawei [10]. Преимуществами этого проекта являются наличие необходимого объема электроэнергии по конкурентоспособным ценам и относительно холодный климат, позволяющий снизить издержки на охлаждение оборудования. Такой шаг позволит региону выйти на мировой рынок услуг по хранению и передачи цифровых данных, а формирование регионального телеком-

¹ Известно, что около 40 % себестоимости алюминия, составляет электроэнергия.

² Центр хранения и обработки цифровых данных.

муникационного кластера, включающего в себя несколько дата-центров, увеличит косвенный экспорт электроэнергии.

2. Водоресурсный потенциал. Байкальский регион обладает во многом уникальными, беспрецедентно большими запасами питьевой воды. Это дает стратегические преимущества в построении экономических отношений со странами региона, как потенциальному производителю и экспортеру пресной воды. Таким образом, водоресурсный потенциал Байкальского региона позволяет говорить о нем, как о глобализированном производителе питьевой воды [140]. Обладание этими ресурсами придает региону неоспоримые геоэкономические преимущества в условиях обострения проблем, связанных с нехваткой питьевой воды в мире. Однако для сохранения и реализации этого потенциала в будущем, уже сейчас необходима взвешенная национальная и региональная политика в сфере охраны водных ресурсов (включая трансграничные водные артерии). В Байкальском регионе такая политика должна включать:

- упорядочение лесозаготовок и ликвидация незаконных рубок, поскольку сокращение лесных массивов негативно влияет на формирование атмосферных фронтов и количество осадков;

- сохранение экологического баланса в регионе, путем минимизации негативного антропогенного влияния на природную среду, что позволит сохранить имеющиеся запасы чистой питьевой воды;

- заключение международных договоров по охране трансграничных водных ресурсов. Применительно к Байкальскому региону такие соглашения должны заключаться между Россией и Монголией по поводу охраны бассейна р. Селенги – основного притока Байкала. Для этого могут быть применены как политико-правовые, так и экономические инструменты.

Производной водоресурсного потенциала является потенциал в сфере производства продовольствия, поскольку общеизвестно, что недостаток пресной воды в будущем может стать мощным лимитирующим фактором развития мирового продовольственного комплекса [161]. «При сохранении сложившихся темпов прироста населения и масштабов использования невозполнимых ресурсов, запасы будут практически исчерпаны уже к 2050 г. (кроме каменного угля). Даже при переходе к высокотехнологичным производствам ни промышленность, ни сельское хозяйство не имеют перспектив долговременного устойчивого развития» [200, с. 12]. По нашему мнению, запасам пресной воды озера Байкал следует придать статус национальных, стратегических запасов России. Также имеет смысл использовать эти ресурсы в качестве обеспечения при эмиссии денежных средств и привлечения иностранных инвестиций. Концентрация в Байкальском регионе пятой части мировых запасов поверхностных пресных вод, а также географическое положение, дает основания идентифицировать его как транснациональный, геоэкономический регион ресурсного, точнее, водоресурсного типа, со всеми вытекающими из этого статуса геоэкономическими преимуществами.

Для полноценной реализации регионами имеющегося геоэкономического потенциала выраженной устойчивым экономическим ростом, необходимы все-

сторонний учет геоэкономических факторов (внешних и внутренних), а также формирование адекватной системы управления, объектом которой должен стать организационно-экономический механизм региона.

3.3. Основы формирования институтов развития внутренних геоэкономических регионов инфраструктурного типа

Регионы сегодня играют все более значимую роль в развитии государства. Регион как общественный феномен представляет собой социально-экономическую систему, характеризующуюся «наличием элементов (подсистем), которые действуют как единый организм в силу производственного, экономического и природно-географического единства, а также социальной целостности, основанной на сочетании интересов населения региона (индивидов и общества в целом), власти, бизнеса и интересов страны, а противоречивость взаимодействия элементов системы выступает как внутренний источник ее развития» [80, с. 162]. При этом особое место, в силу своей специфики, занимают регионы так называемого ресурсного (ресурсно-ориентированного) типа.

Институциональные аспекты развития регионов ресурсного типа имеют актуальность, так как в их число входит большая часть территории Сибири и Дальнего Востока. Поскольку регион можно определить как систему, состоящую «из множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность под воздействием системообразующего фактора», то ресурсы, которыми он обладает, детерминируют направление и интенсивность регионального экономического развития. При этом ресурсы связаны между собой ключевой инфраструктурой, активирующей остальные инфраструктуры, в единый комплекс [152, с. 51].

Хозяйственный комплекс Байкальского региона, относящегося к регионам ресурсного типа, требует трансформации существующих и формирования новых институциональных конструкций, учитывающих особенности его развития в дореволюционный, советский и постсоветский периоды истории. Первым этапом выработки стратегии развития Байкальского геоэкономического региона выступает его однозначная пространственная идентификация и территориальное вычленение на основе определенной группы устойчивых признаков, с целью демонстрации гомогенности его географического, социального, экономического и культурного пространства.

Большая часть российских регионов (равно как и Байкальский регион) относятся к регионам так называемого ресурсного типа. Все это в условиях реализации либерального институционального проекта, принципами которого стали «либерализация, приватизация и финансовая стабилизация на основе жесткой монетарной и фискальной политики», вынуждены были развиваться в рамках экспортно-ориентированного мейнстрима, что, в конечном счете, привело к возникновению целого комплекса проблем [97, с. 94]. Но наиболее серьезной проблемой стало возникновение типа региональной хозяйственной модели «анклавной двойственной экономики» (по Дж. Стиглицу), при которой образовались анклавы богатства, представленные крупными экспортными произ-

водствами и связанным с ними узким кругом предпринимательских структур. При этом анклавы практически не оказывают влияния на модернизацию экономики страны и самих регионов, являя собой лишь источник финансирования разного рода бюджетных программ [97].

Также можно отметить, что доминирующей спецификой ресурсно-ориентированных регионов России стало формирование очагового типа развития промышленного комплекса, основанного преимущественно на добыче и переработке природных ресурсов, с целью их дальнейшего экспорта [38]. К специфическим особенностям таких регионов можно отнести развитый топливно-энергетического комплекс, на который приходится значительный удельный вес в структуре ВРП и, как следствие, тесную увязку экономического роста с развитостью сырьевых отраслей [186].

Если рассматривать регион ресурсного типа сквозь призму геоэкономики, то можно отметить наличие ярко выраженного, экономического центра (ядра) с входящими в него экспортоориентированными добывающей промышленностью и перерабатывающими производствами, и относительно неразвитую, преимущественно аграрную, со значительно более низким уровнем социально-экономического развития, периферию (по А.Г. Гранбергу). Причем уровень развития производств, не входящих в экономическое ядро в регионах подобного типа со сформировавшейся анклавной экономикой, слабо коррелирует с успешностью развития производств экономического ядра. Экономические субъекты, включенные в региональное экономическое ядро, как правило, достаточно хорошо интегрированы в мировое экономическое пространство, в то время как субъекты экономической периферии не только не вовлечены в глобальные хозяйственные процессы, но могут и вовсе не иметь тесных экономических взаимосвязей даже в пределах российского экономического пространства.

Пространственную структуру регионов Восточной Сибири, в том числе Байкальского региона, в равной степени можно отнести к очаговому и рассеянному типу, когда одновременно имеет место значительная удаленность от крупных транспортных коридоров и промышленных центров (обширные слабо-заселенные территории севера и востока Байкальского региона); агломерационно-узловому типу, когда территории имеют развитую, локально размещенную промышленность (территории, расположенные вдоль Транссиба, крупные города и промышленные центры, такие как Иркутск, Братск, Усть-Илимск, Ангарск и др.) и слаборазвитую периферию [186].

В связи с этим на повестку дня выходит вопрос оценки качества экономического пространства, эффективности инфраструктурной и институциональной составляющими регионального развития.

Существует точка зрения, согласно которой экономическое пространство региона можно охарактеризовать как некачественное, если в структуре ВРП наибольший удельный вес занимают добывающие и обрабатывающие производства [2]. На рис. 1 представлена динамика удельного веса добычи по-

лезных ископаемых и обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости Иркутской области¹.

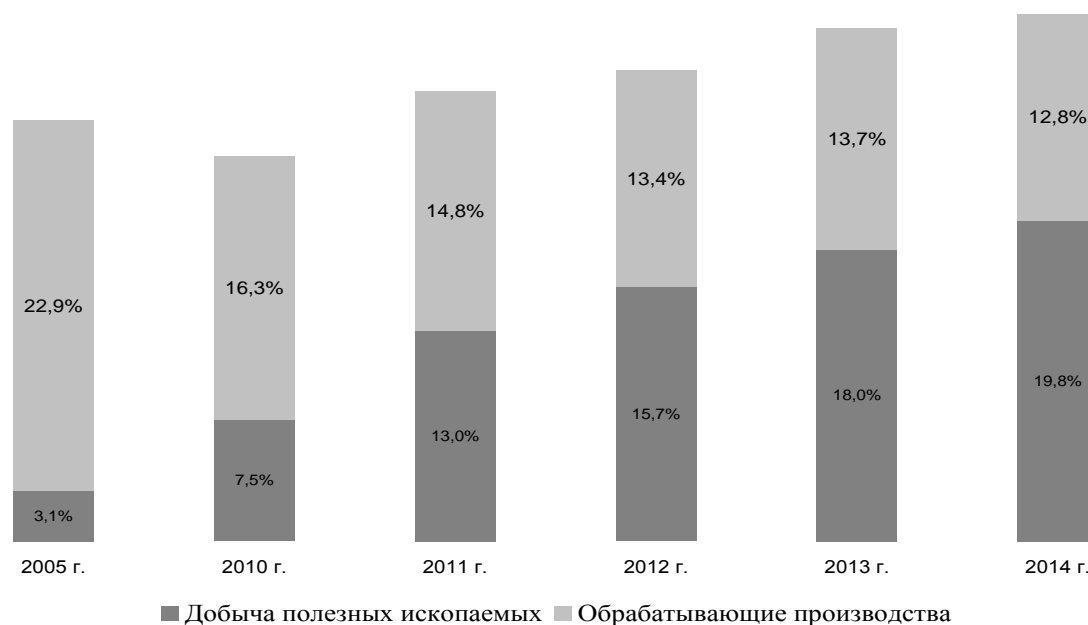

Рис. 1. Доля валовой добавленной стоимости Иркутской области, приходящаяся на добычу полезных ископаемых и обрабатывающие производства

Данные, представленные на рис. 1, демонстрируют снижение доли обрабатывающих производств с одновременным увеличением удельного веса добычи полезных ископаемых. Это свидетельствует об отставании темпов роста физического объема производства продукции перерабатывающей промышленности относительно добычи полезных ископаемых, что подтверждается сопоставлением динамики изменения индексов физического объема рассматриваемых видов экономической деятельности. Так, среднегодовой относительный прирост физического объема добычи полезных ископаемых за изучаемый период составил 19,1 %, в то время как аналогичный показатель перерабатывающих производств – лишь 2,3 %.

Несколько иными значениями характеризуется экономическое пространство восточного ареала Байкальского региона, расположенного на территории Республики Бурятия. Совокупная доля в структуре добавленной стоимости региона, приходящаяся на добычу полезных ископаемых и обрабатывающие производства, не превышает 23 %. При этом в отличие от Иркутской области, приоритет в структуре имеют обрабатывающие производства (рис. 2).

¹ Территория Иркутской области представляет собой наиболее промышленно развитую часть Байкальского региона.

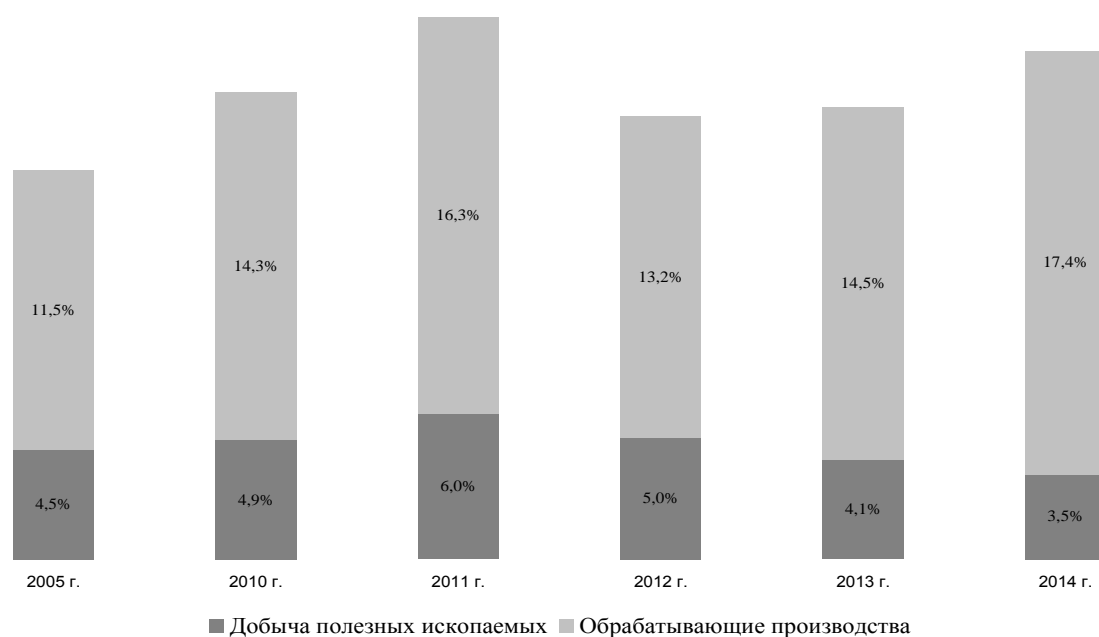

Рис. 2. Доля валовой добавленной стоимости Республики Бурятия, приходящаяся на добычу полезных ископаемых и обрабатывающие производства

Специфика функционирования крупных территориальных образований, таких как Байкальский регион, в значительной степени зависит от пространственного фактора. В частности, центральное или периферийное расположение региона в глобальном и национальном экономическом пространстве во многом определяет направление и тенденцию развития его социально-экономической системы. Существует мнение, согласно которому «... "прелести" периферийности постоянно испытывают на себе регионы Российского Севера, Дальнего Востока и Юга. Из-за негативных условий их расположения требуется применять целый комплекс мер для обеспечения хотя бы минимальной конкурентоспособности экономики и привлекательности территорий для жизни людей» [166, с. 5].

Периферийное положение Байкальского региона повлияло на его народнохозяйственную специализацию в период становления экономики СССР и обусловило степень вовлеченности его хозяйства в систему национальных экономических связей. Последующий их разрыв негативно отразился на развитии региональной экономики в период дезинтеграции и деструкции единого народнохозяйственного комплекса СССР. Кардинальная смена условий обусловила запуск процесса повторной хозяйственной самоидентификации и геоэкономического позиционирования регионов как хозяйственных субъектов, в национальном и международном масштабах. Возникла необходимость в модернизации имеющейся институциональной инфраструктуры, а также в создании новых институтов устойчивого регионального развития.

Поскольку согласно институциональному направлению экономической теории, регион можно рассматривать как самостоятельного участника конкурентных отношений, то это позволяет говорить о нем как о квазигосударстве или квазифирме, что подразумевает наличие эффективных механизмов межре-

гиональной конкуренции, способных реализовать его потенциал как самостоятельной хозяйственной единицы. Однако в действительности, учитывая сложившийся уровень хозяйственной самостоятельности, регионы не могут в полной мере участвовать в глобальных воспроизводственных процессах, как полноценные участники конкурентных отношений. В связи с этим можно отметить наличие «... "институциональной ловушки", которая состоит в том, что созданные на федеральном поле правила игры позволяют губернаторам решать в какой-то мере текущие проблемы и не позволяют реализоваться провозглашаемым политиками задачам повышения конкурентоспособности регионов» [60, с. 59]. Если говорить о регионе как о квазикорпорации, т. е. как о полноценном участнике хозяйственного процесса, развивающегося на национальном и мировом уровнях, то неизбежно возникает вопрос оценки региональной конкурентоспособности, что требует анализа действующих институтов инновационного регионального развития. К числу последних можно отнести особые экономические зоны и «внутренние оффшоры», региональные институты развития (агентства и корпорации развития региона, гарантийные и венчурные фонды и др.), социально-предпринимательские корпорации, научно-технологические парки и др. [60]. Следует отметить, что стратегия развития региона как квазикорпорации требует разработки основных этапов институциональной реструктуризации, «учитывающей возможности постепенного перехода от адаптивных к инновационным стратегиям развития» [142, с. 33].

Сама категория «конкурентоспособность региона» со стороны научного сообщества оценивается достаточно неоднозначно, ввиду наличия множества точек зрения на необходимость или ненужность ее определения. Так, Н.Я. Калюжнова в рамках концепции конкурентной парадигмы рассматривает регион как субъект хозяйствования и конкуренции, в контексте развития процессов глобализации и регионализации, что делает необходимым проведение максимально полного анализа его конкурентоспособности [60]. В то же время существует не менее обоснованная точка зрения, согласно которой межрегиональная конкуренция не нужна или даже вредна, поскольку влечет за собой переток экономических ресурсов из одного региона в другой, более конкурентоспособный. Это стимулирует дальнейшую деградацию регионов со слабым конкурентным потенциалом, а на национальном уровне усиливает неравномерность социально-экономического развития территорий. Однако формирование региональных институтов, способствующих повышению экономического потенциала региона, остается задачей, безусловно, актуальной, но не в контексте активизации внутристранового конкурентного взаимодействия, а в контексте участия в глобальной конкуренции. Такая постановка вопроса полностью устраняет выявленные противоречия.

Как известно, институты регионального развития включают в себя институты макро-, мезо-, микро- и наноуровня. Если институты микроуровня включают в себя, например, корпоративную составляющую, то институты наноуровня – samozанятость населения. Кроме регионального уровня, институты делятся по типу правил, например, формальные институты координации и рас-

пределения издержек и выгод, и неформальные институты кооперации и идентификации «свой – чужой». Также можно выделить институты функционирования и институты развития, имеющие место на каждом уровне экономики [60]. Приведенная классификация позволяет детализировать отдельные институциональные компоненты и на их основе выработать подходы для формирования оптимальной конфигурации институциональной среды региона в контексте его участия в глобальной «геоэкономической игре». Очевидно, что позиционирование региона в глобальной геоэкономике в сравнении с национальным уровнем, предъявляет региональным институтам функционирования и развития требования иного, более высокого порядка.

Сегодня внутренние геоэкономические регионы формируются в равной степени под влиянием географических и природно-климатических факторов (факторов по природе своей стихийных), а также в результате целенаправленного воздействия со стороны государства в рамках решения задач локального характера и общегосударственной стратегии устойчивого развития. То есть геоэкономические районы могут возникать и исчезать в зависимости от целей и задач, стоящих перед государством, а их границы могут изменяться, т. е. сокращаться, расширяться или перемещаться.

Системообразующими составляющими внутренних геопространственных структур чаще всего выступают различного рода коммуникационные структуры, такие как транспортные, энергетические, торговые и т. п. Например, вышеупомянутый геоэкономический регион БАМ – Транссиб возник вокруг железнодорожной магистрали, т. е. представляет собой структуру искусственную, связанную с соответствующей системообразующей инфраструктурой. Это вполне соответствует исторически сложившемуся в России типу территориальной экспансии, известного как «континентализм». Более того, исторически, география расширения границ российского государства соответствовала развитию торговых путей, а именно водных и сухопутных.

Однако развитие геоэкономических регионов не замыкается лишь на формировании развитой транспортной инфраструктуры. Значительное влияние на процессы становления оказывали и оказывают институты совершенствования природопользования и ресурсосбережения, включая повышение уровня автономности. Это соответствует принципу повышения самообеспеченности и саморазвития крупных территориальных хозяйственных и социальных систем, что особенно актуально для регионов ресурсного типа, испытывающих серьезное антропогенное воздействие на свою экосистему.

Применительно ресурсным регионам, в целях их превращения в регионы инфраструктурного типа, необходимо использование специальных методологических подходов, способствующих формированию и развитию институтов устойчивого регионального развития. К их числу можно отнести институт мегапроектов.

Мегапроект представляет собой системный комплекс взаимосвязанных проектов, как правило, межотраслевого уровня, реализуемый на большой территории и имеющий общегосударственное значение. Значимость мегапроектов в последнее время существенно возросла ввиду необходимости повышения

конкурентоспособности отраслевых и межотраслевых комплексов, и связанных с ними территориальных хозяйственных структур. То есть в отличие от реализуемых ранее масштабных национальных проектов общегосударственного значения, таких как ГОЭЛРО, индустриализация, интенсификация сельского хозяйства и т. п., носивших выраженный интроверсный характер, мегапроекты сегодняшнего дня имеют выраженную ориентацию на глобальное взаимодействие. В условиях сохранения тенденции либерализации международных экономических отношений, сопровождаемых усилением взаимосвязи между политикой и экономикой, организация и продвижение мегапроектов общегосударственного значения «предполагает геополитические, макроэкономические, социально-экономические цели устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности РФ» [132, с. 15].

В настоящее время можно выделить следующие специфические особенности мегапроектов как объектов стратегического планирования:

- зависимость содержания от геополитических факторов и ситуаций;
- неопределенность условий внешней и институциональной среды;
- наличие организационно-экономических и инновационных рисков проектов;
- состязательность интересов отраслей и регионов за государственную поддержку и привлечение проектов на территорию;
- высокая дифференциация инфраструктурной обеспеченности регионов [132, с. 15–16].

Таким образом, мегапроект потенциально может играть роль важного системообразующего института регионального развития, способствующего формированию межотраслевых хозяйственных комплексов на внушительной территории (мегапроекты как правило не ограничены рамками административно-территориальных границ и охватывают сразу несколько субъектов РФ).

Мегапроекты развиваются либо в рамках геоэкономического региона, либо выходят за его границы, способствуя формированию территориальной социокультурной и производственной инфраструктуры. Кроме того, мегапроект может охватывать сразу несколько геоэкономических регионов, а в определенных случаях и территории сопредельных государств, оказавшихся в зоне экономического влияния. Следует отметить, что мегапроектами могут считаться «только те проекты, которые меняют экономический ландшафт затрагиваемого осуществлением планируемых преобразований хозяйственного пространства, причем в заданном стратегическом направлении» [108, с. 15].

Мегапроекты способствуют укреплению межотраслевых связей и формированию единого национального и регионального хозяйственного комплекса, что усиливает конкурентные позиции экономики страны на мировом рынке и развивает трансграничное сотрудничество. Последнее делает возможным включение в орбиту экономических интересов государства хозяйственных комплексов и экономических агентов, находящихся на сопредельной территории. Также важным аспектом реализации мегапроектов, особенно для развития регионов ресурсного типа, является ослабление негативного эффекта периферийности тер-

риторий. Если исходить из концепции центрo-периферийного пространственного развития (Дж. Фридман, Ф. Бродель, Э. Валлерстайн), согласно которой экономические центры разного уровня способствуют одностороннему передвижению ресурсов (финансовых, человеческих и природных) из периферии к ядру, то мегапроекты могут выступать в качестве рестриктора, препятствующего их неэффективному, одностороннему «перетоку».

Однако, учитывая сложившуюся за последние полтора десятка лет патерналистскую практику взаимоотношений между центром и регионами, возникает вопрос заинтересованности первого в реализации такого сценария, а именно в частичной смене русла и направления «перетока» ресурсов. Российский опыт реализации крупных межотраслевых проектов, построенных «на вертикальных организационных схемах взаимодействия субъектов хозяйствования – соглашения между компаниями и государством, как правило, опосредованы решением властных структур и имеют рекомендательный характер вместо юридически оформленных контрактов», требует скорейшего пересмотра [132, с. 17]. Более того, организационно-функциональная структура органов государственной власти не предусматривает наличия специального института, осуществляющего планирование взаимодействия мегапроектов и бизнеса на этапе их разработки.

Значимым моментом в вопросах формирования и реализации мегапроектов является переход финансирования на платформу государственно-частного партнерства. Однако основной недостаток такой системы софинансирования проектов так и не был до конца искоренен, и связан он с отсутствием согласованности во времени потребностей в инвестиционных ресурсах и реальными объемами инвестирования как компаниями, так и государством [132, с. 17]. Мировой опыт в сфере реализации мегапроектов показывает, что ключевую координирующую функцию в вопросах взаимодействия власти и бизнеса исполняют специальные государственные институты, выполняющие целеполагание (определение целей и задач проекта) и возлагающие на себя организационные вопросы (отбор участников мегапроектов).

Изучая процессы формирования и становления внутренних геоэкономических регионов через реализацию мегапроектов, становится более рельефным представление о регионах, как о программно-проектных территориальных структурах проблемного типа, поскольку сам мегапроект полностью вписывается в стратегию развития национального хозяйства, являя собой его структурный, решающий задачи общегосударственного значения посредством регионов, компонент.

В связи с изменением глобальной геоэкономической среды национальные мегапроекты обрели новое качество, а именно способность обеспечить доступ субъектов-резидентов на глобальные рынки. В этом смысле мегапроекты компенсируют конкурентное давление со стороны транснациональных корпораций и других международных инвесторов, которые также заинтересованы в успешной реализации продвигаемых ими проектов.

Применительно к Байкальскому региону, на наш взгляд, целесообразнее использовать категорию «геоэкономический», потому что системообразующими

ми мегапроектами в свое время стали Сибирский тракт, Транссибирская железнодорожная магистраль, электрогенерирующие мощности в бассейне р. Ангары, Байкало-Амурская магистраль, Братско-Илимский ТПК (территориально-производственный комплекс). Учитывая мощный природно-ресурсный потенциал региона, масштабным мегапроектом стратегического значения, помимо развития топливно-энергетического комплекса, может стать развитие водоресурсного потенциала, носящего выраженный межотраслевой характер и связывающим вопросы устойчивого развития электроэнергетики, туризма и сельского хозяйства. Наличие гигантских запасов пресной воды может стать в будущем заметным конкурентным преимуществом и инструментом глобального геоэкономического противостояния.

Учеными ИЭиОПП СО РАН в качестве площадки для реализации масштабной программы устойчивого развития макрорегиона Сибирь (в границах СФО), выделен мегапроект «Юг – Восток», включающий в себя территории республик Тыва и Бурятия, а также Иркутской области и Забайкальского края. Кроме того, выделены мегапроекты по комплексному развитию и других территорий СФО, в частности «Юг – Запад» и «Север – Арктическая зона» [82]. Каждый из предложенных проектов имеет свои цели и задачи, свой организационно-экономический механизм реализации. Объединяет же их необходимость в создании специального института по координации государственно-частного взаимодействия на всех этапах их разработки и реализации.

Реализация мегапроекта на периферии экономического пространства страны означает если не первичное хозяйственное освоение ресурсной территории, то перезапуск всего хозяйственного механизма, после его остановки в кризисные годы. Реализация мегапроектов является свидетельством появления новых экономических возможностей для крупномасштабного экономического развития (в том числе регионального) и фактором его интенсификации. Это особенно важно в современных геополитических условиях, когда «внимание к таким территориям усиливается в связи с новой геополитической реальностью, когда обостряются международные противоречия, связанные, в том числе и с неравномерностью глобального расселения и распределения природных ресурсов» [164, с. 534].

Еще одним аспектом устойчивого развития геоэкономического региона является инновационная модернизация экономики, осуществляемая посредством принятия и реализации соответствующих программ. Игнорирование этих пунктов может девальвировать экономический эффект от реализации даже самых успешных проектов развития. Следовательно, одним из институтов, обеспечивающих устойчивое и безопасное развитие региона, должен стать институт рационального ресурсопользования, целью функционирования которого является сохранение природной среды для будущих поколений и повышение уровня автотрофности территориальных социально-экономических систем.

Под автотрофностью, в широком смысле, понимается способность человека, как части биосферы, повышать свою независимость от других форм жизни. Однако для этого, согласно В.И. Вернадскому, необходима эволюция биосферы в ноосферу (вторую природу), т. е. в такое состояние биосферы, при которой

главная роль отводится человеческому разуму. Следовательно, «...создание нового автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений...» [133, с. 223]. Однако наибольший интерес вызывают не столько вопросы способности человека существовать независимо от природы (что, естественно, в физиологическом смысле невозможно), сколько вопросы повышения ресурсной независимости социальных и хозяйственных систем, а также их способности функционировать в замкнутых производственных циклах, подразумевающих переработку и потребление собственных отходов.

Под хозяйственной автотрофностью чаще всего понимают «использование возобновляемых источников энергии, замкнутые циклы производства, последовательное развитие и использование технологий, обеспечивающих процесс промышленного и сельскохозяйственного воспроизводства (связанных с ними инвестициями и потреблением) без ущерба окружающей среде и при сохранении биоразнообразия» [108, с. 117]. Гармонизация взаимодействия хозяйств и природной среды, в связи с постоянно нарастающим антропогенным давлением, становится все более актуальной проблемой, имеющей планетарный, региональный (межстрановой), национальный и локальный аспекты.

Деструктивные процессы в биосфере земли, вызванные хозяйственной деятельностью человека, который сам когда-то вышел из природной среды и до сих пор остается ее частью, поднимают вопросы соблюдения особой экологической этики и экологической эффективности хозяйственной деятельности. Можно отметить, что «...при подобном порядке ценностей экологическая этика и экологическая эффективность становятся системообразующими принципами экономики нового типа» [108, с. 117]. Концепция экологической эффективности хозяйственной деятельности человека предполагает рост экологического потребления индивидуума, без ущерба благосостоянию другого. Экологический императив в вопросах организации хозяйственной жизни может лечь в основу модернизации принципов безопасного развития, т. е. способствовать формированию новых подходов к вопросам обеспечения экологической безопасности. Таким образом, повышение экологической эффективности, точнее, экологическая полезность потребления «есть ситуация отсутствия систематического рыночного риска в социально ориентированной экономике» [108, с. 118]. Основным ценностным ориентиром, параметром эффективности в хозяйственной системе «экологической экономики», выступает экология, а центральное место в парадигме создания и функционирования экологически эффективного хозяйства, занимают автотрофно-экологические инвестиции и потребление [108].

Автотрофно-экологический подход к функционированию социально-экономических систем, в том числе территориальных, как один из подходов к проблеме устойчивого развития, в настоящее время достаточно трудно реализуем в глобальном масштабе (поскольку требует политической воли и множества межгосударственных согласований). Однако отдельные подходы имеют перспективы для более широкого распространения в региональных хозяйственных системах в рамках внутренних геоэкономических регионов. Поскольку

структура последних представляет собой сложную взаимосвязь социальной, технической и природной сфер, то вопрос формирования локальной автотрофно ориентированной хозяйственной системы требует более подробного изучения.

Региональная социально-экономическая система, в широком смысле представляет собой триаду «природа–хозяйство–население», т. е. антропоэко-систему, которая может быть представлена как взаимодействие формирующих ее факторов: природа, население, культура, религия, социально-экономическое положение, хозяйство и т. п., т. е. то, что отсутствует в природных экосистемах. Порождением такой системы являются: демографическое поведение людей, уровень здоровья, экологическое сознание, профессиональное предпочтение и уровень образования. Разомкнутость биогеохимических циклов, влекущая за собой накопление отходов, неизбежно приводит к качественным изменениям компонентов окружающей среды, а именно те компоненты, которые в природной среде считаются возобновляемыми, в антропоэкоэcosysteme переходят в категорию невозобновляемых (атмосферный воздух, пресная вода, почва). Отсюда напрашивается вывод о необходимости если не прекращения, то минимизации антропогенного воздействия на экосистемы разных уровней: микро-, мезо-, макро- и мегаэкосистемы. Достижение такого состояния антропоэкоэcosystemами возможно только в случае обеспечения технической автотрофности в сочетании с территориальным совмещением сельских и городских антропоэкоэcosystem в единую систему с замкнутым круговоротом веществ [31]. При существующем технологическом укладе, формирование абсолютно замкнутых региональных систем практически невозможно. Однако необходимость продвижения в этом направлении неоспорима, и должна обеспечиваться четко выстроенной последовательностью формирования соответствующих институтов автотрофно-экологического развития.

К мероприятиям по повышению уровня автотрофности регионального хозяйства, а также минимизации негативного антропогенного воздействия на природную среду, с учетом географических и ландшафтных особенностей Байкальского региона, можно отнести:

- развитие альтернативной энергетики (возобновляемые источники энергии, как-то солнечная и ветровая), в том числе малых локальных гидроэлектростанций (микроГЭС);
- постепенная переориентация аграрного хозяйства региона на выпуск органической сельскохозяйственной продукции, что продиктовано наличием соответствующих природно-ресурсных условий, а также изменением конъюнктуры мирового рынка продовольствия;
- создание благоприятных условий для развития мощностей по вторичной переработке отходов (производственных и бытовых) и их безопасной для природной среды утилизации, как компонента стратегии по замыканию кругооборота веществ в рамках территориальной антропоэкоэcosystemы;
- создание на территории региона новой формы сельских поселений, известных в мировой практике, как «экопоселения», существующих в рамках концепции «зеленой экономики».

Близкой по своему содержанию категории «хозяйственная автотрофность» в региональном хозяйственном аспекте является категория «самодостаточность», т. е. способность к самообеспечению, включающая в себя элементы регионального экономического протекционизма, осуществляемого в рамках действующих в стране экономико-правовых норм.

Известно, что понятие «регион» базируется на таких фундаментальных категориях, как целостность, интегральность и самодостаточность [191]. Таким образом, атрибут «самодостаточность», рассматриваемый в различных ее дефинициях, составляет основу функционирования региона, как сложного общественного феномена, выступая его неотъемлемой характеристикой.

Наличие такого атрибута свидетельствует об обладании внутренними регионами России (как административно-территориальными образованиями и неформальными территориальными, в том числе геоэкономическими, структурами) свойством независимости. Однако автономия воли в принятии решений весьма условна. Она зависит от формального (республика, край или область) и неформального (наличие политического лобби, уровень взаимоотношений между руководителями регионов, с одной стороны, и ключевыми фигурами федерального уровня, с другой стороны) статуса региона. В связи с этим можно отметить, что «...регионы России при исполнении своих внутренних функций обладают свойством независимости от внешних воздействий, за исключением одного или нескольких «избранных» системой направлений для осуществления органических связей с другими регионами, центром и остальным миром» [191, с. 98].

Экономическая и политическая автономия регионов современной России весьма условна и имеет множество оговорок, поскольку относительно Федерации, регионы являются образованиями вторичными, обладающими ограниченными возможностями при осуществлении своей деятельности. Однако в экономической плоскости отрицание атрибута независимости регионов может свести на нет все попытки проведения эффективной региональной политики, поскольку сами регионы не имеют пространства для маневра в принятии прежде всего хозяйственных решений. Регионы имеют потенциальную возможность вести относительно самостоятельную экономическую политику в рамках единой государственной стратегии, выстраивая систему взаимодействия с федеральным центром (вертикальные связи), с другими регионами (горизонтальные связи) и с внешним миром (международные связи).

В существующей территориальной и организационно-структурной конфигурации регионы как хозяйственные единицы не отвечают современным требованиям ни по внутренней хозяйственной структуре, ни по институциональной инфраструктуре. Являясь продуктом предыдущей эпохи, регионы «заточены» на решение задач внутреннего политического и хозяйственного устройства, оказались не готовы к новой геополитической и геоэкономической реальности. Сохранив множество хозяйственных элементов-реликтов, регионы, в большинстве своем, не имеют потенциала устойчивого развития, прежде всего, ввиду отсутствия способности эффективно встраиваться в существенно видоизмененную систему мирохозяйственных связей.

Именно поэтому в основу регионального развития на современном этапе должны лечь концептуальные подходы, генетически произошедшие от концепта геоэкономического. Другими словами, концепт геоэкономический в региональном развитии есть вклад в развитие национальной экономики. Именно геоэкономические регионы России в современных условиях обладают наилучшими возможностями для развития международного сотрудничества, выступая в роли самостоятельного субъекта-квазикорпорации. Такое позиционирование геоэкономических регионов выводит вопросы их хозяйственного саморегулирования, самообеспеченности и автотрофности на качественно новый уровень, не ограниченный устаревшими лекалами.

Деферент в сторону выстраивания регионами механизмов повышения самообеспеченности, усиленных элементами хозяйственной автономии, был вызван, в том числе процессами глобализации, активизировавшими регионализацию, как способ сохранения региональной идентичности в мире, где национальные границы становятся все более зыбкими, прозрачными. Более того, регионам отводится также важная роль в обеспечении национальной безопасности, когда «регионы государств выступают в качестве «буферной зоны» – выполняют функцию защиты общественных отношений от негативных вызовов и угроз глобализационных процессов» [149, с. 93]. Таким образом, необходимость повышения уровня самообеспеченности регионов, как адаптационного механизма в меняющейся экономико-политической среде, становится все более очевидной, однако требующей соответствующего институционального оформления как на уровне региона, так и на общегосударственном уровне в рамках национальной стратегии регионального развития.

Основными компонентами развития институтов самообеспеченности, саморегулирования и автотрофности регионов в контексте обеспечения их устойчивого и безопасного развития, на фоне трансформации мирового геоэкономического пространства, могут выступать:

1. Совершенствование федерального и регионального законодательства, в части снижения чрезмерной зарегулированности процессов хозяйственного взаимодействия регионов как в вопросах развития межрегионального и международного сотрудничества, так и в вопросах взаимоотношений с федеральным центром. Кроме того, дальнейшее становление и развитие институтов правового регулирования регионального развития в сторону либерализации отношений, в большей мере будет соответствовать принципам федеративного государственного устройства.

2. Совершенствование региональной инфраструктуры. Данный институциональный аспект устойчивого регионального развития затрагивает такие вопросы, как развитие транспортной инфраструктуры, совершенствование комплекса региональных структур, обеспечивающих инновационное развитие (бизнес-инкубаторы, технопарки, инновационно-технологические центры и т. п.), и развитие других, в том числе социальных инфраструктур. Ценность инновационного развития экономики, фундаментом которого выступает регио-

нальная и национальная инновационные инфраструктуры, становится в современных условиях критически важной.

3. Совершенствование механизма сохранения и использования потенциала региона: социального, экологического, экономического. Следует особо отметить то, что под экологическим потенциалом территории понимают потенциал природно-ресурсный, данный самой природой, пригодный для использования в настоящем и будущем. Формирование механизма сохранения и рационализации использования природно-ресурсного потенциала региона, а также их адекватная оценка, является главной составляющей устойчивого развития. Более того, наличие в регионе природных ресурсов, востребованных со стороны народно-хозяйственного комплекса страны, а также мирового рынка, способствует его скорейшей интеграции в национальное и мировое экономическое пространство, что в свою очередь дает возможность эффективно реализовать заложенный геоэкономический потенциал.

4. Совершенствование перераспределительного механизма фискальной системы для увеличения доли налоговых поступлений в региональный и муниципальный бюджеты, получаемых от предприятий малого и среднего бизнеса. Только в этом случае органы власти субъектов федерации и местные органы власти будут заинтересованы во всестороннем содействии развитию регионального предпринимательства, а институты экономического развития получат дополнительную поддержку.

3.4. Концептуальные подходы к формированию Байкальского геоэкономического региона

Формирование геоэкономических регионов России в современных условиях обусловлено необходимостью эффективного включения российской экономики и региональных экономических систем в мировое хозяйство, сопровождающегося расширением весьма ограниченного круга экспортоориентированных производств. Именно формирование территориальных геоэкономических структур может способствовать интеграции (реинтеграции) народнохозяйственного комплекса России и даст возможность «участвовать в глобальных интеграционных процессах в эффективном качестве (кроме нефтегазового придатка ЕС), а также в должном объеме промышленной продукции (на рынки стран АТР) [142, с. 131]. Если формирование единого национального народнохозяйственного комплекса, все элементы которого будут связаны друг с другом устойчивой системой экономических взаимосвязей, в ближайшей перспективе цель труднодостижимая, то формирование территориальных хозяйственных структур в рамках геоэкономических регионов может стать той переходной стадией, которая позволит поэтапно продвинуться в заданном направлении.

Однако ряд нерешенных проблем экономического и внутривластного характера препятствуют более активному развитию этих процессов. К экономическому блоку проблем, с которыми сталкиваются регионы Сибири в целом, и Байкальский регион в частности, следует отнести:

– низкую инновационную активность (за некоторым исключением) подавляющей части обрабатывающих производств, а также производств, связанных с производством и распределением электроэнергии, сельского хозяйства и лесного комплекса. Так, по данным официальной статистики, доля хозяйствующих субъектов, осуществлявших технологические и организационные инновации административно-территориальных субъектов Байкальского региона, а именно Иркутской области и Бурятии, составила по данным за 2014 г. лишь 6,4 и 8,5 % соответственно, что заметно ниже как среднего значения по СФО (8,8 %), так и среднего значения по РФ (9,9 %). При этом следует отметить устойчивое снижение инновационной активности хозяйствующих субъектов в Иркутской области, которая сократилась с 9,2 до 6,4 % соответственно, тогда как в Бурятии пик активности был зафиксирован в 2011 г. (11,8 %), после чего сократился до 6,7 % в 2013 г.¹ Кроме того, следует констатировать низкую экономическую отдачу от затрат на технологические инновации. Так, например, в Иркутской области, по данным за период с 2006 по 2014 г., затраты на инновации в среднем возросли на 23,8 % или на 2148,6 млн р. ежегодно, в то время как объем инновационных товаров за тот же период возрос лишь на 25,8 % или 1182,2 млн р. Таким образом можно наблюдать практически двукратное превышение ежегодных объемов затрат на инновации над объемами полученных в результате инновационных товаров, работ, услуг²;

– низкий удельный вес предприятий малого и среднего бизнеса в структуре производств, связанных с добывающей обрабатывающей промышленностью – экономическим ядром региона. На начало 2015 г. доля предприятий малого и среднего бизнеса в России по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» в общей численности всех предприятий составила 43 и 1,3 % соответственно, хотя эта доля существенно ниже в производствах, связанных с добычей топливно-энергетических полезных ископаемых. В таких видах экономической деятельности, как «обрабатывающие производства» и «сельское хозяйство», доля малых и средних предприятий на тот же момент времени составила соответственно 49,4 и 0,8 % и 31,8 и 1,5 %.

Более показательным считаем изучение удельного веса объемов оборота малых и средних предприятий в структуре совокупного оборота по изучаемым видам экономической деятельности. Так, в 2014 г. доля оборота малых и средних предприятий по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» соответственно составила 1,1 и 1,0 %; по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства» – 8,3 и 3,4 %; «сельское хозяйство» – 26,6 и 18,3 %.

Именно развитию малого и среднего предпринимательства уделено большое внимание в проекте Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г. В документе признается необходимость адресной поддержки развития высокопроизводительных неторговых отраслей, а также высокотехнологичных перспективных отраслей в рамках подго-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.

² Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.

товки экономики региона к качественному изменению структуры российской и мировой экономики к 2030 г.¹:

– регионы России в границах территорий субъектов Федерации имеют существенные различия по уровню своего развития (экономического, технического, ресурсного, инфраструктурного и др.), что может ограничить их возможности в реализации имеющегося потенциала, а также затруднить достижение приемлемого уровня конкурентоспособности. Выходом из этого положения может стать построение института межрегионального сотрудничества и межрегиональной консолидации экономик в рамках национального хозяйства. В качестве регионов-субъектов, для формирования системы устойчивых хозяйственных отношений, целесообразно брать территории, которые имеют набор общих, объединяющих их характеристик и признаков, таких как отраслевая специализация, этно-культурная общность, природно-климатические условия и ландшафт, географическое положение и т. п. За последние два десятка лет властями Иркутской области было заключено 15 соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с другими субъектами России, например, Амурской, Омской и Челябинской областями; Красноярским, Алтайским, Забайкальским и Краснодарским краями; Республиками Бурятия, Ингушетия, Саха (Якутия), Дагестан, Крым и Чеченской Республикой; городами Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Однако одна из главных проблем современной России, а именно дезинтеграция ее народнохозяйственного комплекса, так до конца не решена;

– высокий уровень монополизации экономики региона со стороны предприятий крупного бизнеса, что особенно четко наблюдается в сфере добычи полезных ископаемых и производства и распределения электроэнергии. Также следует отметить факт регистрации предприятий-монополистов не в регионах, где осуществляется основная хозяйственная деятельность, что влечет за собой недополучение регионами значительной части налоговых поступлений. Кроме того, имеет место ухудшение координированного взаимодействия между владельцами монопольного бизнеса и органами региональной и местной власти, в части решения задач устойчивого регионального развития.

В целях разработки стратегии формирования геоэкономических регионов, имеющих в настоящее время выраженную сырьевую направленность развития хозяйственного комплекса (что в полной мере относится к Байкальскому региону), требуется решение следующих задач:

– выработка методологических подходов к формированию геоэкономического региона на примере Байкальского региона, учитывающих специфические условия территории (отраслевая специализация, природно-ресурсный потенциал, климат, экология, этнокультурная составляющая и т. д.);

– поиск путей для перехода производства на ресурсосберегающие технологии в целях повышения автотрофности хозяйства региона (включая создание новых востребованных рынком производств полного цикла, выпускающих вы-

¹ Проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г. URL: <http://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/project2030/Рабочий%20проект%20стратегии%20v14-10.docx>.

сокотехнологичную продукцию, при этом не вызывающих дисбаланс в региональной социо-эколого-экономической системе);

- создание условий для поступательного развития в сторону увеличения доли продукции обрабатывающих производств и АПК в структуре регионального выпуска и сокращения удельного веса видов деятельности, связанных с добычей полезных ископаемых;

- проведение корректировки размещения различных производств в регионе, основываясь на инновационной и кадровой обеспеченности конкретной территории, а также имеющегося природно-ресурсного потенциала;

- формирование системы устойчивых хозяйственных связей между субъектами производственного бизнеса региона с одновременным вовлечением его в «поле» инновационного развития;

- обеспечение условий для смены «ресурсного» типа Байкальского региона на «инфраструктурный» тип.

Решение поставленных задач может быть обеспечено созданием необходимых условий для формирования единой в рамках геоэкономического региона хозяйственной, отраслевой и межотраслевой системы, охватывающей локальные производственные системы. Развитие единой хозяйственной системы должно осуществляться в рамках парадигмы устойчивого развития и не наносить ущерб природно-ресурсному и человеческому потенциалу территории.

Применительно к Байкальскому региону, функционирование производственной системы не должно наносить вред уникальной природной среде и главному природному объекту территории – озеру Байкал. Этим обуславливается необходимость и неизбежность вовлечения в хозяйственную систему Байкальского геоэкономического региона территорий сопредельной Монголии, на территории которой формируется более половины водосбора Байкала. Отнесение сопредельных территорий к Байкальскому геоэкономическому региону обусловлено необходимостью сохранения экосистемы, устойчивость которой может быть нарушена в результате ведения хозяйственной деятельности без учета геоэкологического единства территории.

К основным принципам, которым должен подчиняться процесс формирования и функционирования геоэкономического региона, находящегося не только на периферии географической, но и экономического пространства, роль которого в экономике страны, в настоящее время, по большей части, ограничена добычей и экспортом полезных ископаемых, можно отнести:

- системность функционирования хозяйственного комплекса геоэкономического региона;

- автотрофность функционирования регионального хозяйственного комплекса;

- рациональность природо- и ресурсопользования в ходе осуществления хозяйственной деятельности всеми субъектами производственной деятельности;

- оптимальность территориального размещения производства с учетом имеющейся ресурсной базы и экологической обстановки;

- отраслевая и межотраслевая комплексность хозяйственного развития геоэкономического региона;
- соблюдение экологического равновесия в процессе осуществления производственной деятельности;
- учет природно-климатических, географических, социально-демографических и этнокультурных особенностей территории при формировании хозяйственного комплекса.

Выраженная сырьевая направленность развития экономики Байкальского региона, свойственная большинству сибирских территорий, которая при сохранении сложившейся тенденции, имманентно ведет к отставанию от глобальных экономических лидеров. Причиной тому служат несовершенство организации производства и достигнутого им технологического уровня, а также неудовлетворительный уровень инновационной активности. При этом глобальные условия хозяйствования детерминируют направление развития территориальных хозяйственных систем страны в сторону формирования целостных производственных комплексов, представляющих собой единую хозяйственную (надрегиональную) систему. Развитие таких систем целесообразно осуществлять в пределах геоэкономического региона, ввиду наличия определенного единства его географического, геокультурного, и отчасти геополитического и геоэкологического пространства.

Процесс формирования Байкальского геоэкономического региона и его хозяйственной, производственной системы должен подчиняться следующим требованиям:

- эффективность управления территорией, основанного на планомерности и комплексности подходов;
- участие общественных институтов (институтов гражданского общества) в развитии хозяйственной системы геоэкономического региона, а также использование инструментов государственно-частного партнерства;
- стимулирование участия субъектов региональной экономики, включая нерезидентов, в создании отраслевых и межотраслевых производственных комплексов;
- необходимость поддержания высокого уровня экологической эффективности хозяйственной деятельности, что обусловлено уникальностью экосистемы региона.

Таким образом, в рамках концепции устойчивого регионального развития сибирских регионов ресурсного типа, к числу которых относится Байкальский регион, целесообразна разработка следующих направлений развития с учетом влияния факторов геоэкономической природы.

Во-первых, в контексте расширения автотрофности хозяйственной системы региона, снижения негативного антропогенного воздействия на природную среду и реализации экологической парадигмы развития и природно-ресурсного потенциала, необходимо:

1. В целях развития электроэнергетической системы региона, а также в целях повышения уровня энергообеспеченности субъектов хозяйствования и

населения, создать условия для более широкого использования возобновляемых источников энергии (альтернативной энергетики). Применительно к Байкальскому региону, особенно восточной его части, имеющей сравнительно невысокий уровень обеспеченности электроэнергией, конкретными мерами может стать использование энергии ветра и развитие локальных микроГЭС, включая электрогенерирующие мощности, использующие сточные воды. Эти меры могут выступать элементами управляемой децентрализации и развития конкуренции на региональном рынке производства и распределения электроэнергии.

2. Использование принципов и подходов, присущих для «зеленой экономики», минимизирующих негативное воздействие на естественную природную среду в процессе хозяйственной деятельности и способствующих достижению равновесия региональной антропоэкологоэкономической системы. Это прежде всего касается аграрной отрасли региона, в структуре которой целесообразно существенное увеличение доли производств, основанных на органическом сельском хозяйстве (животноводстве и растениеводстве). Кроме того, указанные подходы могут использоваться и при организации новых форм сельских поселений, более гармонично взаимодействующих с природной средой (родовые усадьбы и экопоселения).

3. Поскольку Байкальский регион характеризуется высокой концентрацией промышленного производства, а именно предприятиями цветной металлургии (Братский и Иркутский алюминиевые заводы), нефтехимическими и нефтеперерабатывающими производствами (АНХК – «Ангарская нефтехимическая компания»), кроме того, имеется предприятие по обогащению урана (АЭХК – «Ангарский электролизный химический комбинат») и другие производства, производственный процесс которых предусматривает получение отходов, способных нанести существенный вред окружающей среде. В связи с этим на повестку дня выходит необходимость решения задач по эффективной, экологически безопасной утилизации отходов производства и потребления, а также возможности их вторичной переработки. Целесообразно расширение производств, использующих легкоутилизируемые отходы, а также строительство мусоросжигательных заводов, одновременно использующих энергию горения для получения электроэнергии.

Во-вторых, для реализации инновационного потенциала региона целесообразно создание единой в рамках геоэкономического региона инновационной политики, охватывающей производственные комплексы основных отраслей экономики. Для реализации предложенных мер необходимо предпринять следующие шаги:

1. Перевод производств, связанных с добычей и первичной обработкой минерального сырья, имеющих в настоящее время относительно низкую наукоемкость, на более высокий технологический уровень. Помимо комплекса добывающих производств региона, необходимость в повышении уровня технологичности и наукоемкости, требует сфера лесозаготовки и лесопереработки с целью сокращения в структуре конечной продукции удельного веса непереработанной древесины.

2. Расширение производства прогрессивных, инновационных строительных материалов, приспособленных к климатическим условиям региона с максимально широким использованием местного сырья. Это позволит снизить уровень зависимости регионального строительного комплекса от внешних поставок.

3. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры региона (железнодорожного, автомобильного, воздушного и речного транспорта, а также логистических «хабов»), на основе инновационных подходов, преследующих цель реализации геоэкономического потенциала в части участия в глобальной конкурентной борьбы, путем расширения использования заложенного транзитного ресурса.

4. Переход на инновационный путь развития агропродовольственного комплекса региона, сочетающего как наиболее передовые индустриальные технологии производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия, так и технологии органического сельского хозяйства. Выбор направления должен быть непосредственно связан с имеющейся природно-ресурсной базой конкретной территории и с условиями окружающей среды. Сюда же следует отнести задачи совершенствования и оптимизации территориального размещения аграрного производства, также основываясь на исходных, базовых условиях окружающей среды. Так, например, развитие сельского хозяйства с элементами индустриального производства целесообразно в западной части Байкальского региона, на территории Иркутской области, где возможно достижение высокой энергообеспеченности производства и имеются значительные площади высокопродуктивных земель. Восточная часть региона более приспособлена для ведения экстенсивного животноводства мясного и шерстного направления.

Таким образом, Байкальский регион благодаря своему уникальному географическому положению, представляя собой естественную площадку, через которую, с одной стороны, осуществляется социальное, культурное и хозяйственное взаимодействие с государствами Центральной и Восточной Азии; с другой стороны, регион выступает форпостом, через который указанные страны распространяют свое экономическое влияние по территории России, вовлекая национальное хозяйство в мирохозяйственные связи.

Геоэкономическое положение Байкальского региона позволяет обоснованно утверждать о наличии уникальных преимуществ, делающих его местом не только пересечения транспортных, транзитных и иных каналов хозяйственного взаимодействия (национального и международного уровня), но и плацдармом инновационного развития, что предполагает наличие инновационного комплекса полного цикла, начиная с фундаментальных исследований и заканчивая прикладными разработками и конечной серийной продукцией. Это позволит национальной экономике России и региональным хозяйственным комплексам более эффективно интегрироваться в мировые воспроизводственные процессы и реализовать тем самым заложенный природно-ресурсный и человеческий потенциал.

3.5. Направления капитализации ресурсного потенциала Байкальского геоэкономического региона

Приступая к изучению вопроса формирования направлений развития геоэкономических регионов ресурсного типа и капитализации ресурсов, следует уделить внимание вопросам рентоориентированного поведения их субъектов хозяйствования. Рентоориентированное поведение оказало значительное влияние на формирование современной экономической системы России и задало долговременный тренд ее развития. В русле рентоориентированного поведения в последние два десятилетия формировалась и институциональная инфраструктура, в том числе региональная, поскольку институциональные факторы определяют основные направления развития экономики. Именно институты, под которыми понимаются «совокупность формализованных и неформализованных норм, правил, а также механизмы их реализации, с помощью которых структурируются и упрощаются отношения и взаимодействия между людьми и организациями», определяют основные «правила игры» [39, с. 38].

Рентоориентированное поведение предполагает прежде всего рентоискательство, а именно конкурентную борьбу за обладание ограниченными ресурсами, главным образом природными. Формирование в России в результате проводимых экономических трансформаций так называемой «рентной экономики» имеет массу негативных последствий, главной из которых стала ситуация, при которой эффективность и доходность бизнеса зависит не от наличия предпринимательских способностей и грамотного использования экономических механизмов, а от личных связей и близости к государственному аппарату [110]. Природно-ресурсный потенциал России формирует среду, в которой «более эффективными становятся институты присвоения природной ренты, а не институты создания добавленной стоимости. Если Россия не будет управлять своей институциональной средой, то она обречена на присваивающий характер хозяйствования» [194, с. 103]. Такая ситуация в сфере формирования и распределения ресурсной ренты в России в целом и сложилась. Более того, на этапе формирования национальной экономической системы, практически не нашла своего места дифференциальная рента, особенно в нефтегазовой сфере. Системные проблемы имеются и на этапе распределения ресурсной ренты, когда «конечными бенефициарами становятся лица, получающие административную ренту, которая частично размещается в консервативные инструменты, имеющие на западных рынках высокие инвестиционные рейтинги» [160, с. 246]. В связи с чем возникают сомнения, что эти накопления, представляющие собой значительную часть ресурсной ренты, хорошо защищены от экономических рисков и российской инфляции. Схожим образом сложилась ситуация и при использовании ренты, относящейся к ее инвестиционной части, поскольку «...та часть, которая инвестируется в развитие национальной экономики, используется для финансирования крупных проектов, чаще всего инфраструктурных, имеющих очень долгий и сомнительный срок окупаемости» [160].

Помимо природной ренты, имеет место феномен политической и административной ренты, являющихся следствием наличия административного ре-

сурса у отдельных субъектов хозяйствования и гипертрофированно большого значения, которое ему придается в хозяйственной жизни.

Вышеперечисленные проблемы рентоориентированного поведения субъектов хозяйствования в большей мере присущи сферам экономической деятельности, имеющим относительно малую добавленную стоимость продукции (металлургия, нефтегазовый сектор). Несколько иная ситуация сложилась в сфере аграрного производства, которому также свойственно использование специфического вида природной ренты, а именно земельной ренты. Как специфическая экономическая категория, земельная рента может рассматриваться с двух теоретических позиций: согласно первой, рента рассматривается как дополнительный доход, полученный землепользователем; согласно второй – рассматривается как цена, формирующаяся на земельном рынке в результате взаимодействия покупателей и продавцов ресурса [198]. Земельные рентные отношения можно охарактеризовать как «совокупность экономических, правовых и психологических отношений, устанавливающихся между участниками сделки по поводу выбора или формирования правил вовлечения земельных ресурсов в систему землепользования и определения величины земельной ренты» [198, с. 11]. Правила исчисления земельной ренты закономерно институционализируются, что в конечном счете формирует «рентный институт», характеризуемый как системная структура, основным назначением которой является получение рентного дохода [62].

Вопрос формирования эффективного института регионального землепользования достаточно продолжительное время не теряет своей актуальности. При этом аграрный аспект землепользования имеет наибольшее значение, поскольку сельское хозяйство является главным пользователем земельных ресурсов и решает задачи обеспечения продовольственной безопасности, как одного из базовых общественных благ. Становления института аграрного землепользования продолжается уже достаточно длительное время, испытывая при этом множество трансформаций.

Основным фактором, обуславливающим необходимость трансформации современной аграрной сферы России, является земельный вопрос, который остался до конца не решенным. «Аграрный вопрос существует там, где осознается несправедливость распределения земельных ресурсов. Там, где такое осознание отсутствует, – аграрного вопроса нет», – отмечает в своем докладе А. Медушевский [79, с. 81]. Относительно высокая интенсивность принятия нормативно-правовых актов, касающихся земельных отношений, все же не привели к достижению декларируемых целей. Не произошло заметного роста эффективности использования земли, не была переломлена негативная динамика процесса деградации сельскохозяйственных угодий, до сих пор не прекратилась тенденция по выводу сельхоз угодий из хозяйственного оборота, а также необоснованный перевод земель сельскохозяйственного назначения в другие категории. «В результате применения шоковых методов экономики, формального превращения обобществленных земель в частную собственность многие реальные земельные угодья стали выпадать из активного оборота» [20, с. 4].

«Создание в ходе реформы на гигантской земельной площади землевладений в форме мелких земельных долей является крупной ошибкой реформаторов», – отмечает В.П. Пашков [131, с. 182]. Владельцами долей стали практически все жители сельских населенных пунктов и даже те, кто никогда не был причастен к сельскому хозяйству. Лишь небольшая часть селян связали свою дальнейшую судьбу с крестьянским трудом, показывая при этом достаточно высокую экономическую эффективность. В приусадебных и фермерских семейных хозяйствах страны, располагающих 26 % посевных площадей, производится 55 % валовой продукции сельского хозяйства. Тогда как сельскохозяйственные организации, обладая 76 % посевных площадей, производят лишь 45 % продукции отрасли [20, с. 7]. «Подавляющее большинство сельских жителей, получивших землю в виде паев, до сих пор не «узаконили» ее в государственных органах, поэтому фактически не являются ее владельцами». Из общей численности собственников земельных долей порядка 12 млн чел., только 12 % зарегистрировали свои права на них [65, с. 23].

Описывая сложившуюся ситуацию в сфере оборота земель сельхозназначения, можно отметить, что «в связи со сложными экономическими обстоятельствами в 1990-е гг. в отрасли почти повсеместно длительное время не проводились землеустроительные работы, земельные участки не ставились на государственный кадастровый учет, соответственно регистрация права на них не осуществлялась» [47, с. 72]. Аграрная отрасль не получила дополнительно импульса для поступательного развития, ввиду невозможности дополнительно привлечь инвестиционные ресурсы под залог земельных угодий, по причине отсутствия устойчивой, эффективной системы оборота сельхозземель. Очевидно, что разработчики земельного законодательства стремились обезопасить угодья от перехода под контроль иностранных агентов, однако в этом стремлении заморозили реформы на этапе распределения земельных долей между селянами, большинство из которых не знали и не понимали, что с ними делать.

Внедрение системы земельных долей так и не достигло поставленной цели, о чем свидетельствует все увеличивающаяся площадь земель, не предоставленных в пользование и включенных в состав фонда перераспределения земель сельскохозяйственного назначения, доля которого в общей площади земель сельхозназначения превышает 12 %, а площадь 50 млн га. Увеличение фонда перераспределения земель демонстрирует невостребованность значительной части земель сельхозназначения. Данный факт в современных условиях уже вызывает непонимание со стороны государств, испытывающих острый дефицит в базовом аграрном ресурсе – земле, и переживающих трудности с обеспечением национальной продовольственной безопасности. Выделение земельных долей путем межевания привело к снижению эффективности производства, поскольку произошло физическое сокращение площадей сельскохозяйственных угодий, уменьшилась длина гона в продольном и поперечном направлении, увеличилась доля потерь на развороты и заезды техники при проведении работ. «Возникает двойственная проблема: с одной стороны, для полной реализации собственности земельные доли следует выделять в натуре, с другой – необхо-

димо создавать организационно-экономические условия для консолидации земельных участков» [118, с. 31, 32].

Неправомерное использование земельных долей различными субъектами также угрожает институту сельскохозяйственного землепользования. Земельные доли, принадлежащие гражданам, не оформлены в установленном порядке, их реальные пользователи также не утруждают себя оформлением договора аренды с собственниками, которые в большинстве случаев даже не знают, где находится их доля в натуре. Это позволяет практически бесплатно пользоваться угодьями, не заботясь об их состоянии и соблюдении агротехнических норм. Зачастую, особенно это касается восточных регионов России, собственники земельных долей фактически утрачивают всякую информацию о своей земле, меняют места жительства, а оставшиеся земельные доли либо остаются невостребованными, либо используются местными производителями без всякого правового оформления. При этом наличие бюрократических барьеров при оформлении прав собственности, значительные издержки, связанные с кадастровой оценкой и землеустроительными работами, а также налоговая нагрузка, тормозят процесс оформления права собственности на земельные пай, в результате чего крестьяне лишены возможности использовать землю как залоговый актив для привлечения инвестиций [51, с. 36].

Эти и другие негативные факторы, в комплексе отрицательно сказались на качественном состоянии сельскохозяйственных угодий. Значительная часть пахотных угодий, а это без малого 25,8 млн га, характеризуются низким содержанием гумуса, 7,6 млн га – низким содержанием калия, 995 тыс. га земель нарушено в результате ведения несельскохозяйственных видов деятельности. Для восстановления баланса гумуса в почве требуется ежегодно вносить не менее 650 млн т органических удобрений, поскольку его ежегодные потери на пахотных угодьях составляют 0,6–0,7 т/га. Порядка 230 млн га угодий подвержены водной и ветровой эрозии, из которых пашни – 84,8 млн га, пастбища – 28,7 млн га. Около 25 % кормовых угодий переувлажнены и заболочены, такая же доля угодий смыта и дефлирована, около 15 % засолено [65, с. 23]. Это лишь неполный перечень негативных явлений, имеющих место в сфере аграрного землепользования. Проблема усугубляется тем, что в результате прекращения работ по периодическому государственному обследованию земель, отсутствует полная и достоверная информация о состоянии земельных угодий и количестве неиспользуемых (заброшенных) земель.

Актуальной остается проблема количественного сохранения площадей сельскохозяйственных угодий, поскольку процесс их вывода из хозяйственного оборота уже продолжительное время вызывает тревогу.

С точки зрения использования земельных угодий, Байкальский регион в отличие от центральных и южных регионов России находится в специфических условиях. Территория Байкальского региона характеризуется относительно низким уровнем сельскохозяйственного освоения, вследствие сложных природно-климатических условий, неразвитостью транспортной инфраструктуры, усложняющей и удорожающей логистику движения производственных ресурсов и го-

товой продукции. Но в этом факте кроется и обратная, позитивная сторона, заключающаяся в наличии огромных неиспользуемых запасов земельных угодий, пригодных для сельского хозяйства. Учитывая современное состояние, тенденцию и уровень развития мировой агропродовольственной системы, земли Байкальского региона могут рассматриваться как стратегический запас, сохраняющий природно-ресурсный потенциал отрасли.

Агропродовольственный комплекс Восточной Сибири пространственно удален от наиболее густонаселенных районов России, от крупнейших сбытовых центров. Таким образом, обладая сравнительно низкой конкурентоспособностью, вынужден искать альтернативные пути развития. Земельные ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока России вызывают все большую заинтересованность со стороны крупнейших стран мира, прежде всего Китая. «Растущее население мира, увеличивающиеся доходы жителей развивающихся стран и набирающее популярность биотопливо выступают драйверами беспрецедентного роста спроса на сельскохозяйственную продукцию. В ближайшее десятилетие, и далее, снижение природно-ресурсного потенциала аграрной отрасли, урбанизация, изменения климата будут способствовать увеличению спроса на сельхозземли» [107, с. 77].

В России еще не оформилось, в том числе и на государственном уровне, понимание того, что сельскохозяйственные угодья – это объекты стратегического инвестирования. Во всем мире наблюдается быстрый рост объемов инвестиций, направленных на получение контроля над сельскохозяйственными угодьями стран «третьего мира». Россия уже включается в этот глобальный процесс, но не как инвестор. При этом мотивы инвесторов могут кардинально различаться. Негосударственные инвестиционные институты (чаще всего финансовые) стремятся найти долгосрочный объект инвестирования, для диверсификации своего инвестиционного портфеля. Государственные инвестиционные фонды стремятся снизить уровень угроз национальной продовольственной безопасности, путем увеличения производства продовольствия на подконтрольных земельных угодьях суверенных государств. То есть последние преследуют геоэкономические цели, основанные на контроле над важнейшими экономическими ресурсами.

Несмотря на правовые заслоны, призванные защитить российские сельхозугодья от перехода под иностранный контроль, нерезиденты создают различные схемы обхода, чаще всего путем создания дочерних компаний, учрежденных в России¹. Все это обуславливает наличие интереса к российским сельхозугодьям. В связи с этим государство вынуждено будет формировать институты, обеспечивающие наиболее экономически эффективное использование сельскохозяйственных угодий без ущерба их качеству и с учетом национальных интересов. Основной целью функционирования этих институтов станет создание благоприятного инвестиционного климата в сфере аграрного землепользования.

¹ Земельный кодекс Российской Федерации прямо запрещает иностранным физическим и юридическим лицам владеть землями сельскохозяйственного назначения. Кроме того, владельцами земли не могут быть российские компании, более половины акций которых принадлежит иностранцам.

Интеграционный потенциал геоэкономического региона может иметь отраслевой характер, т. е. интеграционное взаимодействие может развиваться в рамках одной или нескольких отраслевых комплексов. Так, например, реализации интеграционного потенциала Байкальского способствуют:

1. Ирригационный потенциал региона. Согласно данным FAO (Food and Agriculture Organization – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), ирригационный потенциал России составляет чуть менее 30 млн га угодий, что значительно превышает показатели других стран мира. Байкальский регион благодаря наличию значительных запасов как поверхностных, так и подземных вод обладает большими возможностями в проведении ирригационных мероприятий, с целью вывода его аграрного комплекса на качественно новый уровень. Резко континентальный климат Байкальского региона обуславливает наличие выраженной временной и пространственной неравномерности выпадения осадков. Следовательно, развитие ирригации может способствовать частичному нивелированию климатического фактора на процесс производства сельскохозяйственной продукции.

2. Развитие трансграничных интеграционных процессов в продовольственной сфере на основе кооперации и совершенствования территориального размещения производства. При этом неизбежно развитие интеграционных процессов, прежде всего между аграрными комплексами Иркутской области и Бурятии с одной стороны и Монголией – с другой, где преимущественно расположена водосборная система Байкала. Механизмом реализации региональной интеграции (в рамках Байкальского региона) с геоэкономических позиций может стать развитие кооперации и пространственного размещения производства.

3. Развитие в регионе органического сельского хозяйства. В современном мире органическое сельское хозяйство становится все более масштабным, а его продукция все более востребованной. В 2013 г. количество стран, производящих продукцию органического сельского хозяйства достигло 170, а уже в 2011 г. мировой оборот продукции органического сельского хозяйства достиг 63 млрд дол. США. При этом значительная часть (чуть более 80 %) оборота примерно поровну приходится на США и ЕС, однако доля других стран и регионов неуклонно возрастает¹. Площадь органических сельскохозяйственных угодий в мире по данным за 2013 г. достигла 43,1 млн га против 14,9 млн га в 2000 г. Это увеличение было обеспечено по большей части ростом площадей в странах Европы и в Австралии, в то время как в Африке, Латинской и Северной Америке рост был не столь существенен, а в Азии за последние десять лет, площадь земель под органическим сельским хозяйством практически не изменилась. Более того, дальнейшее развитие органического сельского хозяйства ограничивается недостатком пригодных для него земельных угодий, что объясняется сокращением не подверженных негативному антропогенному влиянию земельных угодий, а также невозможностью соблюдать полный производственный цикл, соответствующая стандартам органического сельского хозяйства.

¹ Режим доступа: <http://www.organic-world.net/yearbook/yearbook2015/graphs/graphs.html&usg=ALkJrhjmv WZ7 OzUNfmzWYiLQdw9BisXOQ>.

В сфере производства органической продукции Байкальский регион и Монголия имеют неоспоримые преимущества, в виду наличия больших запасов земельных ресурсов, мало подверженных антропогенному воздействию. К позитивным факторам можно отнести также относительно суровые климатические условия, препятствующие распространению сельскохозяйственных болезней и вредителей, что позволяет минимизировать использование средств химизации и ГМО (генетически модифицированные организмы), недопустимых в органическом сельском хозяйстве.

Как уже было отмечено выше, в настоящее время существует относительно устойчивая классификация геоэкономических регионов в зависимости от набора специфических свойств, определяющих направления развития их хозяйственных комплексов. О Байкальском регионе можно говорить, как о геоэкономическом регионе водоресурсного типа и использовать специфические геоэкономические подходы к его управлению. В этом смысле ресурс (вода) Байкальского региона выступает как ключевой фактор обеспечения продовольственной безопасности. В свою очередь сама категория «продовольственная безопасность» может интерпретироваться как неотъемлемая часть жизненно необходимого общественного блага. Таким образом, питьевая вода и ее доступность выступают неотъемлемым элементом глобальных, мезорегиональных и национальных продовольственных систем и, как следствие, должны рассматриваться в контексте развития продовольственных комплексов различных уровней. Фактор наличия водных ресурсов и уровень продовольственной безопасности тесно связаны между собой, поскольку две трети используемой пресной воды расходуется на производство продуктов питания, превышая по этому показателю потребление промышленного производства в семь раз [83].

Дефицит питьевой воды становится все более актуальной общемировой проблемой. Доступность воды носит, с одной стороны, объективный, исторический и географический характер, с другой стороны, обусловлена проведением неэффективной национальной и региональной политики в области управления водными ресурсами. На сегодняшний день порядка 80 стран мира испытывают нехватку воды, примерно 2 млрд чел. во всем мире не имеют доступа к чистой питьевой воде, из которых 1 млрд чел. не имеют достаточно воды для удовлетворения основных потребностей [206]. Высокими темпами растут объемы потребления пресной воды в мире: «за последние 80 лет общее использование пресной воды выросло в десять раз, при этом население Земли увеличилось только в 2,5 раза, а к 2050 г. на каждого жителя планеты будет приходиться лишь четверть того количества пресной воды, которое имелось в 1950 г.» [92, с. 591]. На этом фоне водоресурсный потенциал Байкальского региона приобретает новое качество глобального масштаба.

В настоящее время страны Центральной и Восточной Азии все острее ощущают дефицит земельных угодий и пресной воды, что не только угрожает продовольственной безопасности, но и ограничивает доступ населения к базовым общественным благам. Поэтому для Байкальского региона на первый план выходит сохранение природно-ресурсного потенциала (водных и земель-

ных ресурсов), как стратегических ресурсов, мощных факторов будущей глобальной конкурентной борьбы. Это тем более важно, потому что ожидается неизбежное вовлечение России и отдельных ее регионов, политических и хозяйственных руководителей в международные проекты обеспечения сопредельных государств водой и продовольствием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время на территории России функционирует несколько внутренних и международных геоэкономических регионов, границы которых «пульсируют» в соответствии с трансформацией (возникновением, изменением и исчезновением) инфраструктур и доминирующих ресурсов, определяющих конкретное географическое пространство (регион).

Основой целью применения геоэкономического подхода в большинстве случаев выступает необходимость повышения конкурентоспособности национальной экономики в глобальном масштабе. Также в приоритете построение такой геоэкономической модели хозяйствования, которая обеспечивала бы доступ к механизму управления перераспределением мирового дохода. Сложившаяся на сегодняшний день ситуация угрожает окончательным закреплением России на периферии мирового геоэкономического пространства и невозможностью оказаться в ядре так называемой «мир-системы».

Актуальность проблемы реформирования сложившейся мозаики экономического районирования и регионализации территории России обусловлена стремительным изменением мировой экономической архитектуры, в которой субъектами отношений выступают не только национальные государства и их экономики, но и отдельные регионы стран, а также корпорации-резиденты. Вопрос трансформации региональной экономической структуры России продолжительное время выступает предметом активных обсуждений и споров. Эффективная интеграция в существующую мирохозяйственную систему возможна лишь при условии обеспечения результативности использования имеющихся ресурсов и упорядоченности внутренней организации национального хозяйства, в том числе в пространственном аспекте. Активизация инвестиционной деятельности и процесса импортозамещения, а также сокращение международного экономического сотрудничества, обмена информацией и технологиями, хоть и замедляют, но не обращает вспять процессы усиления глобального взаимодействия национального и регионального хозяйства России. Значительная часть хозяйственных взаимодействий национальной экономики осуществляется посредством регионов, а точнее региональных хозяйственных структур.

Также геоэкономическим регионам свойственен интеграционный вектор развития, т. е. управление их формированием и развитием базируется, в том числе на методологии теории экономической интеграции. Экономическая интеграция в рамках геоэкономического пространства преодолевает устоявшуюся традицию региональной экономической автаркии, позволяет получать дополнительные преимущества (в условиях экономического либерализма) всеми участниками хозяйственного процесса. И несмотря на возможную неравномерность, непропорциональность распределения экономических результатов в пользу более сильных участников данного процесса, устранение барьеров для движения ресурсов геоэкономического интеграционного объединения в итоге является результатом экономически значительно более важным и позитивным.

Территория страны, несмотря на наличие единого правового и экономического пространств, достаточно сильно дифференцирована, что объясняется влия-

нием большой совокупности факторов. К ним можно причислить и геокультурный фактор. Отсюда, несомненный интерес вызывает анализ влияния геокультурного, геополитического и геоэкономического факторов на становление региональных хозяйственных, социально-экономических систем. Если международный аспект геокультурного влияния достаточно хорошо изучен и идентифицирован, то не до конца изученными остаются вопросы их влияния на формирование внутренних геоэкономических регионов страны.

Геоэкономические районы формируются, как правило, вокруг системообразующих центров, – научных (наукограды), технологических (технополисы) и их симбиозов; крупных, прорывных проектов, национального и международного масштабов (мегапроекты); крупных инфраструктурных объектов (транспортных, транзитных, энергетических). При этом вне фокуса внимания остается культурный, точнее, геокультурный фактор и его влияние на эффективность формирования и функционирования геоэкономических регионов разных типов.

В настоящее время выделяются геоэкономические регионы транспортного, энергетического, промышленно-производственного, агропромышленного, инновационного, финансового типов, а также множество регионов, выделяемых по природно-ресурсному признаку, в которых указанные инфраструктуры обеспечивают решение проблем рационального использования отдельных видов природных ресурсов и их сочетаний.

Результатом проведенной работы стало обоснование необходимости выявления, изучения и управления геоэкономическими регионами страны в условиях трансформации глобальной экономической среды. В качестве объекта изучения был взят Байкальский регион, являющийся одним из важнейших геоэкономических регионов России. Применительно к нему были определены факторы, характеризующие территорию, как геоэкономический регион водоресурсного, транзитного, нефтегазового и электроэнергетического типов, участвующий в глобальной конкурентной борьбе. Детализированы и охарактеризованы геокультурные компоненты Байкальского региона, сделано предположение о наличии выраженной связи между геоэкономическими и геокультурными факторами, способствующими формированию хозяйственного комплекса региона. Дана геокультурная характеристика Байкальского региона с учетом его этнической, религиозной и образовательной особенностей. Сделан вывод о необходимости формирования геоэкономических регионов страны в целях повышения глобальной конкурентоспособности региональной и национальной экономик, а также их эффективного включения в систему мирохозяйственных связей. В связи с этим были выделены положения, позволяющие говорить о Байкальском регионе, как о специфическом геоэкономическом и геокультурном регионе. При этом большое внимание должно уделяться изучению влияния именно геокультурных факторов, способствующих укреплению внутрирегиональной общественной структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.А. Процесс регионализации КНР: реалии и их понятийное отражение / В.А. Абрамов, Т.Н. Кучинская // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2009. – № 3 (54). – С. 196–201.
2. Аврамчикова Н.Т. Проблемы повышения качества экономического пространства ресурсно-ориентированных регионов Российской Федерации / Н.Т. Аврамчикова, М.Н. Чувашова // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 5 (332). – С. 116–124.
3. Аврамчикова Н.Т. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно-ориентированного региона / Н.Т. Аврамчикова, М.Н. Чувашова // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 28. – С. 29–39.
4. Агаметова О.Н. Региональная инновационная инфраструктура: актуальные проблемы развития / О.Н. Агаметова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3 (65). – С. 42–51.
5. Айзенштейн Е.Ю. Транснационализация как фактор формирования международного геоэкономического пространства / Е.Ю. Айзенштейн // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 159. – С. 76–78.
6. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. – М. : Мысль, 1977. – 199 с.
7. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминологическое. – М. : Мысль, 1983. – 350 с.
8. Анимациа Е.Г. Программно-проектный подход – важнейший инструмент регулирования регионального развития / Е.Г. Анимациа, Н.В. Новикова, В.А. Сухих // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2008. – № 2 (21). – С. 50–57.
9. Бабич Т.В. Использование программно-целевого подхода в решении комплексных проблем развития АПК региона / Т.В. Бабич // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Экология. – 2012. – № 2. – С. 78–84.
10. Бакулев М.В. Иркутске будет построен мощный дата-центр [Электронный ресурс] / М.В. Бакулев. – Режим доступа : <http://newsbabr.com/irk/?IDE=135575>.
11. Барашов Н.Г. Детерминанты развития инновационно-институциональной инфраструктуры в экономике России / Н.Г. Барашов, В.А. Русановский // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – № 2. – С. 49–53.
12. Басангова К.М. Стратегия территориального развития Российской Федерации / К.М. Басангова // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 1. – С. 4–7.
13. Батуева Т. Хочешь привлечь инвестора – подчеркни свое отличие! [Электронный ресурс] / Т. Батуева // Губернский. Деловой журнал. – Режим доступа : <http://www.gubernskiy.ru/archive/2009/3/1737>.

14. Белоусов В.М. Геоэкономическая парадигма научных исследований / В.М. Белоусов, А.В. Лубский // *Terra economicus*. – 2013. – Т. 11, № 4. – С. 10–17.
15. Белухин В.В. Инфраструктура России в контексте геоэкономической трансформации / В.В. Белухин // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 17. – С. 42–45.
16. Блохин Ю.В. Производственная инфраструктура региона / Ю.В. Блохин. – Кишинев : Радуга, 1980. – 130 с.
17. Бойченко А.А. Процессы региональной интеграции в мировой экономике / А.А. Бойченко // *Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика*. – 2007. – № 2. – С. 70–94.
18. Бочаров Ю.Б. Парадигма геокультуры, как основа нового этапа развития отношений между Россией и Израилем / Ю.Б. Бочаров // *Проблемы современной экономики*. – 2013. – № 14. – С. 60–66.
19. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 623 с.
20. Буздалов И. Земельная реформа: взгляд сквозь призму замысла / И. Буздалов // *АПК: Экономика, управление*. – 2012. – № 7. – С. 3–17.
21. Бухвальд Е.М. Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России / Е.М. Бухвальд // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 6. – С. 108–114.
22. Важенина И.С. О сущности бренда территории / И.С. Важенина // *Экономика региона*. – 2011. – № 3. – С. 18–23.
23. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества / И. Валлерстайн // *Социология на пороге XXI века: новые направления исследований*. – М. : ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. – С. 129–147.
24. Васильева Н.А. Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации / Н.А. Васильева, М.Л. Лагутина // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2012. – № 3 (16). – С. 19–29.
25. Виноградов Б.А. Геоэкономика: современные вызовы России и миру [Электронный ресурс] / Б.А. Виноградов. – Режим доступа : <http://isgi.ru/article/vinogradov-ba-geoekonomika-sovremennye-vyzovy-rossii-i-miru-0>.
26. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений : учеб. пособие / под ред. А.Д. Воскресенского. – М. : Рос. полит. энцикл., 2002. – 526 с.
27. Галиуллина Г.С. Геоэкономическое пространство конкуренции региональной экономики / Г.С. Галиуллина, А.З. Воцкий // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2006. – № 1. – С. 207–213.
28. Гареев Т.Р. Региональный институционализм: Terra Incognita или Terra Ficta? // *Journal of Institutional Studies*. – 2010. – Т. 2, № 2. – С. 27–37.
29. Геоэкономика и конкурентоспособность России: научно-концептуальные основы геоэкономической стратегии России : науч.-аналит. докл. / М.Ю. Байдаков, Н.Ю. Кониная [и др.] ; под науч. ред. Э.Г. Кочетова ;

Обществ. акад. наук геоэкономики и глобалистики. – М. : Кн. и бизнес, 2010. – 388 с.

30. Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме : материалы постоянно действующего науч. семинара. – М. : Науч. эксперт, 2009. – Вып. 1. – 136 с.

31. Глазачев С.Н. Устойчивость биосферы в условиях интенсивного антропогенного освоения природных систем / С.Н. Глазачев, В.И. Косоножкин // Социально-экологические технологии. – 2012. – № 1. – С. 95–102.

32. Голобородко С.Л. Формирование межрегиональных экономических систем / С.Л. Голобородко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 12. – С. 25–27.

33. Гохберг М.Я. Федеральные округа Российской Федерации: анализ и перспективы экономического развития / М.Я. Гохберг. – М. : Финансы и статистика, 2002. – 265 с.

34. Гумелев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумелев. – Л. : ЛГУ, 1989. – 495 с.

35. Гурова С.Л. Прибрежные регионы как особая группа объектов социально-экономического регулирования / С.Л. Гурова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3 (46). – С. 367–369.

36. Даванков А.Ю. Геоэкономические аспекты стратегического развития региона / А.Ю. Даванков, Е.А. Постников // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – Т. 8, № 1. – С. 24–29.

37. Дайнеко Д.В. Институциональный подход к экологическим аспектам лесопользования / Д.В. Дайнеко // Стратегия устойчивого развития регионов России. – 2012. – № 10. – С. 117–122.

38. Даниленко Л.Н. Проблемы трансформации рентно-сырьевой модели российской экономики / Л.Н. Даниленко // Инновации. – 2013. – № 2 (172). – С. 18–27.

39. Даниленко Л.Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте / Л.Н. Даниленко // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – Т. 22, № 3. – С. 35–59.

40. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 416 с.

41. Дергачев В.А. Глобалистика / В.А. Дергачев. – М. : Юнити-Дана, 2005. – 303 с.

42. Дергачев В.А. От евразийского соблазна к евразийской интеграции [Электронный ресурс] / В.А. Дергачев. – Режим доступа : <http://dergachev.ru/Landscapes-of-life/Sevastopol/03.html#.VQvTxY6UV4F>.

43. Дмитриева О.Г. Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации / О.Г. Дмитриева // Российский экономический журнал. – 2013. – № 2. – С. 30–45.

44. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии / А.Г. Дружинин. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. – 288 с.

45. Жан К. Геоэкономика: теоретические аспекты, методы, стратегия и техника [Электронный ресурс] / К. Жан. – Режим доступа : <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/theoretical-aspect/?version=forprint>.
46. Жан К. Геоэкономика как инструмент геополитики [Электронный ресурс] / К. Жан, П. Савона. – Режим доступа : http://txtfileserv.ru/xbook_99157.html.
47. Закшевский В. Повышать эффективность использования земельного фонда в сельском хозяйстве / В. Закшевский, А. Чередникова // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 8. – С. 65–72.
48. Замятин Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретации / Д.Н. Замятин // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 5–17.
49. Зарубин В.И. Концептуальная модель системы проектного управления развитием региональной экономики / В.И. Зарубин, Д.А. Духу // Новые технологии. – 2014. – № 1. – С. 67–71.
50. Захарчук Е.А. Формирование саморазвивающихся регионов: теоретические основы и динамика развития / Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков, А.А. Некрасов // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 13 (292). – С. 10–21.
51. Зельднер А.Г. Состояние и основные направления улучшения использования сельскохозяйственных земель в России / А.Г. Зельднер // Вопросы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 35–39.
52. Зимина Н.С. Процесс внутренней регионализации России в современном научном дискурсе / Н.С. Зимина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 95–99.
53. Золотухин В.М. Социально-философский и социокультурный аспекты российской ментальности / В.М. Золотухин, А.В. Родионов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 4 (29/1). – С. 17–24.
54. Зубарев А.С. Приоритетные направления политики регионального развития в условиях глобализации экономики / А.С. Зубарев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. : История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – Т. 2, № 3. – С. 149–153.
55. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н.В. Зубаревич // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 7–27.
56. Зыков А.А. Дальний Восток России как актор трансграничного сотрудничества / А.А. Зыков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 12 (266). – С. 60–65.
57. Игнатов В.Г. Регионоведение : учеб. пособие / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов. – Ростов н/Д, 1998. – 217 с.
58. Иншаков О.В. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.) / О.В. Иншаков, Д.П. Фролов. – М. : Экономистъ, 2007. – 511 с.
59. Каледин Н.В. Постсоветское пространство: предпосылка и результаты регионализации / Н.В. Каледин // Балтийский регион. – 2009. – № 1. – С. 32–42.

60. Калюжнова Н.Я. Институты регионального развития и конкурентоспособности в условиях модернизации / Н.Я. Калюжнова // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 57–65.
61. Канчукоева Л.З. Генезис методологии экономической оценки природно-ресурсного потенциала региона / Л.З. Канчукоева, Л.Б. Халишхова, Л.В. Блиева // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8, № 3, ч. 2. – С. 195–204.
62. Карпиков Е. «Свежий» взгляд на рентную проблему / Е. Карпиков // Экономические науки. – 2004. – № 6. – С. 20–28.
63. Карх Д.А. Приоритетные направления повышения эффективности регионального продовольственного комплекса / Д.А. Карх, В.М. Гаянова, Ф. Аймел // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 260–271.
64. Кельбах С.В. Развитие региональной институциональной инфраструктуры / С.В. Кельбах // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4. – С. 252–255.
65. Кенекстул В. Земельным ресурсам России – эффективную систему управления и контроля / В. Кенекстул, Г. Носкова, М. Бекетова // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 6. – С. 22–27.
66. Кетова М.П. Институты развития в многоукладных экономиках периферийных регионов / М.П. Кетова, В.Н. Овчинников // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 2 (143). – С. 68–76.
67. Кизим А.А. Факторы и условия социально-экономического развития региона: инвестиции, инфраструктура, проекты / А.А. Кизим. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. – 492 с.
68. Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология / О. Кирчик // Вопросы экономики. – 2010. – № 7. – С. 4–11.
69. Козлов А.А. Циклично-генетические закономерности формирования державных экономических интересов региональных образований / А.А. Козлов // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2009. – № 10. – С. 9–13.
70. Колесниченко Е.А. Проблемы территориальной трансформации регионального пространства / Е.А. Колесниченко // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 395–400.
71. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России / Е.А. Коломак // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 82–99.
72. Коломиец Т.И. Почему не работают институты развития? / Т.И. Коломиец // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 2 (26). – С. 39–53.
73. Колоткин М.Н. Территория в поле геопространственной конкуренции / М.Н. Колоткин // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2012. – Т. 1, № 6. – С. 92–103.
74. Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) : информ. обзор / В.А. Коптюг. – Новосибирск, 1992. – С. 19–20.
75. Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели / Г.М. Костюнина // Вестник МГИМО. – 2011. – № 1. – С. 34–42.

76. Котов А.В. Диалог проектного и программного подхода в современном освоении Арктики [Электронный ресурс] / А.В. Котов // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2013. – № 28. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/dialog-proektnogo-i-programmnogo-podhoda-v-sovremennom-osvoenii-arktiki>.
77. Кочетов Э.Г. Мировая экономическая арена: смена воззрений (выход на новую доктрину внешнеэкономических связей – геоэкономическую) / Э.Г. Кочетов // Известия УрГЭУ. – 2009. – № 3 (25). – С. 47–56.
78. Кочетов Э.Г. Теоретические и методологические основы современной внешнеэкономической политики, стратегии и экономической дипломатии («держат стратегическую паузу – завершить стратегический маневр!») / Э.Г. Кочетов // Безопасность Евразии. – 2008. – № 1 (январь – март). – С. 373–410.
79. Крестьянство и власть в истории России XX века : (по итогам междунар. круглого стола) / подгот. П.П. Марченя, С. Разин, И. Ионов // Общественные науки и современность. – 2012. – № 3. – С. 79–95.
80. Кузнецов В.П. Влияние реализации дорожной карты на развитие социально-экономической системы (региона) / В.П. Кузнецов, Ж.А. Судаева // Научное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 162–169.
81. Кузнецов С.В. Современная трактовка «геоэкономическое положение» и ее верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации / С.В. Кузнецов, С.С. Лачининский // Балтийский регион. – 2014. – № 1. – С. 103–121.
82. Кулешов В.В. От проектов-дженериков – к комплексному развитию / В.В. Кулешов // ЭКО. – 2008. – № 6. – С. 4–13.
83. Куликов В.В. Нынешняя модель глобализации и Россия / В.В. Куликов // Российский экономический журнал. – 2002. – № 10–11. – С. 65–74.
84. Кунаков Д.А. Опыт функционирования особых экономических зон в России / Д.А. Кунаков // Российский внешнеэкономический вестник. – 2009. – № 6 (июнь). – С. 31–42.
85. Кучинская Т.Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая: уроки для России / Т.Н. Кучинская // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 27–34.
86. Кучинская Т.Н. Россия и Китай в социокультурном пространстве Северо-Восточной Азии / Т.Н. Кучинская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6/2. – С. 121–124.
87. Лавлинский С.М. Модельный инструментальный результативного управления в ресурсном регионе / С.М. Лавлинский, И.С. Калгина // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 2 (143). – С. 56–67.
88. Лаврикова Ю.Г. Региональные особенности пространственного развития промышленного комплекса региона в условиях нестабильности / Ю.Г. Лаврикова // Экономика региона. – 2009. – № 3. – С. 62–69.
89. Лавринова Н.Н. Геокультурные основания менталитета / Н.Н. Лавринова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 197–201.

90. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века / М.Л. Лагутина // Сравнительная политика. – 2015. – № 2 (19). – С. 16–21.
91. Ланда К.Г. Каспийский регион: модель сотрудничества или раздора? / К.Г. Ланда // Власть. – 2008. – № 3. – С. 85–89.
92. Ларионов В.Г. Современное состояние мировых водных ресурсов и основные направления по увеличению их доступности / В.Г. Ларионов, Е.Н. Шереметьева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 4. – С. 590–596.
93. Латрыгина Е.Э. Реализация дифференцированного подхода к управлению экономикой регионов / Е.Э. Латрыгина // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 9. – С. 88–92.
94. Лачининский С.С. Опыт типологии геоэкономических рисков / С.С. Лачининский // География и природные ресурсы. – 2013. – № 2. – С. 15–22.
95. Лачининский С.С. Некоторые вопросы реализации энергетической политики России в Балтийском регионе: геоэкономический подход / С.С. Лачининский // Балтийский регион. – 2013. – № 2 (16). – С. 17–29.
96. Лачининский С.С. Эволюция экономического пространства России в начале XXI века: геоэкономический подход / С.С. Лачининский // Вестник АРГО. – 2012. – № 1. – С. 258–268.
97. Левин С.Н. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике / С.Н. Левин, Е.С. Каган, К.С. Саблин // Journal of Institutional Studies. – 2015. – № 3. – С. 92–101.
98. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59–66.
99. Лиманский А.Е. Влияние регионализации на формирование федеративных отношений в России [Электронный ресурс] / А.Е. Лиманский. – Режим доступа : http://elibrary.altstu.ru/elibrary/books/Files/pa2005_04/pdf/135Limansky.pdf.
100. Лист Ф. Национальная система политической экономии / Ф. Лист. – СПб. : А.Э. Мартенс, 1891. – 486 с.
101. Лихачев А.Е. Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства / А.Е. Лихачев, А.Н. Спартак // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – № 5. – С. 20–27.
102. Любичанковский А.В. Многообразие подходов к изучению геокультурного пространства Оренбургской области / А.В. Любичанковский, В.А. Любичанковский // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 19–24.
103. Мальченков С.А. Геостратегия России: внутренние и внешние приоритеты / С.А. Мальченков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 60. – С. 176–181.
104. Маркарян В.Р. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях глобализации экономического пространства [Электронный ресурс] / В.Р. Маркарян, А.С. Молчан // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 95 (01). – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/201401/pdf/37.pdf>.

105. Маслихина В.Ю. Роль и влияние региональных институтов развития на экономику регионов России / В.Ю. Маслихина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 153–160.
106. Матвеев Ю.В. Воспроизводственная инфраструктура в условиях модернизации российской экономики / Ю.В. Матвеев, О.В. Трубецкая // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 642–646.
107. Международные инвесторы скупают сельхозугодья // Экономика сельского хозяйства. – 2011. – № 5. – С. 77–84.
108. Мелокумов Е.В. Автотрофно-экологическая эффективность (полезность) и развитие альтернативной энергетики в проектировании экономики нового типа / Е.В. Мелокумов // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2011. – № 2. – С. 117–124.
109. Минакир П.А. Региональные стратегии и имперские амбиции / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 7–11.
110. Мировая экономика : учебник / под ред. проф. А.С. Булатова. – М. : Экономистъ, 2005. – 734 с.
111. Митина И.В. Глобализация и геокультура: к постановке вопроса / И.В. Митина // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 123–137.
112. Мищенко В.В. Геоэкономические особенности развития приграничных регионов Сибирского федерального округа / В.В. Мищенко, И.Н. Воробьева // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2 (78). – С. 294–300.
113. Морачевский В.Г. Основные понятия геоэкологии / В.Г. Морачевский, К.М. Петров // Основы геоэкологии. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та. – 1994. – С. 56–40.
114. Невейкина Н.В. Факторы развития региона / Н.В. Невейкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 78–85.
115. Неклесса А.И. Геоэкономическая формула мироустройства: Траектории России в новом универсуме / А.И. Неклесса // Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме : материалы науч. семинара. – М. : Науч. эксперт, 2009. – Вып. 1. – 126 с.
116. Немцева Т.И. Этнокультурные особенности населения как составная часть геокультурной характеристики региона / Т.И. Немцева // Вестник Псковского государственного университета. Сер. : Естественные и физико-математические науки. – 2008. – № 4. – С. 96–100.
117. Неучева М.Ю. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон / М.Ю. Неучева // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 3. – С. 102–105.
118. Нечаев В. Трансакционные издержки при оформлении прав собственности на земельные участки / В. Нечаев // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 7. – С. 30–36.
119. Новокшонова Л.В. Межгосударственные интеграционные объединения и всемирная торговая организация: вместе и врозь / Л.В. Новокшонова,

Н.В. Шмелева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3/3. – С. 183–187.

120. Новоселова И.Ю. Теоретико-методические основы оценки природно-ресурсного потенциала региона / И.Ю. Новоселова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Вып. 4. – С. 144–148.

121. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997. – 180 с.

122. Носонов А.М. Основные направления региональных исследований / А.М. Носонов // Псковский регионологический журнал. – 2008. – № 6. – С. 3–7.

123. Нурышев Г.Н. Внутренняя геополитика России: исторические основания и современные вызовы / Г.Н. Нурышев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – Т. 5, № 11. – С. 233–240.

124. Нурышев Г.Н. Регионы современной России в геополитическом измерении / Г.Н. Нурышев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – Т. 5, № 11. – С. 240–254.

125. Нурышев Г.Н. Теоретико-методологические основы геоэкономики / Г.Н. Нурышев // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. : Экономика и экологический менеджмент. – 2012. – № 1. – С. 305–318.

126. Овешникова Л.В. Исследование субъектно-объектного состава региональной инфраструктуры / Л.В. Овешникова, Е.В. Сибирская // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – № 2. – С. 72–77.

127. Окунь С. Особые зоны по специальным ценам / С. Окунь, Д. Скоробогатко // Коммерсант. – 2016. – 9 июня (№ 101).

128. Орлова В.Г. Закономерности регионального развития в контексте глобализации / В.Г. Орлова // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2008. – № 10. – С. 54–59.

129. Павленко В.Б. Концепция устойчивого развития как идеологический и политический фундамент глобализации: теория и практика внедрения / В.Б. Павленко // Астраханский вестник экологического образования. – 2012. – № 4 (22). – С. 44–64.

130. Панасюк М.В. Управление регионом: территориальный подход [Электронный ресурс] / М.В. Панасюк. – Режим доступа : <http://kpfu.ru/docs/F1189854637/PanUpr.pdf>.

131. Пашков В.П. Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»: взгляд десять лет спустя / В.П. Пашков // Россия и современный мир. – 2011. – № 4. – С. 174–186.

132. Пляскина Н.И. Стратегическое планирование межотраслевых ресурсных мегапроектов: методология и инструментарий / Н.И. Пляскина, В.Н. Харитонова // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 2. – С. 15–27.

133. Пономарев А. И. Концепция ноосферы В.И. Вернадского и проблемы экономической теории. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Истоки : сб. ст. – М. : Экономика, 1989. – Вып. 1. – С. 222–223.

134. Попов Е.В. Институты регионального развития экономики знаний / Е.В. Попов, М.В. Власов, М.О. Симахина // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 4. – С. 2–7.
135. Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления / отв. ред. Е.М. Бухвальд. – М. : Ин-т экономики РАН, 2015. – 290 с.
136. Ратцель Ф. Народоведение : в 2 т. / Ф. Ратцель ; пер. с нем. Д.А. Коропчевского. – СПб. : Кн-во т-во Просвещение, 1900. – Т. 1. – 800 с.
137. Ревизорский М. «Группа семи/восемью» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? / М. Ревизорский // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, № 4. – С. 29–48.
138. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
139. Реймерс Н.Ф. Природопользование : слов.-справ. / Н.Ф. Реймерс. – М. : Мысль, 1990. – 637 с.
140. Рогов В.Ю. Государственное регулирование рыбохозяйственного комплекса региона: геоэкономический подход / В.Ю. Рогов, Ше Сон Гун. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. – 287 с.
141. Рогов В.Ю. Организационно-экономические и финансовые механизмы развития геоэкономических регионов / В.Ю. Рогов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2003. – № 1 (34). – С. 148–160.
142. Рогов В.Ю. Основы формирования геоэкономических регионов современной России / В.Ю. Рогов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. – 200 с.
143. Розанов Л.Л. Современное геоэкологическое / Л.Л. Розанов // Научный диалог. – 2015. – № 2 (38). – С. 21–40.
144. Розов Н.С. Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России / Н.С. Розов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 107–121.
145. Розов Н.С. Образ будущего миропорядка и стратегии России / Н.С. Розов // Политическая концептология. – 2012. – № 1. – С. 82–96.
146. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта / В.Г. Введенский, А.Ю. Горохов. – М. : Серебряные нити, 2002. – 128 с.
147. Рубанов И.Н. Устойчивое развитие регионов России: интегральная оценка / И.Н. Рубанов, В.С. Тикунов // Географический вестник. – 2009. – № 3. – С. 1–10.
148. Рудакова Е.К. Природно-ресурсный потенциал как аспект национальной безопасности России / Е.К. Рудакова // Власть. – 2011. – С. 71–74.
149. Рудницкая А.П. Процессы регионализации в странах европейского союза: вызовы и тенденции / А.П. Рудницкая, Ю.А. Глинник // PolitBook. – 2016. – № 1. – С. 92–107.
150. Рудский В.В. Теоретические вопросы природопользования и геоэкологии (понятийно-терминологический аспект) / В.В. Рудский // Известия Алтайского государственного университета. – 1996. – № 1 (1).

151. Рябцев В. Геополитические особенности Черноморско-Каспийского региона в условиях постбиполярного мира [Электронный ресурс] / В. Рябцев. – Режим доступа : <http://evrazia.org/print.php?id=2142>.
152. Савченко Е.Е. Пространственно-экономическая трансформация региона ресурсного типа: системно-инфраструктурный подход / Е.Е. Савченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 2 (94). – С. 50–62.
153. Садов С.Л. Модель качественной оценки вариантов объединения регионов / С.Л. Садов // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 39–54.
154. Садыкова Э.Ц. Оценка природно-ресурсного потенциала Республики Бурятия / Э.Ц. Садыкова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Спец. вып. D. – С. 200–203.
155. Сапир Е.В. Региональные сетевые партнерства – инструмент интеграции в глобальную инновационную среду / Е.В. Сапир // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2009. – № 3. – С. 57–72.
156. Семьянинов В.П. Особенность геоэкономического подхода к определению роли государства в экономике России в условиях глобализации / В.П. Семьянинов // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 24–28.
157. Сергунин А.А. Регионализация России: роль международных факторов / А.А. Сергунин // Полис. – 1999. – № 3. – С. 76–88.
158. Сеницкий С.В. Эволюция регионов и генезис системы геоэкономического управления / С.В. Сеницкий // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2005. – № 95. – С. 68–73.
159. Смищенко Р.С. Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе / Р.С. Смищенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4/2. – С. 278–281.
160. Сольская И.Ю. Механизмы обращения ресурсной ренты / И.Ю. Сольская, Д.А. Динец // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 242–249.
161. Стровский Л.Е. Концептуальные основы геоэкономической интеграции России в мировые воспроизводственные процессы / Л.Е. Стровский, Е.Д. Фролова // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2009. – № 3 (25). – С. 73–81.
162. Суходолов А.П. Байкальский регион как модельная территория устойчивого развития [Электронный ресурс] / А.П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)). – № 4. – 2010. – № 4. – Режим доступа : <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=11932>.
163. Сысоева Н.М. Институциональные проблемы развития Байкальского региона / Н.М. Сысоева // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 55–72.

164. Татаркин А.И. Приоритеты подготовки и реализации стратегических мегапроектов вовлечения новых углеводородных районов Арктического побережья / А.И. Татаркин, М.Б. Петров // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2015. – Т. 18, № 3. – С. 533–536.
165. Татаркин А.И. Пространственное развитие региональных и территориальных экономических систем с использованием программно-проектных подходов / А.И. Татаркин // Проблемы экономики. – 2012. – № 3. – С. 71–80.
166. Татаркин А.И. Социально-экономический статус срединного региона России / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2005. – № 2. – С. 5–22.
167. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации / А.И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 42–59.
168. Татаркин А.И. Региональные институты развития как факторы экономического роста / А.И. Татаркин, С.Н. Котлярова // Экономика региона. – 2013. – № 3 (35). – С. 9–18.
169. Татаркин А.И. Саморазвивающиеся территориальные экономические системы: диалектика формирования и функционирования / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. : Экономика. – 2010. – № 3 (184). – С. 5–12.
170. Троицкий М.А. Глобальный регионализм и внешняя политика России / М.А. Троицкий // Свободная мысль. – 2009. – № 11. – С. 35–46.
171. Узлов Ю.А. Геокультура как фактор развития цивилизации / Ю.А. Узлов // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 4. – С. 48–54.
172. Улькина Е.С. Оценка интенсивности экономического сотрудничества и использования ресурсного потенциала приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока / Е.С. Улькина // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 12 (115). – С. 160–169.
173. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона / Т.В. Ускова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, – 2009. – 355 с.
174. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / под ред. В.В. Попкова. – М. : Экономика, 2007. – 295 с.
175. Факторы устойчивого развития регионов России / В.В. Виноцына, О.С. Гайфутдинова, П.М. Горшенина [и др.] ; под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск : ЦРНС, 2009. – Кн. 6. – 326 с.
176. Федоров Г.М. Трансграничная регионализация в условиях глобализации / Г.М. Федоров, В.С. Корнев // Балтийский регион. – 2010. – № 4. – С. 103–114.
177. Фиоре С. Институциональная организация геоэкономической конкуренции [Электронный ресурс] / С. Фиоре. – Режим доступа : <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/competition/?version=forprint>.
178. Фролов Д.П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? / Д.П. Фролов // Пространственная экономика. – 2015. – № 1. – С. 14–37.

179. Хайруллов Д.С. Проблемы устойчивости социально-экономического развития региона / Д.С. Хайруллов, Л.М. Еремеев // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – Казань. – 2012. – № 1. – С. 73–76.
180. Хасанов И.Ф. Международный опыт создания и функционирования институтов развития / И.Ф. Хасанов // Транспортное дело России. – 2009. – № 3. – С. 37–41.
181. Хенкин С.М. Культурно-историческое своеобразие Средиземноморского региона / С.М. Хенкин // Средиземноморские страны Европы: тенденции политического и социально-экономического развития. Актуальные проблемы Европы. – М. : ИНИОН РАН, 2014.
182. Цапиева О.К. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель / О.К. Цапиева // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2. – С. 307–311.
183. Цыганок Н.А. Трансграничное региональное сотрудничество Дальнего Востока России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / Н.А. Цыганок // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/2. – С. 293–296.
184. Цымбурский В. Русские и геоэкономика / В. Цымбурский // Pro et Contra. – 2003. – Т. 8, № 2. – С. 178–216.
185. Чернобровкина Н.И. Трансграничная регионализация в Евразийском регионе / Н.И. Чернобровкина, А.А. Овсянникова // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 2. – С. 161–167.
186. Чувашова М.Н. Систематизация факторов, влияющих на качество экономического пространства ресурсно-ориентированных регионов / М.Н. Чувашова // Вестник СибГАУ. – 2014. – № 5 (57). – С. 314–319.
187. Швецов А.Н. Пространство, модернизация, государство: проблема системных взаимосвязей / А.Н. Швецов // Пространственная экономика. – 2015. – № 1. – С. 38–61.
188. Ше С.Г. Подход к реформированию системы управления в Тихоокеанском геоэкономическом регионе водно-биоресурсного типа / С.Г. Ше // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 4 (84). – С. 70–73.
189. Шебанова М.А. Исторические формы транснациональной экономики и политики / М.А. Шебанова // Полития. – 2011. – № 4 (63). – С. 172–182.
190. Шевченко И.К. Программно-проектный инструментарий поддержки процесса управления экономическими системами: теория, методология, инструментарий / И.К. Шевченко. – Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. – 361 с.
191. Шерстянкина Т.В. Инновационно-познавательные тенденции в определении самодостаточности российских регионов / Т.В. Шерстянкина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 14. – С. 97–101.
192. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации / М.Ю. Шинковский. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 336 с.

193. Щедровицкий П. Современная национальная промышленная политика России [Электронный ресурс] / П. Щедровицкий, В. Княгинин. – Режим доступа : <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/projection>.
194. Экономическая политика в современной России: теоретические основы и проблемы эффективной реализации / под общ. ред. М.Ю. Малкиной. – Н. Новгород : Науч.-исслед. социол. центр, 2012. – 249 с.
195. Юртаев В.И. Социокод и развитие мира / В.И. Юртаев // Метафизика. – 2013. – № 2 (8). – С. 46–54.
196. Юрьева Т.В. Проектный подход как инструмент реализации стратегических целей / Т.В. Юрьева // Экономические науки. – 2014. – № 11 (120). – С. 7–10.
197. Яковлева И.Я. Рентные отношения: институциональный подход / И.Я. Яковлева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 3 (65). – С. 10–12.
198. Ascani A. New Economic Geography and Economic Integration : A Review / A. Ascani, R. Crescenzi, S. Iammarino ; Department of Geography and Environment London School of Economics and Political Science. – L., 2012. – 25 p. – (WP1/02 Search Working Paper).
199. Asian Water Development Outlook 2013: Measuring water security in Asia and the Pacific. – Mandaluyong City, Philippines : Asian Development Bank, 2013. – 111 p.
200. Castells M. The rise of the Network Society / M. Castells. – Oxford, UK : Blackwell Publ., 1996. – 650 p.
201. Deichmann U. The Economic Geography of Regional Integration / U. Deichmann, I. Gill // Finance and Development. – 2008. – Vol. 45, № 4. – P. 45–47.
202. Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce / E. Luttwak // National Interest. – 1990. – № 20. – P. 12–34.
203. Ohmae K. Triad Power: The Coming Shape of Global Competition / K. Ohmae. – N. Y. : The Free Press, 1985. – 220 p.
204. Olson R.L. Alternative images of a sustainable future / R.L. Olson // Futures. – 1994. – № 26. – P. 156–169.
205. Future water availability for global food production: The potential of green water for increasing resilience to global change [Electronic resource] / J. Rockström, M. Falkenmark, L. Karlberg, H. Hoff // Water Resources Research. – 2009. – Vol. 45, iss. 7. – DOI : 10.1029/2007WR006767.
206. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System / I. Wallerstein. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. – 45 p.
207. Wallerstein I. After Liberalism / I. Wallerstein. – N. Y. : New Press, 1995. – 256 p.
208. Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System: Concepts For Comparative Analysis : Essays / I. Wallerstein. – Cambridge etc., 1979. – P. 4–5.

Научное издание

Багайников Михаил Логинович

**ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ:
ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 28.12.16. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 9,3. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.